Мемориальный дом-музей С.Т. Аксакова
Аксаковский фонд

Золотое кольцо аксаковского Поволожья

Литературный путеводитель
по аксаковским местам Поволжского региона

УФА – 2013

Авторы-составители: *Петрова Т.Е., Кузина Г.Н.* –
научные сотрудники Мемориального дома-музея С.Т. Аксакова.

В путеводителе использованы материалы краеведов и историков Уфы:
Гудкова Г.Ф., Гудковой З.И., Роднова М.И., Чечухи А.Л., Буравцова В.Н., Назарова В.Л., Свице Я.С., Синенко С.Л., Ивановой Г.О., Гайнуллиной Г.В.,
а также литературных и краеведческих сайтов.

Авторы выражают благодарность краеведам из Самары, Оренбурга, Ульяновска и Казани – *Панову В.И., Коровину П.А., Поддубной Р.П., Плигину Н., Колычеву С.В., Кузьмину В.К., Петрову С.Б., Муртазиной Ф.Г., Карташевой Е.И.* за предоставленные материалы, а также *Евдокимовой Е.В., Харрасовой Э.Н. и Хозиковой Н.В.* за участие в подготовке путеводителя.

Издание второе, дополненное и исправленное

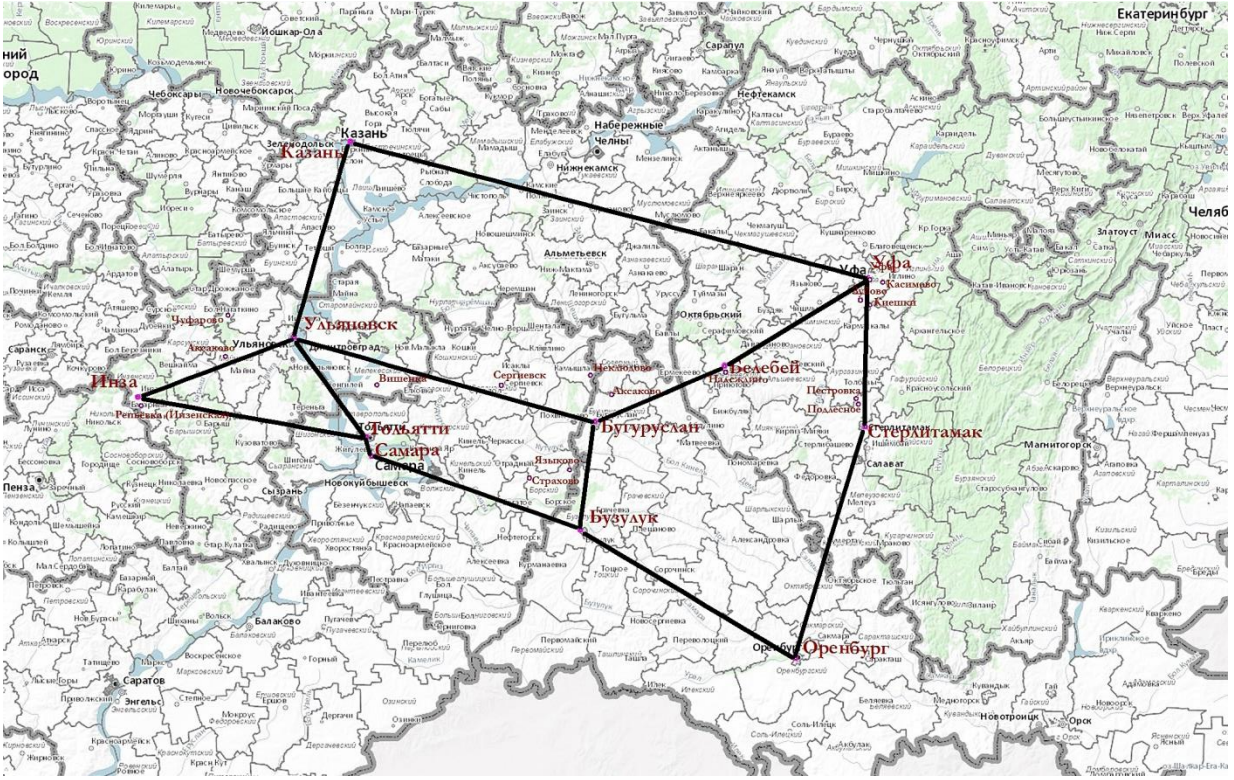
Золотое кольцо аксаковского Поволожья. Литературный путеводитель по аксаковским местам Поволжского региона /Авт.-сост.: Петрова Т.Е., Кузина Г.Н. – Уфа, 2013. – 328 с.

В литературном путеводителе представлены аксаковские места в Башкирии, Оренбургской, Самарской, Ульяновской областях и Татарии. Впервые объединяются единым маршрутом самые значимые селения, в которых бывал С.Т. Аксаков в детстве, через которые проходили пути, соединяющие симбирские имения с оренбургскими и уфимскими, а также места, где он охотился или бывал в гостях и где находились имения его родственников.

Дорога – удивительное дело!
Ее могущество непреодолимо, успокоительно
и целительно.
Отрывая вдруг человека от окружающей его среды,
все равно, любезной ему или даже неприятной,
от постоянно развлекающей его множеством
предметов,постоянно текущей разнообразной
действительности,она сосредоточивает его мысли и
чувства в тесный мир дорожного экипажа,
устремляет его внимание сначала
на самого себя, потом на воспоминание прошедшего
и, наконец, на мечты и надежды – в будущем;
и все это делается с ясностью и спокойствием,
без всякой суеты и торопливости.

С.Т. Аксаков «Детские годы Багрова-внука»

КАРТА-СХЕМА АКСАКОВСКИХ МЕСТ ПОВОЛЖЬЯ

Книги Сергея Тимофеевича Аксакова не изучаются в школе, поэтому дорога к ним у всех своя. Дети знают это имя по сказке «Аленький цветочек». Охотники и рыболовы – по охотничьей трилогии: «Записки об уженье рыбы», «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» и «Воспоминаниям охотника с разных охот» (последняя книга написана вместе с другим охотником – классиком русской литературы Иваном Сергеевичем Тургеневым). Любители чтения – по автобиографической трилогии: «Семейная хроника», «Детские годы Багрова-внука», «Воспоминания».

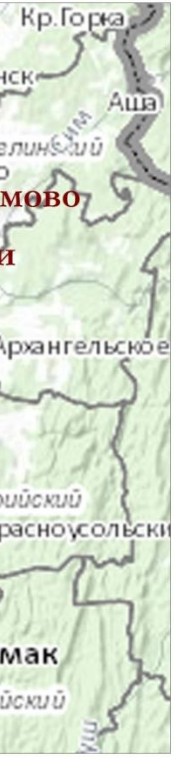
В прозе Аксакова существует какая-то неразгаданная тайна – такая непритязательная, безыскусная (Сергей Тимофеевич признавался, что не считает себя настоящим писателем, так как не имеет дара что-либо придумывать, а пишет только то, что достоверно знает и что сам пережил), лишенная бурных страстей и навороченных конфликтов, – она наполнена повседневными маленькими радостями и открытиями, неспешным вглядыванием в окружающую жизнь. Даже книги об охоте и рыбной ловле, имеющие, казалось бы, справочный характер, затягивают читателя не столько информацией, сколько доверительной интонацией, искренним наслаждением от прочитанного. Не случайно сам Аксаков адресовал их не просто охотнику, а «охотнику-артисту», «образованному наблюдателю» за природой.

Те, кто приходит к книгам Аксакова сознательно, навсегда принимают их как источник тихой радости и душевного спокойствия, как «лечебник» от суетности и сумасшествия современной жизни. Для самого Аксакова «лекарством от пошлости жизни» была природа. «Есть на свете примиритель вечно юный и живой», – писал он. И этим примирителем является природа.

Ухожу я в мир природы,
В мир спокойствия, свободы,
В царство рыб и куликов,
На свои родные воды,
На простор степных лугов,
В тень прохладную лесов
И – в свои младые годы.

Аксаковские места, в некотором смысле, – собирательный образ. Они охватывают не только обширную территорию, не только родовые земли и места, где он жил продолжительное время и наездами, куда приезжал в гости и которыми владели его сёстры и братья, другие родственники. Это и места, по которым приходилось проезжать во время долгих переездов из одного имения в другое, это и огромные пространства «охотничьих угодий» С.Т. Аксакова, исхоженные им в поисках дичи (в молодые годы он «никогда не расставался с ружьём» даже в небольших хозяйских поездках). Полюбив Аксакова и его творчество, хочется сродниться с ним, научиться видеть мир его глазами и чувствовать его душой. Аксаковские маршруты могут в этом помочь.

КАРТА СХЕМА АКСАКОВСКИХ МЕСТ В БАШКИРИИ
И ПУТИ ИЗ УФЫ В НАДЕЖДИНО И ДАЛЕЕ В ОРЕНБУРГСКИЕ ИМЕНИЯ

АКСАКОВСКИЕ МЕСТА БАШКИРИИ

Уфа – родина Сергея Тимофеевича Аксакова. С этих мест и начнутся маршруты путеводителя. Аксаковские места в Башкирии – это «подгородные» деревни, принадлежавшие деду и отцу; деревни, куда они выезжали погостить и полечиться, белебеевские и «стерлитамацкие» имения.

Аксаковские маршруты по Башкирии можно объединить в два кольца. Малое: *Уфа – Касимово – Киешки – Камышлы – Зубово – Алкино – Уфа*. И большое аксаковское кольцо: *Уфа – Надеждино – Пёстровка – Подлесное – Уфа.*

Особый маршрут составляет путь из Уфы в оренбургское Аксаково. Приведём его с современными названиями деревень: *Уфа – Зубово – Ибрагимово – Теперишево – Казангулово – Давлеканово – Слакбаш – Надеждино – Ик-Карамалы – и далее по оренбургскому краю: Коровино – Полибино – Кивацкое – Аксаково.*

УФА

В 70-х годах XVIII века в Уфе насчитывалось девять улиц и 1058 дворов. Проживало в них около двух с половиной тысяч человек: мещане, разночинцы, купцы, военнослужащие, духовенство. Строительство в городе велось стихийно, без какого-либо плана. Характерным для Уфы типом зданий были деревянные дома-усадьбы. На долю дворян приходилось почти 16% уфимских дворов. Из всех городов Урала Уфа – самый дворянский.

Многочисленным было посадское население. В старину так называли представителей различных ремесел: кузнецов, плотников, каменщиков, скорняков и т.д. Быстрее других ремесел развивались кожевенный и кузнечный промыслы; горожане занимались также портняжными, сапожными, плотницкими, столярными и другими работами. Во второй половине XVIII века в связи с развитием в крае металлургической промышленности в Уфе начали строиться усадьбы крупных уральских заводчиков. До сих пор в городе сохранился дом горнозаводчика Ивана Демидова, в котором в мае 1775 года останавливался великий русский полководец Александр Васильевич Суворов.

САД имени С.Т. АКСАКОВА

«Рождение сына произвело необыкновенное веселье в доме; даже соседи отчего-то повеселели. Вся прислуга Багровых, опьянев сначала от радости, а потом от вина, пела и плясала на дворе; напились даже те, которые никогда ничего не пивали, в числе последних был Ефрем Евсеев, с которым не могли сладить, потому что он все просился в комнату к барыне, чтоб посмотреть на ее сынка; наконец жена, с помощью Параши, плотно привязала Евсеича к огромной скамейке, но он, и связанный, продолжал подергивать ногами, щелкать пальцами и припевать, едва шевеля языком: «Ай, люли, ай, люли!..»

«Для окончательного устройства своего новенького домика и маленького хозяйства Софья Николавна пригласила к себе на помощь одну свою знакомую вдову, уфимскую мещанку Катерину Алексеевну Чепрунову.»

Здесь на деньги, выделенные отцом, Мария Николаевна купила новый дом Веселовских, где и жили первые годы молодые супруги Аксаковы.

Первоначально это место называлась Голубиной слободкой, затем – улицей Голубиной и позже – улицей Пушкинской. Вместо современного пруда на том месте был овраг с безымян-

ной речкой, у истока которой и стоял дом Аксаковых. Вокруг отец Сергея Аксакова посадил красивый сад. К сожалению, дом сгорел в 1821 году, и на его месте вскоре был построен другой, сохранившийся до наших дней.

За свою историю сад несколько раз менял названия: носил имя Блохина, Видинеева, Луначарского. В середине XIX века вся бывшая усадьба Аксаковых принадлежала купцу первой гильдии Кондратию Блохину, – владельцу одной из самых известных уфимских фирм – более века вносившему значительные вклады в благоустройство и культурное развитие Уфы.

Его сын и наследник Александр Блохин построил в саду Летний театр (1875 г.), который позже сгорел, и посадил очень много берёз. В 1888 году усадьба с садом и постройками перешла в собственность заводчика Василия Ильича Видинеева, в честь которого сад долгие годы назывался Видинеевским. Он же в 1894 году взамен сгоревшего строения построил новое здание Летнего театра. Театр был возведен всего за девять месяцев. Это было внушительное сооружение с уютным многоярусным с прекрасной акустикой залом на 794 места. В театре выступали заезжие знаменитости. К примеру, в 1895 году в составе Товарищества артистов имперского московского Малого театра зрителям посчастливилось увидеть легендарную А.А. Яблочкину, будущую народную артистку СССР. Здесь выступал молодой Федор Иванович Шаляпин.

В 1920 годы сад, расположенный на месте бывшей усадьбы Аксаковых, стал носить имя одного из гонителей «патриархального писателя-крепостника Аксакова» – наркома просвещения СССР А.В. Луначарского. Молодёжь сократила длинное название, и появилось новое имя сада – «Лунный», быстро ставшее известным всей Уфе. Летом ежедневно с восьми часов вечера и до полуночи в нём играл духовой оркестр, на эстраде устраивались концерты. Работали павильон-читальня, бильярдная, ресторан. Здание ресторана, как и театра, было деревянным, ещё «ви-

динеевским», и открывалось только на лето. Зимой на пруду работал каток; коньки выдавались напрокат. Кстати, история пруда в саду Аксакова также ведёт начало с 1822 года, когда хозяева земли, воспользовавшись насыпью через ручей и овраг, решили использовать её как запруду и устроить в овражке искусственный водоём.

В 1956 году был построен новый главный вход в виде арки с колоннами и установлена металлическая изгородь. Тогда же появились площадка для аттракционов, комната смеха, киноплощадка и фонтаны. В саду установили популярные в те годы гипсовые скульптуры. В 1968 году берега пруда укрепили плитами.

В преддверии 200-летнего юбилея С.Т. Аксакова, в 1989 году, сад получил имя писателя и в нём был установлен памятный знак. В последние десять лет он заметно изменился: облагорожены берега озера, выложены плиткой дорожки, открылось кафе «Аленький цветочек».

МЕМОРИАЛЬНЫЙ ДОМ-МУЗЕЙ С.Т. АКСАКОВА

«Мы жили тогда в губернском городе Уфе и занимали огромный зубинский деревянный дом, купленный моим отцом, как я после узнал, с аукциона за триста рублей ассигнациями. Дом был обит тесом, но не выкрашен; он потемнел от дождей, и вся эта громада имела очень печальный вид. Дом стоял на косогоре, так что окна в сад были очень низки от земли, а окна из столовой на улицу, на противоположной стороне дома, возвышались аршина три над землей; парадное крыльцо имело более двадцати пяти ступенек, и с него была видна река Белая почти во всю свою ширину. Две детские комнаты, в которых я жил вместе с сестрой, выкрашенные по штукатурке голубым цветом, находившиеся возле спальной, выходили окошками в сад, и посаженная под ними малина росла так высоко, что на целую четверть заглядывала к нам в окна, что очень веселило меня и неразлучного мое-

го товарища – маленькую сестрицу. Сад, впрочем, был, хотя довольно велик, но не красив: кое-где ягодные кусты смородины, крыжовника и барбариса, десятка два-три тощих яблонь, круглые цветники с ноготками, шафранами и астрами, и ни одного большого дерева, никакой тени; но и этот сад доставлял нам удовольствие».

В этом доме в конце XVIII века на одной половине размещалась канцелярия, а на другой жил Товарищ Наместника со своей семьёй и челядью.

В должности Товарища Наместника служил в Уфимском наместничестве дед писателя по материнской линии Николай

Мемориальный дом-музей С.Т. Аксакова

Семенович Зубов. В этом доме прошли молодые годы Марии Николаевны Зубовой.

В 1792 году после смерти деда писателя, отец выкупил этот дом, и молодая семья Аксаковых с грудным ребёнком переехала из Голубиной слободки в знакомый и обустроенный дом деда. Здесь и прошли «Детские годы Багрова-внука», рассказанные им самим на склоне лет.

Комната маменьки
в жилой анфиладе

Дом построен, предположительно, в середине 1700-х годов, и на сегодня это – одно из самых старых строений Уфы. За свою долгую историю он принадлежал многим частным владельцам. После революции здесь был детский приют, уфимский кожно-венерологический диспансер, библиотека работников просвещения, а в 1960-ые годы этот заповедный уголок старой Уфы и вовсе чуть не уничтожили. Только стараниями краеведов П.Ф. Ищерикова, Г.Ф. и З.И. Гудковых удалось предотвратить его снос.

В сентябре 1991 года в дни 200-летнего юбилея Сергея Тимофеевича Аксакова в Уфе открылся Мемориальный дом-музей писателя.

Он имеет две экспозиционные части и выставочный зал. Мемориальная часть состоит из семи залов, организованных в две анфилады – большую парадную и малую внутреннюю. В них воссозданы интерьеры, характеризующие жизнь уфимского общества конца XVIII – начала XIX века; музей знакомит с историей города и Уфимского наместничества, а также с «семейной хроникой» Зубовых-Аксаковых, показывая, как городское окружение, семья и быт формировали духовный мир писателя.

В литературной экспозиции представлены материалы, раскрывающие историю казанского периода ученичества Серёжи Аксакова, его деятельности как театрального критика, творчества писателя в контексте русской литературы XVIII-XIX веков, его ближайшего окружения.

Голубая гостиная воспроизводит интерьер губернаторского дома второй половины XIX века. Документальные материалы этого зала связаны с деятельностью сына писателя – Григория Сергеевича Аксакова, который в середине 1860-х годов стал первым Уфимским губернатором.

В «Гостиной Ольги Григорьевны Аксаковой» – любимой внучки писателя – собраны фотографии и документы, рассказывающие о большой талантливой семье, подарившей русской культуре имена общественных деятелей и литераторов: Константина Сергеевича и Ивана Сергеевича – идеологов славянофильства, мемуаристки Веры Сергеевны; Александра Николаевича Аксакова, Анны Федоровны Тютчевой-Аксаковой.

Помимо экспозиционных площадей в мезонине – более поздней пристройке к зубовскому дому – располагаются фондохранилище и выставочный зал, в котором экспонируются художественные и фондовые выставки.

СЛУЧЕВСКИЙ ПАРК

«Наступила ранняя и в то же время роскошная весна; взломала и принесла свои льды и разлила свои воды, верст на семь в ширину, река Белая!»

В далёкие аксаковские времена дом с воеводской канцелярией, действительно, стоял на самой вершине «крутого утёса», резко обрывавщегося к реке Белой. Вокруг дома не было парка, но, несмотря на голую местность, открывался замечательный вид на реку.

В 1836 г. Оренбургским вице-губернатором был назначен К.А. Случевский. С 1837 года он исправлял должность председателя Оренбургской казенной палаты. Уфимские краеведы Г.Ф. Гудков и З.И. Гудкова высказали предположение, что одним из владельцев дома Аксаковых, расположенного напротив парка, был вице-губернатор К.А. Случевский. Вероятно, поэтому долгое время эта гора среди уфимцев называлась Случевской, а пере-

Ворота Случевского парка

улок, ведущий к смотровой площадке, – Случевским (ныне ул. З. Расулева).

Впервые вопрос о разведении сада на Случевской горе был рассмотрен на заседании Городской Думы в 1899 году. Городская Управа, поддержанная губернатором Николаем Модестовичем Богдановичем (1896-1903), высказалась за отвод места в распоряжение Попечительства о народной трезвости «под разведение сада». Губернский комитет хотел построить такой парк, который бы привлекал широкие слои населения своим благоустройством, но, чтобы вход в него, в отличие от уже действующих Ушаковского парка и Видинеевского сада, был бесплатным и «не требовал бы обязательного приглашения заезжих акробатов, рассказчиков, скорее вредно влияющих на толпу, нежели представляющих собою приятное развлечение».

Строительство сада велось за счет средств Попечительства о народной трезвости, а также частных пожертвований, главным образом, различными строительными материалами и деревьями для посадок.

В 1900 году парк на Случевской горе и прилегающая к нему Софьюшкина аллея были торжественно открыты.

Парк охотно посещали жители города, так как здесь не было пыли и городского шума. Многих привлекала и работавшая

с момента открытия сада чайная, а позже и библиотека. Назывался он тогда садом Попечительства о трезвости.

После убийства в 1903 году уфимского губернатора Николая М.Богдановича в мае того же года саду было присвоено его имя. Здесь же был установлен бюст погибшего губернатора – первый скульптурный памятник Уфы, который снесли сразу же после революции. На его месте был заложен памятник сыну уфимского мещанина Егору Сазонову – эсеру-террористу, убившему министра внутренних дел В.К. Плеве, а сад был вновь переименован. В статье Н.Ф. Евлампиева «Парки и сады города Уфы», опубликованной в 1931 году, парк уже носит имя Салавата Юлаева.

В 1956 году у Оренбургской переправы готовился к сдаче первый мост через р. Белую. Арочная конструкция очень эффектно смотрелась на фоне старинных деревянных построек над обрывом реки. Но к востоку от сада на Случевской горе среди равномерной застройки выделялся глубокий овраг. Молодой специалист Зинаида Гудкова предложила идею висячего моста через овраг. В следующем году висячий Байтовый мостик уже был привычной деталью панорамы южной части Уфы. В то же время в парке к павильону-читальне были добавлены небольшое кафе и детские аттракционы; возле моста построили третью беседку, и увеличенный в размерах старинный парк стал одним из любимейших мест отдыха уфимцев.

В эти же годы продолжалось строительство набережной с одновременным укреплением откосов железобетонными плитами и сооружением асфальтовой дороги. В 1961 году парку присвоили имя Н.К. Крупской, жены В.И. Ленина.

В середине 1980-х годов над обрывом были построены три смотровые площадки и восстановлены беседки в том виде, в каком они были в 1910-х годах, а парк снова стал называться Парком Салавата Юлаева. Уфимцы неоднократно предлагали вернуть ему первоначальное название «Случевский».

СОФЬЮШКИНА АЛЛЕЯ

В 1900 году был засажен липами, яблонями, грушами, берёзами и клёнами переулок, упирающийся в парк, и небольшая улица, находящаяся под прямым углом к нему. Таким образом, получилась замечательная аллея среди жилых и административных зданий. Её горожане называли Софьюшкиной в память о жене губернатора Григория Сергеевича Аксакова – Софье Александровне, оставившей в сердцах уфимцев самую добрую память о себе.

В 2012 году Аксаковский фонд обратился к городским властям с предложением о присвоении аллее имени – Софьюшкина. Было проведено надлежащее благоустройство: расставлены скамейки, облагорожены газоны, подсажены деревья, установлены стилизованные фонари на столбах; начало и конец аллеи украсили входными группами с летящей надписью «Софьюшкина аллея» на чугунных сводах. Её торжественное открытие состоялось в дни XXII Международного Аксаковского праздника. Город поучил драгоценный подарок.

ГУБЕРНАТОРСКИЙ ДОМ

Дом губернатора в Уфе по проекту архитектора А. Захарова был построен А. Гопиусом в 1849–50 годах.

23 июня 1861 года Григорий Сергеевич Аксаков был назначен на должность Оренбургского гражданского губернатора.

Губернаторский дом

Три года назад он уже жил в Уфе, когда состоял членом от Правительства в Оренбургском Дворянском комитете по устройству быта помещичьих крестьян. В тот период гражданским губернатором служил Е.И. Барановский - его однокурсник по петербургскому Императорскому училищу правоведения. Они были дружны, так как сходились во взглядах на многие общественно-политические вопросы и придерживались одних морально-нравственных принципов. Как предположил исследователь С.Х. Хакимов, «очевидно, не без его (Барановского – *примеч. сост.)* участия, Г.С. Аксаков был направлен в Оренбургский комитет. Губернатору Е.И. Барановскому, либерально настроенному чиновнику, искренне преданному делу крестьянской реформы, необходимо было усилить свою команду для нейтрализации тех крепостников, которые всячески хотели затянуть ход реформы. В результате острых дебатов и благодаря настойчивости либерального крыла комитета в лице Г.С. Аксакова, А.Д. Дашкова, Я.Г. Карташевского (двоюродного брата Г.С. Аксакова – *прим. сост.*), в проект вошло решение о наделении дворовых крестьян усадебными участками и полевой землей».

В Уфе Г.С. Аксаков впервые стал губернатором, так как до этого были только вице-губернаторские должности, хотя за отсутствием руководителя приходилось на время выполнять его обязанности. Служба проходила в Уфе (канцелярия военного губернатора находилась в Оренбурге). Это было трудное время проведения в жизнь великих реформ. Отмена крепостного права повлекла за собой преобразования во многих сферах жизни. В 60-ые годы XIX в. были приняты к исполнению военная, финансовая, административная, судебная и др. реформы. В Уфимском крае их проведение проходило под руководством губернатора Аксакова.

О том, как серьёзно и ответственно взялся за дело Г.С. Аксаков, рассказывает С.Х. Хакимов в статье «Административно-хозяйственная деятельность губернатора Г.С. Аксакова на Южном Урале в 50-60-е годы XIX века»: «Губернская администрация во главе с Г.С. Аксаковым приступила к формированию института мировых посредников, сельских и волостных крестьянских управлений. Немаловажную роль сыграл Г.С. Аксаков и в разработке другого важнейшего документа – «Положения о башкирах», которое 14 мая 1863 г. было направлено императору. Для реализации положений крестьянской реформы в Уфе открылось губернское по крестьянским делам присутствие. Он самым скрупулезным образом вникал в хозяйственные, административные дела, так как необходимо было в кратчайшие сроки провести реорганизацию системы губернского управления, подобрать квалифицированные кадры».

На подведомственных губернскому правлению должностях состояло на службе 175 чиновников и 119 канцелярских служащих. Как пишет С.Х. Хакимов, «губернатор строго наказывал служащих за злоупотребления своим служебным положением. Так, в 1865 г. восемь чиновников различного ранга были преданы суду, четверо – уволены без суда, объявлены

замечания сорока двум чиновникам и тридцати четырём канцелярским служащим».

О неподкупности, бескорыстности губернатора все знали, его честность была фамильной чертой. Ведь даже на гербе столбовых дворян Аксаковых помещён знак особой доблести и благородства – красное сердце, пронзённое стрелой. О старшем брате Иване, который служил в МВД и часто ездил с ревизиями по губерниям, сложили поговорку «честен, как Иван Аксаков». Именно Г.С. Аксаков сумел пресечь разворовывание государственных средств и благодаря этому в губернии были завершены многие долгострои. Вот и дом губернатора, который Григорий Сергеевич впервые увидел «почти в руинах», – возведенный фундамент уже зарастал травой – был достроен под строгим его вниманием. Достройкой и перепланировкой губернаторского дома он занимался собственноручно, стараясь сделать его на столичный манер: с механическим водяным насосом, ванной, жалюзями и т.п.

В Уфе у Аксаковых родилось двое детей (в 1861 году – Сергей, в 1864 году – Константин), на крестины которых приезжали вдова С.Т.Аксакова – Ольга Семёновна и сын Иван Сергеевич.

В 1917 году, после Февральской революции, в доме губернатора размещался Уфимский Совет рабочих депутатов. Первого мая 1918 года дом был переименован в Дом Советов. Позже в этом здании располагались центральная амбулатория, станция Скорой помощи, поликлиника, а сейчас в нём находится Министерство здравоохранения РБ. Здание является охраняемым памятником архитектуры Уфы.

АКСАКОВСКИЙ НАРОДНЫЙ ДОМ

Здание Аксаковского народного дома (ул. Ленина, бывшая Центральная) с конца 30-х годов занимает Башкирский государственный театр оперы и балета.

В 1909 г. в России широко отмечалось памятная дата – пятидесятилетие со дня смерти С.Т. Аксакова. В Уфе был создан «Комитет увековечивания памяти С.Т. Аксакова», который возглавил уфимский губернатор (1905-1911) Александр Степанович Ключарев. По его инициативе и при неустанной его поддержке был создан необычный памятник писателю – Народный дом, где «удовлетворялись бы духовные запросы всех слоев населения Уфимской губернии».

Начался сбор денег сначала в Уфе, потом инициатива распространилась на Уфимскую губернию, но уже скоро было дано «высочайшее разрешение на производство повсеместной в Империи подписки на сбор пожертвований на сооружение Аксаковского народного дома».

Комитет объявил конкурс на лучший проект здания. Был утвержден проект губернского архитектора П.П. Рудавского, составленный по рисункам и чертежам самого А.С. Ключарева; согласно ему «дом должен был иметь два главных фасада: один в стиле ренессанс, другой в восточноазиатском стиле. Последнее условие – дань башкирам и татарам, составляющим половину населения Уфимской губернии». Народный дом включал в себя театр, читальню, губернский музей и картинную галерею. Здесь же должно было располагаться Уфимское (Аксаковское) общество рыбоводства и рыболовства, задачей которого было сохранение и преумножение запасов ценных пород рыб и пропаганда культурного уженья рыбы.

Торжественная закладка Аксаковского народного дома была совершена 14 сентября 1909 г. И к 1914 на благотворительные средства был возведен уникальный памятник великому земляку с надеждой, что его имя, заветы и семейные традиции всегда будут чтимы на родине.

После революции, в сентябре 1919 года, в Аксаковском народном доме, названном Дворцом труда и искусств, стали ставить спектакли, здесь проводились собрания, съезды, конферен-

Аксаковский народный дом

ции. На его сцене прошли первые постановки, созданного в том же 1919 году, башкирского драмтеатра.

Сегодня многие торжественные мероприятия в городе и республике проходят в Башкирском государственном театре оперы и балета – Аксаковском народном доме; здесь же проводится Аксаковский бал в дни Международного Аксаковского праздника.

ПЕРВОЕ ТЕАТРАЛЬНОЕ ЗДАНИЕ В УФЕ

13 ноября 1861 года на сцене первого уфимского стационарного театра состоялась премьера комедии Н.В. Гоголя «Ревизор». Это стало возможным, в большой степени, благодаря активной благотворительной деятельности Софьи Александровны Аксаковой, молодой жены нового губернатора. Она была страстной театралкой и, по отзывам современников, пользовалась успехом в любительских спектаклях. В Уфу она приехала с мужем в самом начале года и, узнав, что в городе нет специального здания для театра, а приезжие труппы пользуются случайными залами, загорелась собрать деньги на строительство нового театра в Уфе. С.А. Аксакову поддержала местная интеллигенция, весьма расположенная к музыкальной, концертной и театральной деятельности. Уфа забурлила званными концертами, ставились благотво-

рительные спектакли в гимназии и в домах состоятельных горожан, проводились аукционы и лотереи; и очень скоро необходимая сумма была собрана.

Первый театр построили деревянным, в три яруса с бельэтажем, ложами и галереей. Зимой он отапливался. Здание театра принадлежало Мариинской женской гимназии, воспитанницы ставили здесь платные любительские спектакли; кроме того, помещение сдавали внаем заезжим труппам. Располагался театр в квадрате современных улиц: Матросова, Валиди, Цюрупы и Тукева. В декабре 1890 года в Уфе дебютировал в сольной партии Ф.И. Шаляпин. Вокруг театра также по инициативе Софьи Александровны был разбит городской сад; засажен он был дубами и липами, и назывался горожанами «Софьиным садом». Театр дважды горел, но уфимцы очень скоро собирали нужную сумму для его восстановления. После второго пожара и страховая сумма сгоревшего здания, и вновь собранные деньги были переданы в фонд строительства Аксаковского народного дома.

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Григорий Сергеевич Аксаков огромное внимание уделял просвещению населения. В этом он видел путь для успешного экономического и духовного роста благосостояния губернии. Особые задачи в изучении истории и культуры края он возлагал на губернский статистический комитет. При нём в 1864 году этот комитет вывели из штата губернаторской канцелярии, что придало ему более высокий статус и самостоятельность. Был сформирован постоянно действующий исполнительный аппарат: введены штатные должности секретаря комитета, его помощника и писца с денежным вознаграждением. Возглавил комитет сам Григорий Сергеевич, а секретарём он пригласил быть замечательного энтузиаста, врача Н.А. Гурвича, который уже работал в комитете по части санитарной и медицинской статистики. В этой должности Н.А. Гурвич бессменно прослужил 27 лет. Сплотив вокруг себя увле-

чённых, образованных людей, Григорий Сергеевич помог статистическому комитету стать в губернии своеобразным научным центром, способствующим объединению творческой интеллигенции.

Одним из первых дел обновленного состава уфимского статистического комитета было создание музея, куда бы стекались и где бы демонстрировались этнографические, сельскохозяйственные, природные и другие редкости Уфимского края.

23 апреля 1864 года состоялось общее собрание, где по поручению Г.С. Аксакова, с докладом выступил Н.А. Гурвич, который подчеркнул, что «музей должен служить постоянной выставкой всех произведений природы, фабричной, заводской и промышленной деятельности, сельского хозяйства, современных и древних одежд, уборов и других подобных предметов из народного быта, характеризующих как население губернии, так и самую местность. Сюда же должны войти модели, образцы, рисунки, описания. Причем предположено, что музей представляет собой живое учреждение, всегда применимое к практике, где бы потребитель и производитель знакомились с выставленными образцами; где минеролог, этнограф, историк и т.п. находил бы себе в своих отделах предметы и средства для научных исследований».

Под музей в городе отвели один из залов мужской гимназии с пожеланием со временем построить собственное здание. Как пишет в своем «Историческом очерке Уфимского губернского музея» один из его основателей А.А. Пекер, «работа комиссии была настолько интенсивна, что уже в сентябре 1864 г. в одной из комнат мужской гимназии был открыт музей в виде сельскохозяйственного, лесного, лесопромышленного и горнозаводского отделов. Музей рос, увеличивались его коллекции, интерес к музею рос настолько быстро, что осенью 1865 г. Статистический комитет со своим музеем уже принимал участие в

Губернский музей в Уфе

русской этнографической выставке в Москве и получил почетный диплом».

Выделенные залы гимназии с трудом вмещали собранные коллекции, да и доступ сюда был ограничен, поэтому в конце 1865 г. собранная коллекция и библиотека с читальней были перемещены в частный дом, где и находились до 1871 года.

О том, какую роль в разнообразной и плодотворной деятельности комитета играл Григорий Сергеевич Аксаков, можно судить по «Протоколу экстренного заседания членов Уфимского губернского Статистического комитета 11 февраля 1867 года по случаю предстоящего отъезда из Уфимской губернии на новое место службы господина Председателя Комитета, Начальника Губернии Григория Сергеевича Аксакова».

Помощник Председателя А.Б. Иваницкий от имени всех присутствующих высказал самые добрые и горячие слова признательности Григорию Сергеевичу: «Настоящее наше собрание выходит из ряда обыкновенных: мы собрались, чтобы выразить и осуществить ту благодарную память, которую должно сохранить наше учреждение о достойном и просвещенном своем руководителе, с которым мы, к сожалению, расстаемся.

Всем нам известно, что бывший Оренбургский, а ныне Уфимский Губернский Статистический комитет обязан Григорию Сергеевичу своим первоначальным коренным преобразованием.

Исчислить все то, что сделано Григорием Сергеевичем по Уфимскому Статистическому Комитету, означало бы повторить все изложенное в журналах Комитета с 1861 года по настоящее время, потому что не было ни одной работы, ни одного предприятия, которым бы Григорий Сергеевич не оказывал самого живого сочувствия и содействия. Скажу коротко: Григорий Сергеевич довел наш Комитет до того значения, которое указано в положении о Статистическом Комитете, до значения учено-административного учреждения. Постоянным стремлением Григория Сергеевича было – сделать Статистический Комитет центром умственной деятельности Губернии.

С этой целью по его инициативе открыта в 1864 году общественная читальня при библиотеке Комитета и сама библиотека доведена до значительных размеров. С этой целью постоянно передаваемы были Григорием Сергеевичем в Статистический Комитет все дела, которые выходят из ряда административных: дела о выставках, об учреждении постоянных метеонаблюдений, дела по сношению и содействию разным ученым обществам и много тому подобных». На собрании было принято решение просить Григория Сергеевича принять звание Почетного члена Уфимского Статистического Комитета; просить согласия Григория Сергеевича Аксакова на помещение его портрета на вечные времена в общественной читальне библиотеки Статистического Комитета, которая была открыта благодаря «просвещённой инициативе Григория Сергеевича Аксакова».

Правопреемником Музея Уфимского губернского статистического комитета стал Национальный музей Республики Башкортостан.

ГОРОДСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА имени С.Т. АКСАКОВА

В честь столетия со дня рождения Сергея Тимофеевича Аксакова в 1891 году Уфимская городская дума решила учредить

общественную библиотеку его имени. Аксаковская библиотека начала свою деятельность с сентября 1891 г. Книжный фонд ее пополнялся за счет города и уфимцев-благотворителей. Сначала она размещалась в здании Городской управы на улице Большой Успенской (Коммунистическая, 51).

Городская дума 18 июля 1895 года предложила городской управе на той же усадьбе построить двухэтажное каменное здание, с тем чтобы на верхнем этаже разместить библиотеку. Еще в конце 1894 года уфимский купец А.С. Манаев пожертвовал лесоматериалы для строительства, но решено было строить каменное здание. В сентябре 1896 года оно было построено внутри усадьбы городской управы. Тогда на его постройку было израсходовано 11 860 руб., в том числе из городских средств – 7 719 руб., из пожертвованных А.С. Манаевым – 3 579 руб., инженером Березиным – 50 руб., О.Г. Аксаковой – 200 руб. и т.д..

В сентябре 1896 года библиотеку перевели на второй этаж. Там же были предусмотрены квартиры для библиотекаря М.И. Топорниной и сторожей Яковлева и Затеева. Первый этаж здания сдавался в аренду под аптечный магазин «Торговый дом Я.Я. Тильтинг и К» и под музыкальный магазин «Лира» владельца Шапиро. До 1895 года никакой регистрации читателей или количества выданных книг не найдено. С 1895 года по январь 1914 года в библиотеку записалось 10 427 абонентов, и им было выдано книг для чтения на дом 550 249 томов; кроме того, ежемесячных журналов – 220 796 томов, а всего – 711 045 томов. В библиотеке числились также журналы, приобретенные библиотекой, и 3 080 томов, пожертвованных Н.К. Блохиным.

Библиотека приносила доход около 1 700 рублей в год, а городу содержание ее обходилось в 4 326 рублей в год. Городская дума учредила так называемый «Комитет по управлению городской общественною имени С. Т. Аксакова библиотекою», в состав которого входили: председатель – городской голова А.И. Верниковский, члены – граф П.П. Толстой, доктор медицины А.И. Под-

бельский, преподаватель реального училища В.З. Завьялов, член городской думы К.П. Харитонов и председатель уездной земской управы Г.И. Миклошевский. Осенью 1914 года библиотека переехала в недостроенное здание Аксаковского народного дома, где занимала два помещения. После гражданской войны при формировании Центральной научной библиотеки Уфы туда был передан и книжный фонд Аксаковской библиотеки. Ныне в Национальной библиотеке имени З.Валиди можно встретить книги, например, с отметкой их прежних владельцев Дашковых и других.

ПРИСУТСТВЕННЫЕ МЕСТА

Григория Сергеевича Аксакова не случайно называют губернатором-«градостроителем». Как пишет С.Ю. Семёнова в статье «Об уфимских архитекторах», «именно при его правлении в Уфе сформировался архитектурный ансамбль административно-торгового центра города, который и в наше время частично характеризует архитектурный облик Уфы. Эта территория ограничена улицами Тукаева, Коммунистической, Маркса, Ленина (Воскресенской, Успенской, Александровской и Центральной). В XIX веке она носила название площадей Соборной и Верхне-Торговой, где красовались монументальные, классического стиля здания кафедрального собора, духовной семинарии, дома Архиерея, губернатора, гостиного двора и др.».

В квадрат этих улиц вписывалось и здание присутственных мест, которое располагалось напротив кафедрального Воскресенского собора. Именно в годы губернаторства Г.С. Аксакова это здание было достроено и стало использоваться по назначению.

Присутственные места в Уфе

В книге С.Синенко «Уфа старая и новая» приводится следующая справка об архитектурных достоинствах здания: «Архитектор неизвестен, но очевидно, что при планировании были использованы чертежи образцовых проектов – здание сооружено по всем канонам классического градостроения начала XIX в. Фасад сложно декорирован, внутри помещение украшено узорчатой чугунной лестницей со столбцами, одной из самых больших и красивых в городе. В 1860-е гг. был достроен третий этаж. В двух расположенных по бокам флигелях, соединявшихся со зданием сплошной высокой каменной оградой, размещались губернский архив и губернская типография. Архитектура фасадов находилась в стилистическом единстве с соседним зданием Губернской мужской гимназии. В 1998 г. в здании произошел пожар, во время которого пострадало его правое крыло. В настоящее время реконструкция здания завершена».

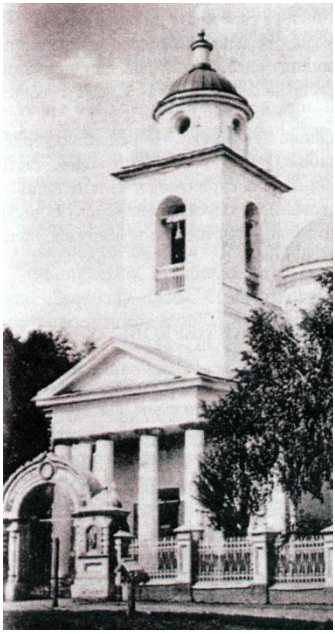
ТОРГОВЫЕ РЯДЫ

В 1864 году при губернаторстве Г.С. Аксакова завершился ещё один уфимский долгострой – торговые ряды. Их строительство началось в 20-е годы XIX столетия по проекту петербургского профессора архитектуры А.И. Мельникова. Торговые ряды построены в стиле классицизма и представляли собой замкнутое пространство в виде прямоугольника с торговыми лавками и внутренним двором для хранения товаров. Лавки

выкупались торговцами за небольшую плату в потомственное пользование. Во многих уездных и губернских городах России были такие торговые ряды. Их по обыкновению строили на центральных площадях. Своеобразным архитектурным украшением рядов являлись кирпичные арки, соединенные с главным корпусом, что создавало красивую, светлую галерею по всему периметру гостиного двора.

УСПЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ

«Церковь Успения Божией матери находилась очень близко от дома невесты и стояла тогда на пустыре. Задолго до шести часов она окружена была толпою любопытного народа. Высокий крылец зубинского дома, выходивший на улицу, обставился экипажами тех особ, которые были приглашены провожать невесту; остальное общество съезжалось прямо в церковь… Дорога от дома жениха в церковь лежала мимо окон гостиной, и Софья Николаевна видела, как он проехал туда в английской мурзахановской карете на четверке славных доморощенных лошадей; она даже улыбнулась и ласково кивнула головой Алексею Степановичу, который, высунувшись из кареты, глядел в растворенные окна дома… Церковь была ярко освещена и полна народа; архиерейские певчие не щадили своих голосов. Свадьба во всех отношениях бы-

Успенская церковь в Уфе

ла парадна и великолепна. По окончании обряда сёстры, весь поезд с обеих сторон и также лучшая уфимская публика сопровождали молодых в дом к Николаю Федоровичу. Там немедленно начались и продолжались танцы до богатого, но раннего ужина.»

«… когда весть о смерти Николая Фёдоровича облетела город, все точно вспомнили и вновь почувствовали любовь к нему, и жалость к его страдальческому состоянию. Опустели дома, и все народонаселение Уфы, в день похорон, составило одну тесную улицу от Успения Божией матери до кладбища.»

В «Семейной хронике» С.Т. Аксакова несколько раз упоминается Успенская церковь, с которой у семьи Аксаковых связаны такие важные этапы уфимской жизни, как крещение, венчание и похороны. В Центральном историческом архиве РБ хранится метрическая книга по Успенской церкви, где записано, что «29 сентября 1782г. у подполковника Н.С. Зубова родилась дочь Екатерина. Крещена была в Успенской приходской церкви».

В повести С.Т. Аксаков называет дату венчания родителей – 10 мая 1788г. Но в архивных документах указано другое число – 19 марта, самое традиционное для свадеб время после рождественского поста. Из чего следует, что описание свадьбы, во многом, красивый художественный образ.

Через несколько лет в 1792 г. в этой же Успенской церкви отпевали скончавшегося «после многолетних, мучительных страданий» коллежского советника Николая Семеновича Зубова, деда писателя. Здесь следует сказать, что к моменту смерти Н.С. Зубова уже на протяжении 20-ти лет действовало распоряжение, по санитарным соображениям запрещающее хоронить умерших на территории города. Дед С.Т. Аксакова был похоронен на относительно новом кладбище, куда через шесть лет была перенесена Успенская церковь, в которой его когда-то отпевали, и в которой еще при его жизни венчалась его дочь Мария.

Первоначально приходская Успенская церковь находилась на территории Успенского мужского монастыря (на Усольской горе), упраздненного приказом Екатерины II в 1764 г. Церковь была летняя, т.е. холодная. После закрытия мужского монастыря Успенская церковь стала относиться к женскому Благовещенскому монастырю.

В 1798 году помещик С.И. Аничков (по другой версии – помещица Аничкова) перенес старую деревянную Успенскую церковь на новое городское кладбище, основанное за чертой города в чистом поле после указа от 24 декабря 1771 г., запрещавшего погребать умерших при городских церквях. Улица вдоль этого кладбища со временем стала называться Кладбищенской (позже Успенской, ныне Коммунистической). К 1824 г. всё вокруг церкви было застроено жилыми домами, кладбище оказалось на территории города, поэтому на нем перестали хоронить. Успенская церковь вновь стала приходской.

В 1839 г. обветшалую деревянную церковь разобрали, а на ее месте заложили новую каменную, которая была освящена в 1849 г. В 1931 году церковь закрыли, а потом и разрушили, построив в 1936 г. на ее фундаменте четырехэтажный жилой дом, названный в народе «домом старых большевиков». Территория усадьбы Успенской церкви с фрагментом старинного кладбища, на котором еще со второй половины Х1Х века священники начали разводить сад, сохранилась до сегодняшних дней. Семьи большевиков и членов правительства, проживающие в доме, продолжали ухаживать за старым садом и, в свою очередь, сажать новые яблони, вишни и цветы. Сад этот, находящийся между улицами Коммунистической, Дорофеева, Худайбердина и Хисматуллина (Детский переулок) стараниями нескольких энтузиастов, продолжает цвести и плодоносить уже в XXI веке.

ТРОИЦКИЙ СОБОР

Во времена детства Аксакова его называли Смоленский собор. Это было единственное в городе каменное здание. Чтобы представить себе, как выглядел храм, обратимся к очевидцам. В 1864 году в «Оренбургских губернских ведомостях» было опубликовано «Описание Уфы» Михаила Сомова. Приводим с небольшими сокращениями его статью «Старый собор».

«Довольно крутым подъёмом соединяется с описанной местностью другое более возвышенное пространство, на котором красуется церковь Св. Троицы, древнейший в настоящее время из храмов Уфы. Неправильная, небольшая площадь около храма занята была в старину кремлём, внутри которого церковь эта и находилась.

Троицкая церковь, небольшая и низкая, построенная в стиле древних русских церквей, состоит из двух неравных между собою частей, соединённых между собою, из которых, передняя, более возвышенная и украшенная пятью главами, и есть собственно сохранившаяся часть древнего собора; остальная же – новейшей постройки. Внутренность церкви, несмотря на сделанные в разные времена поправки и переделки, сохраняет ещё и теперь отпечаток древности. Первое отделение храма, имеющее низкие своды, заключает в себе два придела: правый – во имя Св. и Чуд. Николая, левый – во имя Смоленской Божией Матери; передняя же главная часть храма во имя Св. Троицы, очень мала, но выше первой; свод имеет шатрообразный. В иконостасе, отличающемся простотою украшений, по правую сторону плоских дверей, находится большая древняя икона Смоленской Божией Матери, принесённая в Уфу шляхтой Смоленской, при самом основании города; царские врата, тоже довольно древние, вырезаны, как утверждают, из цельной дубовой доски, работы, впрочем, довольно простой. Кроме этого из древних вещей здесь сохраняются ещё бронзовое паникадило и серебряные лампады перед нижним ярусом икон в иконостасе. На противоположной стене от иконостаса устроены хоры, ход на которые идёт из алтаря левого

придела. Колокольня, принадлежащая к церкви, довольно красива и стоит отдельно.

Об основании этого храма и дальнейшей его судьбе сохранилось несколько сведений, не лишённых интереса и с которыми не будет излишним познакомить читателя.

Сооружение Смоленского собора. По прибытии в Уфу Смоленской шляхты, вместо церкви Казанской Божией Матери, начал воздвигаться ныне существующий старый каменный собор во имя Смоленской Божией Матери, который и освящён был в 1579 году.

Спустя почти сто лет после его построения, в 1679 году, пристроен был к нему с правой стороны, усердием дворян Артемьевых, другой тёплый собор, низкий и тёмный, во имя Св. Апостол Петра и Павла. Впоследствии, именно в 1685 году, к этому последнему, тоже с правой стороны, пристроен придел Св. Чудот. Николая на деньги, пожертвованные сотником Курятниковым.

В 1759 году, во время пожара от грозы, который, как сказано выше, истребил кремль, в обоих соборах сгорели крыши и иконостасы, исключая иконы Смоленской Божией Матери и царских дверей. После пожара во всех трёх приделах устроены были новые иконостасы и крыши. Все иконы в холодном соборе писаны были художником Захарьевым, человеком жизни строгой и воздержанной, от трудов которого существует ещё и до сего времени местная икона Спасителя, по правую сторону царских дверей. В записках покойного Ребелинского сказано, что Захарьев, по тогдашнему благочестивому обычаю, пред началом трудов, постился четыре недели, чтобы исполнить с благоговением и успехом предначинаемую работу.

Иконостас, повреждённый снова пожаром 1816 года, ещё раз был возобновлён и позолочен купчихой Маврой Жульбиной, которая устроила также серебряную позолоченную ризу на икону Казанской Божией Матери. Бывший соборный колокол в 133 пу-

да с лишком, перенесённый после в новый собор, перелит был в 1785 г. из старого разбитого в пожаре колокола, с присоединением к нему пожертвованной меди. Переливка его происходила здесь, в Уфе, в нарочно для того устроенном заводе, находившемся на том месте в овраге, из Казанской улицы в Кладбищенскую, чрез который теперь сделана земляная дамба, ближайшая к Троицкой церкви.

Соборная колокольня, построенная одновременно с собором и от времени пошатнувшаяся, в 1772 году по распоряжению бывшего тогда протоиерея Якова Неверова сломана по самый нижний ярус, заключавший в себе кладовую, замечательную тем, что после освобождения города от осады, содержались в ней пред казнию главные бунтовщики Чика и Губанов. Со времени сломки колокольни до возведения настоящей, колокола висели на столбах; ныне же существующая колокольня сооружена в 1799 году».

Церковь была взорвана в июне 1956 года, а на её месте стоит Монумент дружбы.

УЛИЦА АКСАКОВА

Когда-то эта улица носила название – Каретная. С пуском железной дороги она стала едва ли не визитной карточкой Уфы, так как была самой первой на пути въезжающих в город гостей (подъём по Александровской – К. Маркса появился лишь после начала Первой мировой войны). И было решено: «Каретную улицу, получившую значительное оживление с устройством шоссе от города до вокзала железной дороги, наименовать впредь Аксаковской». Так записано в постановлении Уфимской городской думы от 10 сентября 1891 года.

Многие видные горожане дореволюционной Уфы жили на Аксаковской или имели на ней дома: «уфимская легенда» Гурвич, художник Тимашевский, полицмейстер Бухартовский, купцы Алексеев, Козлов, Кошкин.

Аксаковские места вокруг Уфы можно объединить в малое аксаковское кольцо: Уфа – Касимово – Киешки – Камышлы – Зубово – Алкино – Уфа.

КАСИМОВО

«*Кормилица моя была господская крестьянка и жила за тридцать верст; она отправлялась из деревни пешком в субботу вечером и приходила в Уфу рано поутру в воскресенье; наглядевшись на меня и отдохнув, пешком же возвращалась в свою Касимовку, чтобы поспеть на барщину.*»

В результате исследований В.Л. Назарова удалось установить имя касимовской молочной матери Сергея Тимофеевича Аксакова. Оно было обнаружено в ревизской сказке 1795 года. В селе, принадлежавшем деду Аксакова, проживала крестьянская женщина Марфа Васильевна, 25 лет. К моменту рождения Серёжи ей был 21 год.

Упоминания о деревне Касимовка появляются в первой трети XVIII века. По утверждению З.И. Гудковой, самый ранний из известных документов о Касимовке – это купчая от 30 января 1728 года. Название села, вероятно, произошло от фамилии Касимов (по некоторым сведениям, в начале XVIII века в Уфе был служилый человек Михаил Касимов). В 70-х гг. XVIII столетия дед Аксакова Н.С. Зубов приобрёл земли в Голубцовской пустоши, располагавшейся в западной части Касимова. Село унаследовал второй сын старика Зубова – Сергей Николаевич. В сельце Никольском (Касимово) майор С.Н. Зубов по шестой ревизии 1810 года имел дворовых 16 и крестьян 20 душ мужского пола.

В 1850 году его дочери – титулярная советница Вера Сергеевна Михайлова имела 17 душ (3 двора), а коллежская регистраторша Мария Сергеевна Сокурова – 5 душ (1 двор) крестьян. Малолетнему Петру Сергеевичу там же принадлежала 51 душа (7 дворов крестьян). В 1870 году с. Касимово, расположенное при

речке Шакше, имело 122 жителя (28 дворов). Жители занимались пчеловодством.

Уже в первой половине XVIII века в Касимовке существовала Никольская церковь. Предполагают, что к строительству храма был причастен владелец села Н.С. Зубов. Рядом с церковью Зубовы повелели выкопать живописный пруд, берега которого позже поросли ивой и сиренью. На пруду была построена водяная мельница.

В своем первозданном виде храм простоял только до середины 60-х годов девятнадцатого века, когда был полностью уничтожен огнем; вновь отстроен и освящен в 1866 г. В 1930-е годы церковь закрыли и использовали под школу, сельсовет, общежитие, позже – под зерносклад, конюшню, птичник. Пришел в запустение и пруд. Плотина была разрушена, вода зацвела, берега покрылись зарослями. В конце 50-х годов храм был совсем уничтожен. Строительство новой церкви стало возможным в 90-е годы. Сегодня в окружении берёз Никольский храм возвышается при въезде в село. Здесь же установлен памятный знак в форме открытого окна, посвященный Зубовым-Аксаковым. На нем славянской вязью начертано: «Во второй половине XVIII и первой половине XIX веков здесь было имение деда С.Т. Аксакова Н.С. Зубова и его наследников» (надпись продублирована на башкирском языке). Автор знака – уфимский скульптор Владимир Лобанов – рассказал, что форма раскрытого окна была выбрана им не случайно как символ нашего взгляда на окружающий мир и природу: «Это окно в русскую культуру, окно к Сергею Тимофеевичу Аксакову».

СЕРГЕЕВКА (Старые Киешки)

«О, с какой радостью, возвращался я в свою милую Сергеевку…»

«Сергеевка занимает одно из самых светлых мест в самых ранних воспоминаниях моего детства… В Сергеевке я толь-

ко радовался спокойной радостью без волнения, без замирания сердца. Все время, проведенное мною в Сергеевке в этом году представлялось мне весёлым праздником.»

«Озеро Киишки тянулось разными изгибами, затонами и плёсами версты на три; ширина его была очень неровная: иногда сажен семьдесят, а иногда полверсты… Разумеется, русские звали и озеро, и вновь поселённую русскую деревню Сергеевку, просто Кишки – и к озеру очень шло это название... Озеро было полно всякой рыбы и очень крупной.»

«Особенно был красив и живописен наш берег, покрытый молодой травой и луговыми цветами, то есть часть берега, не заселённая и потому ничем не загаженная; по берегу росло десятка два дубов необыкновенной вышины и толщины.»

«С грустью оставлял я Сергеевку и прощался с ее чудесным озером, мостиками, с которых удил, к которым привык и которых вид до сих пор живет в моей благодарной памяти.»

Деревня возникла в 1790 г., когда башкиры д.Мусино продали уфимскому помещику титулярному советнику Тимофею Степановичу Аксакову 6626 десятин земли. Отец Аксакова искренне хотел надолго обосноваться здесь, построить усадьбу. Дом, в который приезжала на лето семья, уже начали возводить, но достроен он не был; дверные проёмы завешивали коврами, а вместо крыльца приспособили большой камень. Вскоре отец понял свою ошибку и признался Серёже, что «поторопились с покупкой земли», так как возникли споры между ним и тептярями с мещеряками о правах на неё. Усадьбы здесь Аксаковы не построили, но землёй владели и крестьян крепостных сюда перевезли, что зафиксировано ревизскими сказками 1795 года. По наследству эта деревня досталась брату писателя Николаю Тимофеевичу, ему же пришлось вести судебные тяжбы вплоть до 1868 года.

Первоначально Тимофей Степанович назвал новую деревню Сергеевка – в честь первенца. Это название сохранилось и

в «Детских года Багрова-внука». Потом её называли Рыбная слобода, Николаевка, Дмитриевка.

Название «Рыбная слобода» было совсем не случайным. Сергей Тимофеевич вспоминал: «*Помню я в детстве моем, как тянули, неводами заливные озера по реке Белой (это было тогда, когда Оренбургская губерния называлась еще Уфимскою), как с трудом вытаскивали на зеленый берег туго набитую рыбой мотню, как вытряхивали из нее целый воз больших щук, окуней, карасей и плотвы, которые распрыгивались во все стороны; помню, что иногда удивлялись величине карасей, взвешивали их потом, и ни один не весил более пяти фунтов»* (фунт – 450 гр.).

Николай Тимофеевич имел здесь дом. В селе сохранилась пристройка от барского дома. Очевидно, сюда к брату наезжал и Сергей Тимофеевич, так как в «Записках об уженье рыбы» он приводит забавный случай во время рыбалки на озере Киешки.

«*В одно прекрасное летнее утро, на большом озере, называемом по-татарски Киишки, таскал я плотву и подлещиков; вдруг вижу, что отмели, у самого берега, выпрыгивает из воды много мелкой рыбешки; я знал, что это происходит от преследования хищной рыбы, но, видя, что возня не прекращается, пошел посмотреть на нее поближе. Что же я увидел? на отмели, острым углом вдавшейся в берег, не глубже двух вершков, большая стая порядочных окуней ловила мелкую рыбу, которая от неизбежной погибели выскакивала даже на сухой берег; окуни так жадно преследовали свою добычу, что сами попадались на такую мель, с которой уже прыжками добирались до воды поглубже; я даже поймал трех из них руками. Несмотря на мое присутствие, окуни не переставали гонять и ловить рыбу; я сбегал за своей удочкой и, насаживая мелкую рыбешку, лежавшую на берегу, и закидывая в самую середину стаи, выудил тридцать хороших окуней. Другой случай еще поразительнее: в ненастную и ветреную погоду пришел я удить окуней у мельничного кауза, между сваями,*

его окружавшими; едва только закинул я среднюю удочку, насаженную на раковую шейку, как пошел проливной дождь, от которого я спрятался под крышею пильной; дождевая туча еще не пронеслась, как я услышал крик зовущего меня мельника; я поспешно бросился к нему, и вижу, что он возится с моей удочкой, на которую взяла большая рыба; но я не успел прибежать вовремя: мельник стоял с одним удилищем и лесой, оборванной выше наплавка... Как ни досадна была эта услужливость, от которой я потерял большую рыбу и прекрасно устроенную удочку, но делать нечего; я развернул другую большую удочку, насадил кучу глист и раковую шейку и закинул: через минуту наплавок исчез, и я вытащил славного окуня, фунта в два, у которого изо рта висела и другая, сейчас оторванная им длинная леса и с наплавком».

Деревня Сергеевка (Николаевка тож) располагалась на окраине татарской деревни Старые Киешки почти на берегу Белой. На первое десятилетие XX века, по отдельным источникам, в этой деревне осталось только три дома с 12 жителями. Из-за того, что она находилась очень близко к берегу, в половодье, когда разлившаяся Белая смыкалась с озером Киешки, деревенские постройки смывало водой. Татарская деревня находилась в более выгодном положении – на возвышенности, а вот Сергеевку это сильно разрушало. К 20-м годам XX века от неё остались только полуразрушенные постройки. Все сельчане перебрались на новое место жительства около районного центра Кармаскалы и в память о своей угасшей деревне назвали новое поселение Аксаково.

Каждый год в деревне Старые Киешки торжественно встречают гостей Международного Аксаковского праздника, устраивают народные гуляния, концерты, выставки школьных поделок и работ народных умельцев. В 2007 году в Старых Киешках был открыт памятник писателю, а в 2009 в средней школе начал принимать посетителей «Аксаковский литературный зал».

АЛМАНТАЕВО (Камышлы)

«Через неделю поехали мы к Булгаковым в Алмантаево, которое мне очень не понравилось, чего и ожидать было должно по моему нежеланию туда ехать; но и в самом деле никому не могло понравиться его ровное местоположение и дом на пустолесье, без сада и тени, на солнечном припеке. Правда, недалеко от дому протекала очень рыбная и довольно сильная река Уршак, на которой пониже деревни находилась большая мельница с широким прудом, но и река мне не понравилась, во-первых, потому, что вся от берегов проросла камышами, так что и воды было не видно, а во-вторых, потому, что вода в ней была горька и не только люди ее не употребляли, но даже и скот пил неохотно. Впрочем, горьковатость воды не имела дурного влияния на рыбу, которой водилось в Уршаке множество и которую находили все очень вкусною. Удить около дома было невозможно по причине отлогих берегов, заросших густыми камышами, а на мельнице удили только с плотины около кауза и вешняка, особенно в глубокой яме, или водоёмине, выбитой под ним водою. Мы ездили туда один раз целым обществом, разумеется около завтрака, то есть совсем не вовремя, и ловля была очень неудачна; но мельник уверял, что рано утром до солнышка, особенно с весны и к осени, рыба берет очень крупная и всего лучше в яме под вешняком. Хозяин, Иван Николаевич Булгаков, был большой охотник до лошадей, борзых собак и верховой езды. У них в доме все ездили верхом – и дамы и дети.»

Одним из крупных землевладельцев в Уфимском крае был надворный советник и предводитель оренбургского дворянства Николай Михайлович Булгаков – отец упоминаемого в «Семейной хронике» Ивана Николаевича.

Н.М. Булгаков избирался губернским предводителем дворянства на 1794-1796 и на 1800-1802 гг. Ранее его избирали бузулукским окружным предводителем (1791-1794), так как имел земли и в тех краях.

11 апреля 1785 г. он купил у башкир земли вблизи Уфы, по реке Уршак, за 300 рублей. Здесь же он основал свое имение в д. Алмантаево.

По шестой ревизии 1811 г. деревня Алмантаево Уфимского уезда и 147 душ крепостных крестьян мужского пола принадлежали уже его сыну Ивану Николаевичу Булгакову. Это та самая деревня, о которой пишет С. Т. Аксаков. В Уфимском уезде существовали три деревни под этим названием. В настоящее время нет ни одной, так как все они называются сейчас иначе.

Деревня Алмантаево, принадлежавшая И.Н. Булгакову и описанная С.Т. Аксаковым, известна теперь как деревня Камышлы Булгаковского сельсовета Уфимского района и находится в 33 км от Уфы и в 3 км от села Булгаково (Воскресенское) (по данным Г.Ф. и З.И. Гудковых).

ЗУБОВО

«Меня накануне привезли в подгородную деревню Зубовку, в верстах десяти от Уфы. Видно, дорога и произведенный движением спокойный сон подкрепили меня; мне стало хорошо и весело, так что я несколько минут с любопытством и удовольствием рассматривал сквозь полог окружающие меня новые предметы. Я не умел поберечь сна бедной моей матери, тронул её рукой и сказал: «Ах, какое солнышко! как хорошо пахнет!». Мать вскочила, в испуге сначала, и потом обрадовалась, вслушавшись в мой крепкий голос и взглянув на мое посвежевшее лицо. Как она меня ласкала, какими называла именами, как радостно плакала... этого не расскажешь!»

Сюда, в «подгородную» деревню, часто приезжали родители с малолетним Серёжей, через неё проходил путь в белебеевские и бугурусланские деревни.

Село Зубово находится в 13-ти километрах от Уфы по правую сторону автомагистрали Уфа-Стерлитамак, по левую – деревня Чесноковка. Название село получило по имени владельца – деда писателя. В «Семейной хронике» С.Т. Аксаков

пишет о нем, что «...всё состояние старика заключалась в двух подгородних деревушках: Зубовке и Касимовке, всего сорок душ с небольшим количеством земли...». У Николая Семёновича Зубова были дети от первого брака – дочь Мария (мать писателя С.Т. Аксакова) и два сына – Сергей и Александр. Во втором браке он был женат на Александре Петровне – дочери Петра Ивановича Рычкова, известного исследователя Оренбургского края. От этого брака родились две дочери, Надежда и Екатерина, и сын Николай. Умер Н.С. Зубов в чине коллежского советника 12 апреля 1792 года.

Исполняя волю своего покойного отца, выраженную им в духовном завещании от 11 мая 1789 года, два брата Зубовы – отставной майор Сергей Николаевич и капитан Александр Николаевич – 20-го марта 1808 года разделили между собой наследство. Сергею досталось сельцо Никольское (Касимово), Александру – Зубовка. В сельце Никольское было 1619 десятин, а в Зубовке – 1555 десятин. Оба брата, согласно завещанию, выделяли долю двум меньшим сестрам.

В 1870 году Зубовка состояла из двух примыкавших друг к другу частей, расположенных на левом берегу речки Берсиян, – деревни и сельца. В деревне Зубовке в восьми дворах было 50 жителей, имелись две водяные мельницы; крестьяне помимо сельскохозяйственных работ занимались плетением лаптей. А в сельце Зубове в 42 дворах было 244 жителя, которые занимались ещё и извозом.

Каждый год в Зубове вновь вспоминают о былом, так как в конце сентября, в Аксаковские дни, там проходит большой многонациональный фольклорный праздник.

АЛКИНО

«В двадцати девяти верстах от Уфы по казанскому тракту, на юго-запад, на небольшой речке Узе, впадающий в чудную реку Дему, окруженная богатым чернолесьем, лежала

татарская деревушка Узы-тамак, называемая русскими Алкино, по фамилии помещика; в роскошной долине в живописном беспорядке теснилась эта деревушка на подошве горы Байрам-тау, защищавшей ее с севера; на западе возвышалась другая гора Зеин-тау, а на юго-восток текла речка Уза, покрытая мелким лесом; цветущие поляны дышали благовонием трав и цветов, а леса из дуба, липы, ильмы, клену и всяких других пород чернолесья, разрежая воздух, сообщали ему живительную силу. В этот-то прелестный уголок повез Алексей Степаныч желтую, худую, одним словом сказать, тень прежней Софьи Николавны; с ними поехал друг – доктор Авенариус.»

Деревню основал в 1790 году стряпчий уфимского Верхнеземского суда мурза Юсуп Алкин, купивший за 200 рублей у башкир Чуби-Минской волости Ногайской дороги земли по рекам Узе и Деме. Площадь со всеми лесами, степями и мельничными местами, с пахотной землей и сенными покосами составила 346 десятин. Местность эта называлась Узы-тамак, то есть устье реки Узы. Новый владелец земли Юсуп Алкин заселил деревню, построил для себя дом с флигелями и поташный завод на речке Куркул-даук.

Домашний доктор Аксаковых Авенариус, проявив себя как прекрасный климатолог, диетолог, сторонник лечебной гимнастики и даже психолог, назначил Марии Николаевне (по книге – Софье Николаевне) по тем временам не совсем обычный курс лечения, который был очень грамотным с точки зрения современной медицины. Причём применять этот курс нужно было поэтапно. Первое – регулярно принимать кумыс в сочетании с прогулками на свежем воздухе: *«Воздух, кумыс, сначала в малом количестве, ежедневные прогулки в карете вместе с Алексеем Степанычем в чудные леса, окружавшие деревню,…леса, где лежала больная целые часы в прохладной тени на кожаном тюфяке и подушках, вдыхая в себя ароматный воздух, слушая иногда чтение какой-нибудь забавной книги и нередко засыпая укрепляющим сном, все вместе благотворно подействовало на здоровье*

Софьи Николавны, и через две, три недели она встала и могла уже прохаживаться сама».

Следующим этапом было и совсем непривычное, но с медицинской точки зрения, пожалуй, одно из основных условий выздоровления – физические нагрузки: «*Авенариус счел необходимым предписать сильное телодвижение, то есть верховую езду. Дело тогда неслыханное и дикое в дворянском быту, которое не нравилось Алексею Степановичу и которое Софья Николаевна также находила неприличным. Напрасно хозяйские дочери подавали поучительный пример, пробегая на башкирских иноходцах целые десятки верст по живописным окрестностям».* Убедить Марию Николаевну подчиниться предписаниям доктора смогла только её подруга – жена П.Чичагова: «*...самою сильною побудительною причиною к согласию был пример Катерины Борисовны Чичаговой, которая, как истинный друг, пожертвовала собственным предубеждением и стала ездить верхом сначала одна, а потом вместе с больною».*

Авенариус периодически приезжал к Аксаковым в Алкино, чтобы проведать свою подопечную и сделать новые назначения, так пугавшие Марию Николаевну. В этот раз он проявил себя замечательным диетологом, так как, известно, что питьё кумыса повышает усвояемость белков и жиров. «*При сильном телодвижении была предписана и другая пища, а именно: жирное баранье мясо, от которого Софья Николаевна также имела отвращение».*

Гостеприимные хозяева, искренне привязавшиеся к Марии Николаевне, устраивали для неё специальные развлечения. «*Лечение пошло отлично-хорошо, прогулки производились целым обществом вместе с дочерьми и сыновьями хозяина…Вообще хозяева были так любезны, что забавляли свою гостью песнями, плясками, конными скачками (зеинами) и борьбою своих мусульманских подданных... Через два месяца она поздоровела, пополнела, и яркий румянец заиграл на ее щеках».*

Скорее всего, Юсуп Алкин был сослуживцем Тимофея Степановича, потому что по документам он известен как губернский секретарь Осип Андреевич. Известно также, что в 1792 году, нуждаясь в деньгах, он на год заложил свое имение за 600 рублей коллежскому советнику Андреяну Ивановичу Борейше.

По шестой ревизии 1811 года, в деревне Узы-Тамак, называемой также Мамет-Гиреево, Софьино, Сарыкамыш и Алкино, было 18 душ крестьян мужского пола у титулярного советника Осипа Андреевича Алкина и 19 душ – у его жены Софьи Осиповны; дворовых у них не было.

По сведениям 1870 г., в сельце Узы-тамак Уфимского уезда при р. Узе, которая в двух верстах от сельца впадала в реку Дему, имелось 176 жителей (30 дворов). Это было владение помещицы Майпарваз-бики Шайхлеевой. На её усадьбе работала кумысная лавка, действовала водяная мельница. В 1895 г. появилась бакалейная лавка. В начале 1930-х годов крестьянские хозяйства были объединены в колхоз, жители занимались пчеловодством. Ныне село и поселок станции Алкино представляют собой единый населенный пункт, их разделяет улица Почтовая.

Аксаковские места Башкирии находятся в Белебеевском и Стерлитамакском районах. Они составляют большое аксаковское кольцо: Уфа – Надеждино – Пёстровка – Подлесное – Уфа.

НАДЕЖДИНО

«*Слыша часто слово Парашино, я спросил, что это такое? И мне объяснили, что это было большое и богатое село, принадлежавшее тетке моего отца, Прасковье Ивановне…»*

«…открылось перед нами лежащее на низменности богатое село Парашино, с каменной церковью и небольшим прудом в овраге. Господское гумно стояло, как город, построенный из

хлебных кладей, даже в крестьянских гумнах видно было много прошлогодних копен…»

«…верстах в десяти от Парашино, мы проехали через какую то вновь селившуюся русскую деревню, а потом тридцать верст не было никакого селения и дорога шла по ровному редколесью.»

Деревня основана в 1760 годах Михаилом Максимовичем Куроедовым. На купленные у башкир земли он перевез из Симбирской губернии крестьян и основал деревню, названную в честь молодой жены Надеждино. По её отчеству и фамилии он назвал еще две деревни: Ивановка и Куроедово.

По наследству от тётушки Тимофея Степановича Н.И. Куроедовой эта деревня перешла к нему в 1806 году. «*В 1821 году Тимофей Степанович согласился, наконец, выделить сына Сергея, у которого тогда уже было четверо детей, и назначил ему в вотчину село Надеждино в Белебейском уезде Оренбургской губернии. ...Летом 1822 года он отправился с семейством в Оренбургскую губернию... и прожил там безвыездно до осени 1826 года...».* Это строки из «Очерка семейного быта Аксаковых» Ивана Аксакова.

В Надеждино молодые супруги Аксаковы приехали с малолетними Константином, Верой и Григорием. В этой усадьбе прошли незабываемые годы их детства.

Как живо помню я тебя,
О время детства золотое,
Деревню нашу и себя…
Я помню тихое село,
Тебя я помню, двор обширный,
С зеленым бархатным ковром.
Тебя я помню, дом наш мирный,
Довольства и веселья дом.
И садик наш уединенный,
Где я так часто, восхищенный,

Цветы сажал и поливал!

Это строки из стихотворения Константина Аксакова.

В Надеждине у Аксаковых родились еще дети: 26 сентября 1823 г. – Иван Сергеевич, ставший известным общественно-политическим деятелем и публицистом, писателем, пламенным защитником интересов славян в Европе, и 14 сентября 1824 г. – Михаил Сергеевич.

Уфимский краевед Я.С. Свице по приходским документам Надеждинской церкви установила, что при семье Аксаковых в селе Надеждино жила дворовая «женка вдовствующая Аксинья Степанова». Та самая Аксютка, известная по «Семейной хронике» и «Детским годам Багрова-внука» как любимая дворовая Степана Михайловича Аксакова: «*Аксютка была круглая крестьянская сирота, взятая во двор, на сени, с семилетнего возраста единственно потому, что ее некому было кормить. Она была очень дурна лицом: рыжая, в веснушках, с глазами неизвестного цвета и, сверх того, отвратительно неопрятна и зла. За что бы ее любить? А Степан Михайлыч очень ее любил, и не проходило обеда, чтоб он не давал или не посылал со стола подачки своей Аксютке; когда же она стала девкой в возрасте, заставил по утрам наливать себе чай и разговаривал с нею целые часы».* После известия из Уфы о первой беременности невестки Степану Михайловичу вздумалось наградить свою любимицу. Он выдал Аксютку, которой было уже далеко за тридцать лет, замуж за молодого дворового Ивана Борисова Малыша. «*Аксютка без памяти влюбилась в красавца мужа, а Малыш возненавидел свою противную жену, которая была вдобавок старше его десятью годами. Аксютка ревновала с утра до вечера, и не без причины, а Малыш колотил ее с утра до вечера, и также не без причины, потому что одно только полено, и то ненадолго, могло зажимать ей рот, унимать ее злой язык».* В Надеждино Аксютка переехала уже вдовой с четырьмя сыновьями, старший из которых был женат.

О своем деревенском окружении в годы жизни в Надеждине С.Т. Аксаков отзывался «с улыбкой»: «*общества не было или было такое, какое хорошо только в художественном воспроизведении, а не в действительности».* Сказывалась тоска молодого Аксакова по московским друзьям-театралам. Но замкнуто Аксаковы не жили: «*на именинах у кого-то из соседей, где находились, между прочим, все белебеевские чиновники и живший в этом городке прежний наш губернатор М.А. Наврозов, получили мы известие, что государь Александр Павлович скончался в Таганроге».* Я.С.Свице приводит несколько фамилий соседей-помещиков одного с Аксаковыми прихода, – Димитриевского храма в Надёжино (так называли Аксаковы Надеждино) – у кого могли гостить Аксаковы в этот день. Нам представляется наиболее убедительной среди них семья Богинских.

«Кроме селений с крепостными Аксаковых, в приходе Димитриевской церкви села Надеждина в 1820-х гг. находилось ещё несколько помещичьих деревень. По данным из Духовных росписей, Богинские долгое время в своем белебеевском имении не жили. В 1818–19 гг. в деревне Богинской поселился 55-летний губернский секретарь Иван Павлович Богинский, его жена Анна Ивановна 52-х лет и их дети: Елена (18 лет), Варвара (14 лет), Симеон (5 лет). С 1820 г. здесь жил их 22-летний сын Пётр. С 1822 г. к ним присоединился сам владелец, возможно, вышедший в отставку надворный советник, 62-летний Григорий Павлович Богинский.

Богинские считались одними из крупных землевладельцев в Белебеевском уезде. В 1820 г. Елена Богинская вышла замуж за асессора Оренбургского губернского правления титулярного советника 39-летнего Тихона Ивановича Сысоева, в 1824 г. Варвара Богинская вышла за коллежского секретаря города Белебея 26-тилетнего Доримедонта Андреевича Суворова. В приданое сёстрам их дядя, видимо, не имевший свой семьи, выделил крепостных.

Оба бракосочетания проходили в селе Надеждино, так как среди приходских документов Димитриевской церкви находятся Брачные обыски этих пар. (Брачный обыск, или предбрачное свидетельство – это письменный акт, который составлялся причтом церкви перед венчанием с целью установления отсутствия родства у вступающих в брак. Он подписывался несколькими свидетелями). Венчание Варвары Богинской и Доримедонта Суворова состоялось во время пребывания в Надеждине Сергея Тимофеевича Аксакова с семьёй». Вряд ли хозяева усадьбы могли не участвовать в столь знаменательном событии, ведь церковь находилась в нескольких метрах от усадебного дома.

Приводит Я.С. Свице интересные данные и о другом соседе Аксаковых в Белебеевском уезде – владельце села Мартыновка. Она установила, что с 1816 г. и, по крайней мере, до 1829 г. в своей деревне проживал один без семьи (в 1816 г. – 24-хлетний) помещик поручик Николай Гаврилович Мартынов». Предстоит ещё выяснить, как он связан с «моим земляком и кротким приятелем полковником Павлом Петровичем Мартыновым», у которого С.Т. Аксаков определил жить своего брата Николая в Петербурге в 1814 году. С упоминания об этом начинаются его воспоминания «Знакомство с Державиным».

В «Записках ружейного охотника Оренбургской губернии» не раз упоминаются белебеевские места по случаю охот или рыбной ловли. Вот один такой случай с курахтанчиками. *«В 1822 году, в Белебеевском уезде Оренбургской губернии, поехал я осматривать яровые всходы, разумеется, с ружьем, потому что я с ним никогда не расставался. Вдруг ехавший со мной крестьянин указал мне пересевшую небольшую станичку полевых курахтанчиков. Я приказал сейчас поворотить к ним и, подъехав в меру, выстрелил. Станичка, десятка в три или четыре, быстро взвилась и улетела вон из виду; я убил три штуки. Когда их принесли, я пришел в крайнее изумление: вместо обыкновенных темно-зеленых, пестрых озимых кур я увидел птиц, совершенно похожих на сивок складом, только несколько поменьше, но совершенно неизвестных по их перьям. Как досадно, что я тогда же не описал их с натуры! Крестьянин уверял меня, что таких много шатается по полям; он ошибся: я не только в эту весну, но и никогда уже таких сивок не встречал; я все называю их сивками, потому что неизвестные птички были совершенно на них похожи всем своим образованьем, кроме того, что головки их показались мне не так велики и более соразмерны с общею величиной*

тела. Они были очень красивы: цвет перьев светло-коричневый, и от глаз, вдоль шеи, лежали беловатые полоски... больше не помню ничего».

С 1859 года владельцем Надеждино стал Григорий Сергеевич Аксаков, а после его смерти «Надеждинской усадьбы и близлежащих земель признаны наследники потомственного дворянина Г.С. Аксакова – Сергей Григорьевич и девица Ольга Григорьевна Аксаковы».

В имении стоял небольшой господский дом. Еще 1920-х годах его успел зарисовать художник Н. Протопопов. В 2002 году дом был восстановлен заново.

В 2002 году после большой общественной работы Аксаковского фонда был принят Указ Президента РБ об открытии Историко-культурного центра «Надеждино». Основу центра составили восстановленный Димитриевский храм и воссозданный усадебный дом писателя, в котором был открыт «Музей семьи Аксаковых».

Экспозиция музея состоит из четырех залов, двух вестибюлей и мезонина. Общая его площадь – 256 кв.м. Фонды насчитывают около 800 единиц хранения. Наиболее значительные экспонаты – это мебельный гарнитур в стиле тонет конца Х1Х века, состоящий из 12 предметов, подаренный музею племянником писателя в шестом колене по линии сестры С.Т. Аксакова Анны Тимофеевны Воейковой – Владимиром Юрьевичем Матвеевым, проживающим в Петербурге; хрустальная люстра конца Х1Х века, принадлежавшая уфимским Толстым; великолепное зеркало в резной раме, переданное музею известной уфимской семьей Генерозовых; «Домашний лечебник Бухана» 1813 года издания, подаренный музею троюродным трижды правнуком писателя известным уфимским врачом В.М. Соколовым; подписка газеты «День» за 1865 год, издателем и редактором которой был Иван Аксаков. В 2008 году в истори-

ко-культурном центре «Надеждино» была открыта Школа ремёсел для сельских детей.

ДИМИТРИЕВСКИЙ ХРАМ

«*С плоской возвышенности пошла дорога под изволок, и вот наконец, открылось перед нами лежащее на низменности богатое село Парашино, с каменной церковью и небольшим прудом в овраге <…>. Наконец, мы въехали в село. В самое это время священник в полном облачении, неся крест на голове, предшествуемый диаконом с кадилом, образами и хоругвями и сопровождаемый огромною толпою народа, шел из церкви для совершения водоосвящения на Иордани. Пение дьячков заглушалось колокольным звоном и только в промежутках врывалось в мой слух. Мы сейчас остановились, вышли из кареты и присоединились к народу. Мать вела меня за руку, а нянька несла мою сестрицу, которая с необыкновенным любопытством смотрела на невиданное ею зрелище; мне же, хотя удалось видеть нечто подобное в Уфе, но тем не менее я смотрел на него с восхищением. После водосвятия, приложившись ко кресту, окропленные святой водою, получив от священника поздравление с благополучным приездом, пошли мы на господский двор, всего через улицу от церкви.*»

На территории усадьбы сохранилась церковь во имя святого великомученика Димитрия Солунского, заложенная еще М.М. Куроедовым в 1799 году. В доме при храме, построенном Г.С. Аксаковым, с 1879 года действовало церковноприходское училище. Церковь действовала до 30-х годов XX века. Затем ее закрыли и отдали под зернохранилище. А с 70-х годов склад перевели в Малиновку, и церковь была практически разрушена. Восстановлена она в 1991 году и с тех пор действует.

В приходских книгах Димитриевской церкви, прокомментированных Я.С. Свице, содержится много интересных сведений и о внутреннем убранстве храма, и о пожертвованиях

церковной утвари храму Димитрия Солунского в 1821–1832-х гг.

«В составленной в 1829 г. «Ведомости о церкви» указано, что Димитриевская церковь села Надеждина:

1. Построена в 1799-г. тщанием госпожи Н. И. Куроедовой.
2. Зданием каменная, с таковою же колокольнею, крепка.
3. Престолов в ней один – холодный.
4. Утварью достаточна.
5. Причта положено по штату издавна: священник – один, диакон – один, дьячок – один, и пономарь – один.

Земли при сей церкви пашенной и сенокосной – 33 десятины.

6. Домы у священно- и церковнослужителей от помещика, деревянныя, на помещичьей земле.
7. На содержание священно- и церковнослужителей жалование не положено, а получается от прихожан добровольная хлебная руга. Содержание их посредственно потому, что приход их состоит из помещичьих крестьян и из чуваш новокрещен, 1-е по бедности своей за требоисправление платят очень мало, а последние никогда не служат молебнов о умерших, обеден и панихид. Зданий, принадлежащих к сей церкви, никаких не имеется».

И хотя содержание причта было «посредственно», сам храм и, главным образом, облачение священнослужителей во времена Аксаковых было весьма достойным, благодаря вкладам и пожертвованиям Сергея Тимофеевича и Марии Николаевны Аксаковых и Анны Тимофеевны Воейковой.

Приводим сведения из Описи богослужебных книг. В этом облачении видели священников в Димитриевском храме Аксаковы в 1820-х гг.

«1822 год. Апрель.

Поручи штучковыя бланжевыя, кресты белых атласных узких лент, подкладки набойки пестрой, приложены майоршей Анной Воейковой.

Воздухи голубого бархата, кресты золотыя, кругом обложены серебреной бахромой, и по углам серебреныя кисти, приложены села Надежино помещиком Сергием Аксаковым.

1823 года. Март.

Епитрахили. 1-ая малинового штофа, обложены синим бурбоном. Кресты лент полосатых левантинных, подкладка полосатой выбойки. 2-ая темнаго гринитура, обложка малиноваго штофу и кресты той же материи, подкладка полосатой выбойки. Приложены села Надежина помещиком Сергием Аксаковым. Завеса штучки бланжевой, крест лент гринитуровых травчатых, приложена майоршей Анной Тимофеевой Воейковой.

1832 года. Январь, 6.

Ризы. 1-ая траурная атласная с крестом белым сребренным. 2-ая бурбоновая малиноваго цвета, оплечья парчовые сребренные подкладка коленкоровая синяя, крест канительного позумента. Подризник траурный атласный кругом обложен белой лентой. Епитрахиль той же материи кресты белыя сребренныя. Поручи той же материи. Стихари. 1-й голубой канле оплечья алые гарнитуровыя, кресты такие же подкладка бухарской выбойки. 2-й розовый штучной, оплечье сине-голубое атласное, обложенное кругом золотою лентою, а круг подола золотою бахромою подкладка холстинная клейчатая. Приложены помещицею маиоршею Анной Тимофеевной Воейковой.

Март,12.

Риза сине-желтая парчовая оплечья золото-парчовые, крест и вокруг подолу обложены золотаго позумента, подкладка нанковая темно-желтая. Пояс парчовый малиновый, крест белый с насыпью, подкладка бухарской выбойки. Стихарь малиноваго бурбона полушелковой, оплечье парчовое белое с зелеными травочками, крест канительный, кругом обложен канительным позументом. Орарь канительной парчи крест канительный. Поручи полубархатные малиноваго цвета, кресты желтыя, канительныя и

обложка их таковая ж. Приложены помещиком Сергием Тимофеевым Аксаковым.

Октябрь, 20.

Ризы. 1-ая малиновая канительной парчи, оплечьи голубые парчовые, крест фольговой, подкладка розовая коленкоровая. 2-ая малиновой же парчи, оплечье голубой парчи, крест фольговой, обложен канительнаго прозумента, подкладка коленкоровая розовая. Пояс парчовый обложен канительным прозументом и крест канительной. Поручи. 1-е голубой парчи обложены желтаго прозумента. 2-е полубархатные малиновые, крест обложены желтаго прозумента. Подризник вишневаго гарнитура обложен желтой лентой. Епитрахиль голубой парчи, обложена малиновой парчи, кресты розовых лент, подкладка бухарской выбойки. Орарь зеленаго гарнитура, обложен прозументом, кресты таково же сорту. Приложены помещицей Марьей Николаевой Аксаковой».

Можно представить, как живописно выглядел крестный ход из Димитревского храма, описанный С.Т. Аксаковым в «Детских годах Багрова-внука».

САНАТОРИЙ имени С.Т. АКСАКОВА

После смерти Г.С. Аксакова имение Надеждино поделили между Ольгой Григорьевной и Сергеем Григорьевичем Аксаковыми, которым досталось соответственно 628 дес. и 817 дес. земли, причем межой стала построенная к тому времени Самаро-Златоустовская железная дорога. Под строительство белебеевской ветки Г.С. Аксаков продал 5 дес. земли.

Сергей Григорьевич поначалу очень успешно хозяйствовал, но через 10 лет за неуплату банку процентов его имение было продано с торгов купцу А.Н. Шихобалову.

У О.Г.Аксаковой отношения с Дворянским банком были тоже непростые. Не раз ей приходилось закладывать и перезакладывать свое имение, не раз имению угрожала продажа с публичных торгов, но всякий раз правление Самарского отделения Дворянского банка шло навстречу внучке знаменитого писателя, и она сохранила родовое имение.

Ольга Григорьевна была помещицей средней руки, но, используя современные методы, сделала хозяйство передовым в крае. Основной доход ей давало полеводство. На своих землях О.Г. Аксакова применяла 4 и 9-польный севооборот, широко использовала сельхозяйственный инвентарь, навозное удобрение. Второй доходной статьей было животноводство. Она держала стадо коров симментальской породы, поголовье молодняка крупного рогатого скота, овец, два десятка беркширских свиней, тридцать рабочих лошадей. Работниками в хозяйство нанимались крестьяне из соседних деревень.

По разделу имения Ольге Григорьевне отошли земли за железнодорожными путями, что имело даже своё преимущество. Понимая, что родовое имение, уже не раз заложенное в банке, может уйти с молотка, она, как верная дочь отца, находит единственно правильное и перспективное решение: основать на этой земле, близкой к железной дороге, кумысную ко-

Курзал в кумысной колонии О.Г. Аксаковой

лонию, благо, что кумыс в этих краях, по общему признанию, был особенный.

Кумысолечебная колония, устроенная О.Г. Аксаковой совместно с самарским врачом В.Ф.Благовидовым, расположилась в 12 км от станции «Белебей – Аксаково». Это наиболее высокая точка профиля Самаро-Златоустовской железной дороги от Самары до Уфы. Местоположение колонии было очень живописно. Дачные домики почти окружала березовая роща, что защищало их от холодных ветров. Они были разных размеров, деревянные, но на каменных фундаментах и имели полуоткрытую террасу. Отапливались голландскими печами.

Колония Аксаковой считалась одной из самых крупных. Она состояла из 22-х домиков, 8 квартир при курзале, 6 комнат в корпусах и могла вместить до 150 кумысников. Но все это появилось в течение нескольких лет. Сезон у О.Г. Аксаковой открывался 15 мая и длился до 16 августа. При желании отдыхающие делили его пополам: с 15 мая до 1 июля и с 1 июля по 15 августа. Продукты можно было приобретать в буфете. Многие отмечали, что хозяйство у Ольги Григорьевны было образцовое и молочные продукты: молоко, сливки, варенец, масло поставлялись из собственной фермы. В буфете также предлагали чай, сахар, белый хлеб, спички, свечи и другие продукты и предметы. Домики обставлялись только самым необходимым. Кровати выбирались по желанию: или с металлической сеткой, или пружинные с волосяными наматрацниками. Постельное белье, подушки пансионеры должны были привозить с собой.

Цена дачи зависела от ее размеров. Например, дача в одну комнату, с одной кроватью и парусиновой перегородкой для спальни сдавалась за 90 рублей на весь сезон, а на полусезон – за 50 рублей; двухкомнатная дача с дополнительной полутемной комнатой и двумя кроватями стоила 130 рублей за сезон и 70 рублей за полусезон; дача в четыре, пять и шесть комнат с четырьмя кроватями обходилась пансионерам от 225 до 350 рублей

за сезон. О своем желании посетить лечебницу необходимо было написать заранее. Опоздание к началу заезда и отъезд раньше срока никак не компенсировались. Для встречи кумысников на станцию «Белебей-Аксаково» высылали экипаж.

В колонии О.Г. Аксаковой практиковал ее совладелец Владимир Федорович Благовидов, который служил врачом на железной дороге в Самаре и приезжал в колонию только по субботним, воскресным и праздничным дням. В другие дни кумысников (так называли приехавших лечиться) принимал белебеевский врач Яков Николаевич Соколов – четвероюродный брат О.Г. Аксаковой. Врачебный приём в колонии был платным.

Приготовлению кумыса уделяли особое внимание. В колонии Аксаковой, например, его готовил добросовестный и знающий дело башкир. Разливали напиток три раза в день с обязательным обозначением времени на бутылке, чтобы точно определить вид напитка, который мог быть слабым, средним и крепким. Отпускали кумыс только по предъявлению марок, полученных в конторе заведения, по цене 20 копеек за бутылку. За посуду платили до ее возвращения 10 копеек.

Содержать, по сути, туберкулёзную лечебницу было очень ответственно. Существовали специальные санитарные постановления, обязательные для всех владельцев колоний и пансионеров, и кумысолечебные заведения стали подвергаться регулярному санитарному надзору. Документы предусматривали чистоту кобыльего косяка, запрет пасти кобылиц из кумысных колоний вместе с деревенским табуном; строгие санитарные требования предъявлялись к помещению, в котором происходила выработка кумыса; запрещалось молоко переносить в открытых емкостях; бутылки для разлива кумыса необходимо было кипятить.

И по этим параметрам кумысное заведение Ольги Григорьевны было на высоте. Все помещения, предназначенные для кумысников, обязательно к началу сезона подвергались дезин-

фекции или механической чистке, белились, красились. Для уничтожения клопов, которые были настоящим бедствием, в Белебеевском уезде использовались клоповарки, представляющие собой жестяной самовар с ручкой и узкой изогнутой трубкой для выхода горячего пара. Таким образом, клопов можно было достать в самых недоступных щелях.

Герметически закрывающиеся бидоны были только в колонии Аксаковой. Лишь в ней одной из всех белебеевских колоний бутылки кипятили и применяли специальное устройство для мытья бутылок. В заведении О.Г. Аксаковой был устроен частичный водопровод, подававший воду из колодца лошадиной силой в бак, а из него вода уже поступала к доктору, на кухню, в курзал, в чан для мытья бутылок под кумыс и в баню. Для стирки белья при колонии специально построили прачечную, чтобы пансионеры не отдавали стирать белье в деревни. Это строго запрещалось.

Заведение О.Г. Аксаковой выделялось среди соседних колоний наличием элементарных профилактических средств пропаганды, например, большим количеством плакатов, запрещающих плевать на землю, и установленными на улице плевательницами. Раздавался составленный уфимским обществом врачей «Спутник кумысника», в котором не только содержались сведения о кумысе и кумысолечении, но кратко и доступно излагались рекомендации для туберкулезных больных и давались профилактические советы детям, предрасположенным к этому заболеванию.

Для развлечения кумысников владельцы колоний предлагали игры: теннис, крокет, кегли и другие. Любители музицировать играли на рояле, который стоял в необычайно высоком и красивом курзале, окруженном цветниками, размер и архитектура которого сразу же привлекали внимание приезжающих. Это здание сохранилось лишь на немногих фотографиях. Оно сгорело в 90-е годы XX в., а еще раньше, в 1981 году, сгорел двухэтажный дом, стоявший рядом с курзалом, в

котором проживала хозяйка лечебницы О.Г. Аксакова. Была здесь и библиотека с читальным залом.

Накануне революции, по окончании летнего сезона 1916 года О.Г. Аксакова насовсем перебралась в село Языково Самарской губернии. После революции 1917 года колония была национализирована и на ее базе в советское время был открыт санаторий, названный именем С.Т. Аксакова.

БЕЛЕБЕЙ

Белебей – один из старейших городов Башкирии. Старше его только Уфа, Бирск и Стерлитамак. Первые упоминания о нем относятся к 1757 году. С 1781 года Белебей – центр горнорудной промышленности с тремя медеплавильными заводами – по указу Екатерины Великой был преобразован в уездный город Уфимской губернии. В эти же годы благодаря успешному земледелию началось спиртоводочное производство, стало развиваться купечество. Город приобрёл большое значение в жизни всего уезда, стал одним из экономически развитых центров губернии.

Михаило-Архангельский храм в г. Белебее, строился в 1822-1828

Основателями города считаются чуваши, которые, спасаясь от насильственной христианизации, бежали в эти края из Чебоксарского уезда Казанской губернии и на договорных усло-

виях арендовали лесные и пахотные земли у дёмских башкир.

В начале 1820-х гг. в Белебее была единственная деревянная Михаило-Архангельская церковь, построенная около 1780 г. вместо церкви, сожжённой во время пугачёвского бунта.

С 1815 г. прихожане начали сбор средств на сооружение каменного храма и в 1822 г. приступили к заготовке материала. Построен он был попечением настоятеля протоиерея Димитрия Дмитриева, который был определён в Белебей в 1820 г. В ноябре 1828г. однопрестольную церковь так же во имя Архистратига Михаила освятил епископ Оренбургский и Уфимский Амвросий II (Морев). Так как строительство Михаило-Архангельской церкви в Белебее велось в годы, когда в Надеждине с семьёй жил Сергей Тимофеевич Аксаков, вполне возможно, что и он вносил свои пожертвования на её сооружение.

В среде белебеевского дворянства 1820-х годов, скорее всего, могло состояться знакомство С.Т. Аксакова и начинающего коммерсанта (а впоследствии одного из самых богатых людей России) Дмитрия Егоровича Бенардаки. На это указывают комментарии Ивана Аксакова в рукописи отца. После фразы С.Аксакова: «…откупщика Бенардаки, с которым был хорошо знаком…», Иван добавил: «Еще по Оренбургской губернии, где он *(Д.Е.Бенардаки – прим.сост.)*начал подрядами свою коммерческую деятельность».

Личность Дмитрия Егоровича – гениального предпринимателя, горнозаводчика (у него было шестнадцать заводов в шести губерниях России), золотопромышленника (он владел золотыми приисками в Восточной Сибири), владельца и строителя речных судов (у него было речное пароходство на Волге), крупнейшего землевладельца в России – и сегодня поражает своей масштабностью мысли и дела.

Свою предпринимательскую деятельность бывший гусарский поручик начал в 1820-ые годы. Имея небольшой капитал, он удачно выиграл торги на винные откупа в Петербурге, получив

право торговать водкой своего производства. И в короткое время Бенардаки уже владел всем винодельческим промыслом в столице с магазинами и складами. К 40-50-м годам он стал одним из первых миллионеров России.

После успеха в Петербурге Бернадаки ищет пути расширения бизнеса на Урале. В 1830-х годах он приобретает у наследников П.И.Осокина три медеплавильных завода (Верхне-, Нижне-Троицкие и Усень-Ивановский) в Белебеевском уезде Оренбургской губернии. В 1840-х гг. переселяет сюда крестьян из Тульской губернии, которых выиграл в карты у графа Бобринского 2616 душ. Крестьяне расселились по деревням: Елизаветино, Александровка, Дмитриевка, Екатериновка, Анновка (нынешний Белебеевский район) и Леонидовка, Николаевка, Константиновка (нынешний Туймазинский район).

Дмитрий Егорович обладал необыкновенной коммерческой жилкой. Так, например, понимая, что один из медеплавильных заводов нерентабелен, он, учитывая, что в этой местности хорошие пастбища и много скота и овец, перепрофилировал Нижне-Троицкий завод в суконную фабрику.

Бенардаки безошибочно предугадывал, в какую отрасль нужно вложить капиталы, и затем добивался в ней решительных успехов, не только обогащаясь сам, но и двигая эту отрасль вперед. Так, с большим риском для себя он основал ставший впоследствии легендой русской промышленности Сормовский металлургический завод. При Бенардаки завод был срочно модернизирован. Впервые в отрасли здесь появились паровые машины, токарные станки, подъемный кран. Дмитрий Егорович привлёк к работе талантливого молодого инженера А.А. Износкова, построившего на заводе первую в России мартеновскую печь. Уже в 1850г. на Сормовском заводе был построен первый колёсный пароход «Ласточка».

Возможно, что знакомство С.Т. Аксакова с Бенардаки произошло в самом конце 20-х годов, когда молодой грек приез-

жал в Белебеевский уезд по своим коммерческим делам. Оно продолжалось и в столицах. Их связывал круг общих знакомых. Судя по всему, отношения между ними были вполне приятельские, так как позволяли С.Т. Аксакову при крайней нужде занимать у Бенардаки денежные средства. Так случилось в 1837 году, когда срочно понадобились деньги для Н.В. Гоголя. Этот случай описан в Аксаковым в «Истории моего знакомства с Гоголем». *«Я обнял Гоголя, сказав ему…чтобы он назначил час, когда я могу приехать к нему с деньгами… Я, конечно, был вполне счастлив; но денег у меня не было. Надобно было их достать, что не составляло трудности, и я сейчас написал записку – и попросил на две недели две тысячи рублей – к известному богачу, очень замечательному человеку по своему уму и душевным свойствам, разумеется, весьма односторонним, – откупщику Бенардаки, с которым был хорошо знаком. Он отвечал мне, что завтра поутру приедет сам для исполнения моего «приказания». Эта любезность была исполнена в точности».*

Сам Бенардаки познакомился с Гоголем через Михаила Петровича Погодина –большого друга семьи Аксаковых – в 1837 году в Германии. Погодин писал об этом: «Всякий день после ванны ходили мы втроем - я, он (Бенардаки) и Гоголь по горам и долам и рассуждали о любезном отечестве. Где он не был, чего не знает, с кем не был он в сношении! Сибирь, Оренбург, Поволжье, Кавказ, Крым, Петербург - у него все как на ладони... Бенардаки, знающий Россию самым лучшим образом, рассказывал нам множество разных вещей, которые и поступили в материалы гоголевских «Мертвых душ», а характер Костанжогло во II части писан в некоторых частях прямо с него».

Дмитрий Егорович Бенардаки был широко известен своим меценатством и благотворительностью. Как вспоминали современники, «он нажил огромное состояние своим умом и ловкостью. Человек он был необыкновенной доброты, готовый услужить и весьма серьезно всем и каждому. Многие наживали бла-

годаря ему целые состояния». За его благотворительную деятельность Император Александр II пожаловал Дмитрию Егоровичу звание потомственного дворянина. Бенардаки построил несколько храмов в Сибири и на Урале (в том числе и храм Димитрия Солунского в селе Елизаветино Белебеевского уезда), огромный храм Димитрия Солунского в Санкт-Петербурге. Им были основаны Фонды благотворительности нуждающимся учащимся Петербуржских мужских гимназий; он опекал детей, осужденных за мелкие преступления, создав несколько земледельческих колоний и ремесленных приютов. Бенардаки щедро поддерживал единственный на Афоне русский Свято-Пантелеимонов монастырь.

Еще Аксаков отметил, что среди петербургской публики *«этот грек Бенардаки, очень умный, но без образования, был единственным человеком в Петербурге, который назвал Гоголя гениальным писателем и знакомство с ним ставил себе за большую честь*!» Дмитрий Егорович, действительно был в приятельских отношениях со многими деятелями искусства и литературы. В его домах в Петербурге устраивались филармонические концерты, выставки художников-передвижников. Личность Бенардаки хорошо охарактеризовал М.В. Погодин: «Вот что значит смелость, деятельность и честность, вот что значит соединить свою пользу с общею».

Многие из деревень, основанных Бенардаки, существуют в Белебеевском районе и поныне.

МЕДВЕДКА (Анненково)

Анна Тимофеевна Аксакова (1799–1850), сестра Сергея Тимофеевича, в 1819 г. вышла замуж за Владимира Ивановича Воейкова. Ей в приданое отец Тимофей Степанович выделил деревню Медведка Белебеевского уезда с пятью семействами дворовых (всего 12 душ) и сорока девятью крестьянскими дворами (всего 394 души). Село находилось в шести верстах от Надеждино и являлось приходом Димитриевского храма.

Новые факты из биографии родственников С.Т. Аксакова удалось установить Я.С. Свице по приходским книгам Димитрие-Солунской церкви. Первое упоминание о том, что в селе Медведка поселилась вся семья Воейковых, находится в Клировой ведомости за 1827. По Духовной же росписи за 1825–1829 гг. (ежегодно составляющийся список исповедующихся и причащающихся прихожан, которые учитывались по дворам: записывались имя, отчество, фамилия сначала главы семьи, затем имена всех домочадцев, указывались возраст и сословие) упомянуты помещики: Владимир Иванович Воейков, 48-ми лет; жена его Анна Тимофеевна – 29; их дети: Александр – 10 лет, Николай – 8, Аркадий – 4, Павел – 3, Мария – 1 года. Зная дату рождения Анны Тимофеевны, можно предположить, что эта духовная роспись составлялась примерно в 1828 г. В клировой ведомости за 1829 г. В.И. Воейков назван отставным майором.

По Духовной росписи за 1835 г. в деревне Воейковой находились: помещик отставной майор Владимир Иванович Воейков, 57-ми лет; жена его Анна Тимофеевна – 37; дети: Павел – 13 лет, Мария – 10, Константин – 3.

То, что в 1820-30 гг. сестра Аксакова Анна Тимофеевна с семьёй жила в своем имении в Белебеевском уезде, до сих пор не было известно. А если учесть запись из Описи богослужебных книг, то выходит, что в 1823 году она проживали в этих места рядом со своим братом Сергеем Тимофеевичем.

Деревня Воейково (Медведка) впоследствии получила по имени владелицы название Анненково. Под этим именем она до сих пор существуют в Белебеевском районе.

Потомком по линии Анны Тимофеевны Воейковой приходится член Попечительского совета Аксаковского фонда, заместитель директора по выставочной работе Государственного Эрмитажа – В.Ю. Матвеев. Владимир Юрьевич – большой друг Аксаковского музея. Он живо и с большим участием входит в проблемы музейной работы, всегда готов помощь советом и делом.

Для экспозиции Музея семьи Аксаковых в селе Надеждино он подарил старинный мебельный гарнитур фирмы Тонет, благотворительно помог в реставрации туалетного столика начала XIX века, каждый приезд на родину предков сопровождается редкими музейными подарками.

СИУШКА

В приданое от отца Анна Тимофеевна получила деревню Сиушка при речке Медведке, а с ней 134 души крепостных крестьян. В приходских документах Димитриевской церкви сведений об этой деревне нет, очевидно, она была в приходе белебеевской Михаило-Архангельской церкви.

В списке населенных мест Белебеевского уезда за 1877 год указана деревня Малая Анненская (Сиушка) при речке Медведке. Число жителей мужского пола – 28, женского – 29. На речке работала водяная мельница.

В апреле 2012 года в Мемориальный дом-музей С.Т. Аксакова в Уфе по электронной почте пришло неожиданное письмо от Натальи Ивановны Сафроновой. Она прислала снимок, сделанный на первом Аксаковском празднике в 1991 году, и интересные сведения о себе: «Деревня Сиушка – родина моего папы Жаринова Ивана Егоровича (1925-2009). Здесь и он, и моя мама, Жаринова Мария Сергеевна, в 2009 г. похоронены на сельском кладбище, на многих крестах которого значится фамилия Жаринов. Основатель нашего рода – Жаринов Прокопий Иванович (родился примерно в 1835 г.), потомок крепостных крестьян помещиков Аксаковых, переселенных из Симбирской губернии в 1790 году. Сиушка – место и моего рождения».

ГЛУМИЛОВКА (Подлесное)

У самой младшей сестры писателя Софьи Тимофеевны (1806–1866) также было имение вблизи Надеждина. Когда она вышла замуж, Тимофей Степанович выделил ей в приданое 633

крестьянские души. Её муж – представитель одной из старейших уфимских дворянских фамилий, впоследствии надворный советник Михаил Васильевич Глумилин.

В клировой ведомости за 1829 г. в приходе Димитриевской церкви, в семи верстах от Надеждина первый раз была указана деревня Глумиловка коллежского асессора М.В. Глумилина. В 1829-35 гг. помещики в деревне не жили. Интересно, что деревня Ивановка, принадлежавшая Т.С. Аксакову, с 1827 г. в рассматриваемых приходских документах не упоминается. Возможно, крестьяне этой деревни были выделены Софье Тимофеевне Аксаковой отцом в приданое и переведены в деревню Глумилино, которая впоследствии называлась Подлесное. Под таким названием она существует и поныне в Белебеевском районе.

ИЛЬКИНО

«Наступила зима 1825 года. Все было тихо и спокойно в нашей пустынной глуши. Ничто не предвещало важности грядущих событий, а между тем историческая драма уже начиналась... 6 декабря, на именинах у кого-то из соседей, где находились, между прочим, все белебеевские чиновники и живший в этом городке прежний наш губернатор М.А. Наврозов, получили мы известие, что государь Александр Павлович скончался в Таганроге». «...Первая мысль представилась: кто будет царем? Все присутствующие, кроме меня и Наврозова, не сомневались, что преемником Александра Павловича будет цесаревич Константин; но мы с Наврозовым были убеждены в противном. ...Каково же было мое удивление, когда на другой день поутру уведомили меня из города, что с нарочным курьером получен указ правительствующего сената, извещающий о кончине императора Александра I и о присяге законному наследнику его Константину Павловичу. Сильно смущенный, поехал я немедленно в Белебей, чтоб потолковать с Наврозовым. Тут уж все присягнули. Людям, понимавшим сколько-нибудь дело, крепко не нравилась новая

императрица, хотя, по слухам, она была превосходная женщина. «Веру-то переменит, – говорил мой родственник, уездный судья Бунин. – Это пустое, будто католички веры не меняют. Для всероссийского престола можно и две веры переменить. Да вот беда: кровь-то в ней польская; будет руку поляков держать, а Константин Павлович, говорят, и без того в них души не чает».

В приведённом отрывке из «Литературных и театральных воспоминаний за 1825-1826гг.» (это был последний год жизни С.Т.Аксакова с семьей в Белебеевском уезде) говорится о *«родственнике, уездном судье Бунине»*. Этим родственником был майор Михаил Иванович Бунин, муж Екатерины Ивановны Куроедовой, внучки Аксиньи Степановны Аксаковой (в замужестве Нагаткиной).

Представители рода Буниных, древнейшего дворянского рода России, появились в Оренбургском крае в конце XVIII века. Как предположили Гудковы, это было одно семейство. В найденном ими документе упоминается «коллежский протоколист Иван Федотов сын Бунина». Они считают, что это отец упоминаемого Аксаковым Михаила Ивановича Бунина.

По данным Шестой ревизии (1811 г.) среди владельцев села Токаево (Михайловка) упоминается поручик Михаил Иванович Бунин. За ним записаны два крестьянских двора. По Восьмой ревизии (1834 г.) он назван уже майором и в его собственности три крестьянских двора в сельце Илькино (Арьелга). Причем указано, что эти крестьяне достались ему по наследству от сестры О.И. Черновой. В этой же ревизской сказке уже упоминается и его жена – Екатерина Ивановна – как владелица десяти крестьянских дворов, переданных ей по наследству от отца И.П. Куроедова. В ревизских сказках от 1850 года Екатерина Ивановна уже названа вдовой, и за ней записано 22 крестьянских двора по сельцу Михайловка (Илькино). За свою более чем двухсотлетнюю историю село Илькино, которое и сегодня находится в Белбеевском районе, сменило четыре названия. Располагалась деревня в

девяти километрах на север от уездного центра Белебея, и, возможно, Сергей Тимофеевич не раз гостил у своих родственников или заезжал к ним с охот.

У Михаила Ивановича и Екатерины Ивановны было семь детей, а их старший сын Иван имел огромную семью: двадцать два ребёнка, из которых пятеро умерло в младенчестве, а имена семнадцати известны. Среди потомков племянницы Сергея Тимофеевича Аксакова Екатерины Ивановны Буниной (урожд. Куроедовой) династия врачей Соколовы, аксаковед Георгий Федорович Гудков, профессор Башмединститута В.В. Третьяков и много других ученых и военных, живущих в разных уголках страны.

ПЁСТРОВКА (Большое Аксаково)

Первым владельцем этого поместья в Стерлитамакском уезде был Тимофей Степанович Аксаков, купивший в 1792 г. земли у башкир Минской волости по речке Месейле. Стерлитамакский краевед В.Л. Назаров приводит изустное предание, согласно которому первыми жителями Пёстровки были крестьяне, переселенные из Симбирской губернии в 1802 г. Потому и назвали деревню Пёстровкой, что первые жители ее (25 семейств) по своему составу были «пестрыми», т. е. свезенными из разных имений Аксаковых. Например, Исай был привезен из Симбирской губернии, и его потомки получили фамилию Исаевых. Егор приехал из-под Уфы, из д. Сергеевки, так возникла фамилия Егоровых. Остальные прибыли из-под Белебея, с. Надеждино, и из имения Новое Аксаково Бугурусланского уезда.

В деревне был построен усадебный дом, первоначально располагавшийся в черте деревни у слияния речек Конлыелга и Меселька. В нем останавливался восемнадцатилетний С.Т. Аксаков при посещении стерлитамакского имения отца.

В 1814 г. Надежда Тимофеевна Карташевская вышла замуж за Н.И. Мосолова, и отец выдал ей в приданое деревню Пёстровка (Большое Аксаково) и деревню Подлесное (Малое Аксако-

во, Нижняя Пёстровка) в Стерлитамакском уезде. Обе деревни находились при речке Месели; д. Пёстровка в 25-ти верстах и д. Подлесная в 22-ти верстах к северу от Стерлитамака по дороге в Уфу.

По ревизской сказке 1850 г. в д. Пёстровке проживало 786 душ, причем за период с 1834 по 1850 гг. в деревне поселились лишь несколько новых семей, переведенных сюда из д. Вишенки Ставропольского уезда Симбирской губернии в 1840 г. и из д. Дмитриевки (Надеждино) Белебеевского уезда в 1836 г.

По деревне Пёстровка сохранилась в архиве подлинная Уставная грамота об освобождении крестьян с приложенными к ней документами. По ней крестьяне получали земельный надел по 5 десятин на 338 душ; один человек из числа дворовых изъявил желание получить надел, и двое из крестьян отказались от надела. Всего крестьяне получили 1690 десятин. Находящееся в черте селения место, занятое часовней, господской усадьбой с ригами, гумном и скотным двором, оставалось в исключительном пользовании владелицы Н.Т. Карташевской.

Все условия раскрепощения крестьян были такие же, как и по д. Подлесной, но крестьяне деревни Пёстровка отказались подписать Уставную грамоту. Возникли разногласия по двум пунктам. Крестьяне не соглашались с размерами барщины – 40 дней в году для мужчин и 30 дней для женщин. Возражали крестьяне и против получения надела по обоим берегам речки Куз-Елга, ссылаясь на вымерзание там посевов.

Мировой посредник В.Н. Левашов не нашел возражения крестьян «законными» и ввел в действие Уставную грамоту от 15 марта 1862 года, подписанную за владелицу по передоверию временнообязанным дворовым человеком господина Кроткова Василием Ивановичем Губановым.

В 1865 г., как сообщали Оренбургские губернские ведомости, «в имении... Карташевского в сельце Пёстровке... в ночь с 24 на 25 января произошел пожар в верхнем этаже господского дома, который сгорел до основания. Причина пожара неизвестна».

Новая усадьба Карташевских была построена после 1865 г. на другом месте, за деревней, между деревнями Пёстровка и Подлесное на расстоянии около километра от старой усадьбы. Это было двухэтажное здание, низ кирпичный, верх деревянный, имело Т-образную форму, размерами в длину и ширину около 20 метров. Как пишет стерлитамакский краевед В.Л. Назаров, «усадьба расположилась на своеобразном выступе, образованном берегом речки Месельки и безымянным оврагом с ручьем, впадающим в нее. Запруженный овраг по весне заполнялся водой, и территория усадьбы таким образом оказывалась ограниченной с трех сторон естественными преградами. Все вместе – и красивая, в каретовых воронках и в шапке леса гора, и поросшая густой

Усадебный дом в Пёстровке

уремой Меселька, и гладь пруда, и аллеи на территории усадьбы, и видневшиеся просторы полей, а также сам барский дом – представляло собой единый природно-ландшафтный и архитектурный комплекс. Как тут не вспомнить известные памятники русской садово-парковой культуры – знаменитые «дворянские гнезда» XIX столетия!».

В середине XIX века к управлению имением приступил сын Н.Т. Карташевской Яков Григорьевич Карташевский (1822 – после 1895). Он активно проявил себя в период проведения крестьянской реформы.

По данным 1870 года, в деревне Пёстровка проживало 784 человека (104 двора). Там имелись винокуренный, поташный и два маслобойных завода. Жители занимались пчеловодством, лесопилом, изготовлением саней, колес, ободьев.

Еще до 1865 года здесь был построен Петровский № 23 винокуренный завод. Карташевский имел патент на оптовую продажу хлебного вина в Уфе. Оптовый склад раполагался в доме купца Игнатия Венедиктовича Короткова на Голубиной улице (угол улиц Ленина и Пушкина, где позднее находился хорошо известный уфимцам рыбный магазин).

В 1873 году в деревне Пёстровке был конный завод Якова Григорьевича Карташевского, увлечённо занимавшегося племенным коневодством. О его заводе писали в «Журнале конезаводства» за 1873 год. На скотном дворе содержали также породистых свиней, домашнюю птицу, маленьких лошадок пони. Племенной материал помещик завозил из-за границы.

Яков Григорьевич был не только успешным предпринимателем, но и видным общественным деятелем. В 1880 году он оказал материальную помощь уфимскому приюту. В 1881 году о Я.Г. Карташевском сообщается как о почетном члене уфимского губернского статистического комитета и губернского попечительства детских приютов, о члене комитета уфимского губернского музея.

Последним владельцем бывшего аксаковского имения в деревне Пёстровка Стерлитамакского уезда был Дмитрий Андреевич Маркович (Маркевич) (1863 – не ранее 1917) – действительный статский советник, стерлитамакский уездный предводитель дворянства, член Стерлитамакского уездного съезда. Ему принадлежал винокуренный и мукомольный заводы близ Пёстровки Ишпарской волости.

Последний пёстровский барин, как называет его краевед В.Л. Назаров, очень много сделал для развития народного образования у себя в имении.

С 1898 году в деревне было открыто трехклассное, так называемое «Пёстровское яковлевское начальное училище», которое размещалось в нескольких частных крестьянских домах. Самая первая общеобразовательная школа построена за оврагом Чертоган в 1903 году. В 1908 году 24 ноября началось обучение в ремесленной школе, там же, за оврагом Чертоган, – школа называлась «Пёстровская сельская ремесленная учебная мастерская». Обучали в ней слесарному, столярному и кузнечному делу. Среди учеников были не только жители деревни, но и приезжие – из Софиполя, других сел и даже из Стерлитамака. После строительства типовой трёхклассной школы на склоне горы Шихан в 1912 году освободилось здании бывшей трехклассной школы за Чертоганом и там открыли «Опытную станцию по растениеводству». Безусловно, все эти нововведения предпринимались при участии барина.

В 1914 году трехклассная школа стала четырехклассной, в 1936 – семилетней, в 1962 – восьмилетней, и просуществовала она до 1967 года, когда была переведена во вновь построенное кирпичное здание, расположившееся в низине, у речки, в центре деревни. Это было то самое место, где еще при барине первоначально намечалось ее строить.

В 1917 году в предчувствии ещё более тревожных событий и предполагая своё незавидное будущее, Маркович продал

стерлитамакское имение за 125 тысяч рублей золотом купцу первой гильдии Усманову и готовился к отъезду из имения навсегда. С его отъездом закончилась в истории Пёстровки целая эпоха.

ПОДЛЕСНОЕ (Малое Аксаково)

Деревня Подлесное образовалась как выселок из д. Пёстровки после 1850 года и размещалась в четырех верстах от последней. В ней проживало 176 человек (25 дворов), жители занимались пчеловодством.

В Уфимском архиве хранится Уставная грамота по деревне Подлесной тайной советницы Надежды Тимофеевны Карташевской, подписанная по доверенности её сыном коллежским советником Яковом Карташевским. В 1862 году крестьяне приняли её без возражений.

Согласно грамоте они наделялись землей по пять десятин на каждую душу. Количество земли отводилось на основании инструментальной съемки и плана, «составленного воспитанником московского ремесленного учебного заведения Алексеем Гавриловым». При этом давалось подробное описание границ участка, которые проходили и по оврагу Нижние Бельсы.

До выкупа земли крестьяне ежегодно должны были платить оброк с каждого душевого надела 9 рублей серебром, который вносился в два срока – 15 апреля и 15 октября – или отбывать барщину.

Деревня Подлесная находилась на пруду речки Месели. Пруд предоставлялся крестьянам для водопоя скота, но без права ловли в нем рыбы. Находящаяся в деревне господская мельница оставалась в собственности владелицы. В документе определялся также порядок предоставления крестьянам топлива из господского леса. В своих отношениях с помещицей крестьяне были связаны круговой порукой.

Так как фамилий крестьяне не имели, в документе показано только имя и отчество главы семейства: Фадей Дмитриев, Сте-

пан Потапов, Роман Петров и т, д.; всего 21 человек. Все они были неграмотными, за них Уставную грамоту подписал «уполномоченный мирским приговором» временно обязанный крестьянин деревни Пёстровки Григорий Герасимов. За «добросовестных свидетелей», трех государственных крестьян деревни Верхние Месели, документ подписан «по личному их доверию» белебеевским мещанином Ефимом Киселевым.

Свидетельством того, что Сергей Тимофеевич бывал в этих местах, служит описанный им случай из «Записок об уженье рыбы».

«*Я сейчас говорил о том, как иногда бывает трудно разводить некоторые породы рыб в такой воде, где прежде их не было; но зато сама рыба разводится непостижимым образом даже в таких местах, куда ни ей самой, ни ее икре, кажется, попасть невозможно, как, например: в степных озерах, лежащих на большом расстоянии от рек, следственно, не заливаемых никогда полою водою, и в озерах нагорных. Оренбургской губернии, в Стерлитамацком уезде, есть на реке Белой несколько отдельно друг от друга стоящих гор, очень высоких и видных с луговой стороны вёрст за сорок. Когда небо покрыто тучами, они живописно белеют на темном горизонте. Не знаю, что теперь находится на их вершинах, но лет пятьдесят тому назад на двух из них были небольшие озера с чистою и холодною водою, и в одном озерке, кажется, на горе Юрак-Тау, водились караси, а может быть, и другая рыба. Как они могли попасть туда – объяснить трудно. Я знал также один из так называемых в Оренбургской губернии провалов (круглые, более или менее глубокие ямы, имеющие фигуру воронки) в вершинах реки Ика; этот провал с незапамятных времен, как и многие другие, с весны сохранял долго снег, а летом был совершенно сух, так что в нем, сверху по бокам, росла лесная малина. Вдруг слышу, что он наполнился водою, а года через два – что в воде завелись караси: и в том и в другом явлении я удостоверился своими глазами. Повторяю мой вопрос: как могли попасть туда караси, когда озера с карасями, самые ближайшие, находились в пяти вер-*

стах от провала? Надобно допустить известное предположение, что птица (всего скорее чайка или ворона), проглотив где-нибудь рыбью оплодотворенную икру, залетает потом в такие места, на такую воду, где прежде рыбы не водилось, выкидывает икру в своем помете и что пищеварительный сок птичьего желудка или зоба не лишает эту икру способности вывесть из себя маленьких рыбок. Таким только образом можно объяснить появление рыбы на горе Юрак-Тау и в Икском провале, хотя я и должен признаться, что такое объяснение меня не вполне удовлетворяет.»

ЕРЛЫКОВО

«Умная и гордая Елизавета какими-то судьбами попала за генерала Ерлыкина, который, между прочим, был стар, беден и пил запоем».

«...по старшинству следовало бы теперь молодым сделать свадебный визит к Ерлыкиным; но деревушка их находилась в ста семидесяти верстах от Багрова, гораздо ближе к Уфе, и так положено было, чтоб молодые заехали к ним на возвратном пути в Уфу» .

В эту деревню молодые родители Аксакова так и не смогли проехать, так как из-за непогоды размыло дороги и снесло мост через небольшую речку.

В «Семейной хронике» С.Т.Аксаков несколько переиначил фамилию своей тётушки: на самом деле Елизавета Степановна вышла замуж за Ипполита Петровича Ерлыкова.

Уфимский краевед Я.С. Свице по архивным данным установила, что «в XIX веке в Белебеевском уезде существовало (и ныне существует в Миякинском районе Республики Башкортостан) село Ерлыково. По VIII ревизии (1834 г.) проживавшая в Уфе помещица вдова генерал-майорша Елизавета Степановна Ерлыкова являлась здесь владелицей 154 душ крепостных крестьян обоего пола… В 1862-1865 годы помещиками в селе Ерлы-

кове были: отставной подполковник Петр Иванович Немчинов, и коллежская асессорша Надежда Андреевна Иванова».

В «Детских годах Багрова-внука» упоминается о двух дочерях генеральши, которые были постарше Серёжи Аксакова. *«Меньшая из них, Катерина, была живого и веселого нрава»*. Возможно, последующими владельцами села были ближайшие родственники по линии дочерей, сменивших фамилию.

Известно, что сама Елизавета Степановна скончалась в Уфе в апреле 1840 года, обряд отпевания состоялся в Александро-Невской церкви, о чем сохранилась запись в Метрической книге.

В 1820-х годах на средства Елизаветы Степановны Аксаковой в замужестве Ерлыковой в селе Ерлыкове была построена каменная Покровская церковь, освященная в 1828 году. Удивительно, что помещица, не обладавшая большими средствами, возвела у себя в деревне не скромную сельскую, хотя и каменную церковь, а огромный двухколокольный храм.

Описание этого храма приводит историк Уфимской епархии Павел Егоров.

«Архитектурным прообразом храму послужил собор С.-Петербургской Александро-Невской лавры. Огромный кирпичный двухколокольный храм во имя Покрова Божией Матери был возведён в с. Ерлыкове в 1820-е гг. Создавался по заказу помещицы Е.С. Ерлыковой, владевшей селом. К 1828 г. храм был закончен и освящён.

Покровский храм был уникальным памятником архитектуры не только для Белебеевского уезда, но и всей Уфимской губернии. Его классическая архитектура, столь необычная для сельской церкви, вызывала восхищение современников. Следует отметить, что из более 700 храмов епархии, похожего стиля о двух колокольнях, была лишь Иоанно-Предтеченская церковь в Катав-Ивановском заводе.

При строительстве церкви был заложен крепкий трёхметровой глубины фундамент, выше – цоколь из плотно подогнанных блоков тёсаного камня. Церковь имела две 4-хугольные башни-колокольни: северную и южную, двухъярусные башни закрывались плоскими куполами с позолоченными крестами на шпилях. Внутри башен было тихо и просторно. Слева в южной поднималась многоступенчатая каменная лестница на колокольню. Звон колокола усиливался за счёт акустики на верхней части башни и был слышен не только жителям села, но и близлежащей округи. Справа в южной башне была устроена узкая келия с каменной лежанкой и малым окном в толстой стене, в противоположной стене была невысокая, но широкая дверь – вход в церковь.

Само здание церкви с большим куполом казалось лишь встроенным в единый ансамбль башен и выступало от них на восток с парадными входами с обеих сторон.

Парадные двери главного входа были защищены сверху выступающим высоким портиком с двускатной крышей, четыре круглого сечения колонны из тёсаного кирпича опирались на широкие базы у ступенчатых площадок каменного крыльца. Остальные двери храма были так же высокими, двухстворчатыми. Узкие высокие окна были устроены из квадратных мелких рамок с цветными стёклами. Весь храм был обит толстыми листами железа, закреплёнными кованными кузнечными гвоздями и покрашенными в зелёный цвет.

Храм-великан был воздвигнут на центральной улице села на небольшом возвышении на правом высоком берегу родниковой речки Сарафанки. Вокруг церкви была поставлена прочная ограда из кирпичных тумб с фигурным штакетником. В ограде росли вековые вязы.

Внутреннее убранство церкви было не менее захватывающим. Все полы были выложены большими плитами шлифованного камня, подогнанными друг к другу с филигранной точностью. Высокий свод разрисован разноцветными фресками с библейскими картинами. Простенки между окнами увешаны иконами с ликами святых в позолоченных киотах. Удивительный резной иконостас был исполнен столичными мастерами.

Покровский храм села Ерлыкова. Разрушен в 1987 году

В церкви была бесценная библиотека старинных книг, исполненных красивыми каллиграфическими почерками на тонко выделанной коже с медными и железными обложенками и медно-бронзовыми инкрустациями. При церкви была открыта церковно-приходская школа и действовал церковный хор, местные жители могли получать четырёхклассное образование и изучать нотную грамоту.

Среди деревенских соломенных и плетнёвых лачужек церковь представляла собой неповторимое чудо, вызывала восхищение и духовное величие Божьего творения.

Закрыта церковь была в последнюю волну – около 1936-37 гг. Бесценные иконы, утварь и архивы пропали. Храм остался бесхозным, имущество начали растаскивать, листы железа срывать. С крыши сняли железо, и кирпичный свод купола залило дождями, он промок, а когда ударили морозы, лопнул пополам.

Сохранилась единственная фотография церкви 1942 г. исполнения, т.е. перед приспособлением её под сушильный карто-

фельный завод для нужд фронта: Миякинский райсовет принял решение создать в здании церкви сушильный завод. В начале 1942 г. начали разбирать башни церкви и кирпичные столбы ограды, чтобы использовать кирпич для постройки печей и складов. Но затея оказалась безрезультатной. Кирпич был уложен так крепко, что взять его можно было только раздробив на щебень».

Сегодня село Ерлыково находится в нескольких километрах от районного центра Киргиз-Мияки. В селе имеются неполная средняя школа, зерноток, сельский клуб.

ДОРОГА ИЗ УФЫ В АКСАКОВО (Оренбургское)

Восстановить путь, которым Аксаковы ездили из Уфы в оренбургское Аксаково, попытались еще легендарные уфимские аксаковеды Г.Ф. и З.И. Гудковы. По повестям писателя они проследили старую дорогу от Уфы до Надеждино.

«Переехав через Белую на пароме на Оренбургской переправе и «*отъехав верст пятнадцать, остановились кормить лошадей в какой-то русской деревушке, которую я очень мало помню».* Русская деревушка – это деревня Зубовка, расположенная по правую сторону от Оренбургского тракта, где от последнего отходила дорога на запад. Деревня Зубовка принадлежала деду писателя – Николаю Семеновичу Зубову.

Далее С.Т. Аксаков пишет: «*Ночевать мы должны были в татарской деревне, но вечер был так хорош, что матери моей захотелось остановиться в поле; и так у самой околицы своротили мы немного в сторону и расположились на крутом берегу маленькой речки… место было необыкновенно сухо, никаких болот, и даже лесу не находилось поблизости, потому что началась уже башкирская степь».* Татарская деревня на берегу речки – это, по-видимому, деревня Ибрагимово Чишминского района, расположенная на речке Кизяк, левом притоке реки Уршак.

«*На следующий день … проснулся, когда мы уже проехали половину степи, которую нам надобно перебить поперек и проехать сорок верст, не встретив жилья человеческого».* В XIX веке на этом безлюдном участки пути возникло несколько деревень: Теперишево и Казангулово.

«*Мы остановились и все вышли из кареты, чтоб переладить в ней ночное устройство на денное. Степь, то есть безлесная и волнообразная бесконечная равнина, окружила нас со всех сторон; кое-где виднелись деревья и синелось что-то вдали; отец мой сказал, что там течет Дёма и что это синеется ее гористая сторона, покрытая лесом».*

После остановки «*…стал смотреть в окно, пристально следя за синеющею в стороне далью, которая как будто сближалась с нами и шла пересечь нашу дорогу; которая начала неприметно склоняться под изволок, и кучер Трофим, тряхнув вожжами, весело крикнул: «Эх вы, милые, пошевеливайтесь! Недалеко до Дёмы!»… И добрые кони наши побежали крупною рысью. Уже обозначилась зеленеющая долина, по которой текла река, ведя за собою густую, также зеленую урему… Вот уже открылась и река, и множество озер, и прежнее русло Дёмы, по которому она текла некогда, которое тянулось длинным рукавом и называлось Старицей. Спуск в широкую зеленую долину был крут и косогорист».*

Судя по расстоянию от деревни Ибрагимово и по описанию старицы и спуска к реке, переправа через Дему состоялась у того места, где ныне стоит город Давлеканово.

Дальнейший путь проходил, примерно, параллельно нынешней железной дороге от города Давлеканово до станции Аксаково, несколько севернее её. «*Кучер Трофим, наклонясь к переднему окну, сказал моему отцу, …не прикажет ли он заехать для ночёвки в чувашскую деревню, мимо околицы которой мы будем проезжать».* Упоминаемая автором безымянная чувашская деревня, в которой была последняя перед Надеждино ночевка, –

это деревня Слакбаш Белебеевского района. «*Мы не доехали до Парашина пятнадцать верст».* Так описывает свой маршрут С.Т. Аксаков».

КАЛИНОВКА

В двух километрах от села Казангулово по дороге на Давлеканово находится деревня Калиновка. Деревня образовалась после революции и жили в ней переселенцы-украинцы.

Деревня Калиновка известна с начала XX в. По архивным данным, «в 1917 г. здесь было 92 украинца, имеющих 14 дворов. В 2 дворах учтено 14 русских крестьян, имеющих 15 десятин посева. Украинцам принадлежало 144 десятины посева. В 1920 г. взято на учет 118 украинцев при 19 дворах».

Аксаковская заимка в деревне Калиновка Давлекановского района РБ

Эта деревня не упоминается Гудковыми, но её расположение и окрестности как раз и являются той «широкой зелёной долиной» со старым руслом Дёмы, тянущимся «длинными рукавами». Это место полюбилось охотникам за болотистые места и небольшие перелески, полные дичи и мелкого зверья.

Сегодня здесь располагается охотничье хозяйство спортивно-охотничьего клуба «Рада», которым руководит В.В. Аброщенко, уроженец этих мест. Вячеслав Васильевич – член Попечительского совета Аксаковского фонда и многое делает для популяризации имени и творчества писателя. По его инициативе совместно с фондом ежегодно устраиваются зимние пробеги на снегоходах и летние автопробеги по аксаковским местам Поволжья.

В июле 2013 года в одном из домиков охотничьего хозяйства была открыта «Аксаковская заимка», в экспозиции которой представлены старинные карты этих мест, охотничьи книги С.Т. Аксакова, схема маршрута из Уфы в Белебей.

Дорога из Белебея до оренбургского Аксаково описана Аксаковым более подробно. На этом пути в его повестях упоминаются два населённых пункта: «строящаяся русская деревня» и деревня Ик-Кармалы.

ИЛЬИНСКОЕ (Рябаш)

«Переезд опять был огромный, с лишком сорок верст. Сначала, верстах в десяти от Парашина, мы проехали через какую-то вновь селившуюся русскую деревню…»

В девяти верстах от Надеждина на пути в оренбургские имения находилась деревня Ильинская (Рябаш).

Она принадлежала Прасковье Ермолаевне Осокиной (1794-1842). Как установила Я.С. Свице по приходским документам Надеждинской церкви 1821-1826 гг., ей принадлежало в селе Ильинском 548 душ крепостных. По данным восьмой ревизии 1834 года, у неё уже числилось 680 душ в селе Ильинском и 64 души в селе Максютовке.

Но основал деревню Ильинскую, скорее всего, её тесть – крупный заводовладелец Пётр Иванович Осокин (1745-1808). Он был единственным продолжателем дела братьев Осокиных, которые еще в 20-е гг. XVIII века варили соль на реке Усолке, а затем в 30-х годах строили медеплавильные заводы на Урале. Интересно, что братья Осокины, уже будучи крупными промышленниками и владельцами собственных крестьян, всё ещё оставались в крестьянском сословии.

Пётр Иванович оказался достойным продолжателем горнрозаводского дела. Он активно скупал земли и строил новые заводы. Как пишут о нём Гудковы в истории южноуральских гор-

ных заводов, «ни один из промышленников России в конце XVIII века не владел, как И. П. Осокин, единолично одиннадцатью горными заводами, из которых семь медеплавильных».

Ивану Петровичу Осокину удалось получить дворянство. В 1784 году он был уволен в отставку в чине подполковника.

Интересно, что Осокин не был лишён культурных и литературных интересов. Он любил поэзию, имел страсть к чтению, был знаком с В. К. Тредиаковским, И. И. Дмитриевым, Г. Р. Державиным, которому даже помогал материально, когда тот ещё не был известен как поэт. Дом П.И. Осокина в Петербурге был местом встреч писателей и поэтов северной столицы.

В конце 1790-х годов он имел огромные долги и продал пять заводов. Умер И.П.Осокин в 1808 году. У него было два сына Петр и Гаврила. Женой Петра и была владелица села Ильинское П.Е. Осокина (1794-1842).

Судьба Прасковьи Ермолаевны в чем-то напоминает историю первого замужества сестры писателя – Надежды Тимофеевны Аксаковой. Родилась она в Казани в семье генерала Ермолая Ивановича Великопольского и Надежды Сергеевны, урожденной княжны Болховской. Выйдя замуж за коллежского асессора Петра Ивановича Осокина, она рано овдовела: муж умер до 1811 г.

Прасковье Ермолаевне как вдове достались в наследство Ильинское с крестьянами. А владельцем трёх заводов (Усень-Ивановского и Нижне- и Верхне-Троицких) был гвардии прапорщик Гаврила Иванович Осокин, брат её мужа. В 1830-ые годы эти заводы были проданы Дмитрию Егоровичу Бенардаки.

Интересно, что в истории семьи Аксаковых не раз встречаются пересечения с Прасковьей Ермолаевной и её родственниками. Так, отчим П.Е. Осокиной Алексей Федорович Моисеев (1755-1833), по данным исследователя из Оренбурга В.Семёнова, в 1783 году служил коллежским асессором в счетной палате Уфимского наместничества, а в 1791-1792 уже надворным совет-

ником в наместническом правлении Уфимского наместника генерал-майора А.А. Пеутлига. В 1793 году А.Ф. Моисеев состоял в верхнем земском суде Уфимского наместничества в чине надворного советника. В эти же годы там служил и отец С.Т. Аксакова.

С родным братом Прасковьи Ермолаевны – Иваном Ермолаевичем Великопольским (1798-1868) был хорошо знаком сам Сергей Тимофеевич. Иван Ермолаевич также окончил Казанский университет только чуть позднее. Но более всего их сближали литературные и театральные увлечения и общий круг знакомых. В 20–40-х годах XIX века Великопольский, несмотря на военную службу, был достаточно известным стихотворцем и драматургом. Писал он под псевдонимом Ивельев. У Сергея Тимофеевича встречается упоминание о встрече с Великопольским на страницах «Истории моего знакомства с Н.В. Гоголем»: «*В 1835 году дошли до нас слухи из Петербурга, что Гоголь написал комедию «Ревизор»… Ни с чем нельзя сравнить нашего нетерпения прочесть «Ревизора», который как-то долго не присылался в Москву. Я прочел его в первый раз самым оригинальным образом. Однажды, поздно заигравшись в английском клубе, я выходил из него вместе с Великопольским. В это время швейцар подал мне записку из дому: меня уведомляли, что какой-то проезжий полковник привез Ф. Н. Глинке печатный экземпляр «Ревизора» и оставил у него до шести часов утра; что Глинка прислал экземпляр нам и что все ожидают меня, чтобы слушать «Ревизора». Сгоряча я сказал об этом Великопольскому и не мог уже отказать ему в позволении услышать «Ревизора», и мы поскакали домой».*

Щедрый по натуре человек, И.В. Великопольский часто помогал материально многим русским литераторам. Известно, что он поддерживал в средствах В.Г. Белинского. С.Т. Аксаков приводит случай, когда Великопольский откликнулся на помощь Гоголю: «*…В начале 1838-го года распространились по Москве слухи, что Гоголь отчаянно болен в Италии и даже посажен за*

долги в тюрьму. Разумеется, последнее было совершенная ложь… Во всей Москве переписывался с ним один Погодин; он получил, наконец, письмо от Гоголя, уведомлявшее об его болезни и трудных денежных обстоятельствах… Мы решились ему помочь, но под большим секретом: я, Погодин, Баратынский и <Н. Ф.> Павлов сложились по 250 р., и 1000 р. предложил сам, по сердцу весьма добрый человек, И. Е. Великопольский , которому я только намекнул о положении Гоголя и о нашем намерении».

С Великопольскими Аксаковы были людьми одного круга. Из писем Ивана Аксакова известно, что в Абрамцево с известным итальянским импровизатором приезжала жена Великопольского – Софья Матвеевна. Она же подарила Константину Сергеевичу Аксакову «Подлинную грамоту Царя Ивана и Петра и царевны Софьи Сергею Федоровичу Аксакову на владение землями в Старицком уезде Тверского наместничества».

У И.Е. Великопольского были непростые отношения с Александром Сергеевичем Пушкиным. Они оба были неудачные игроки и по этому поводу написали друг на друга не по одной достаточно колкой эпиграмме. Это не помешало Пушкину в одном из писем к Великопольскому назвать их отношения «дружеством». А Надежда Осиповна, мать Пушкина, подарила на свадьбу И.Е. Великопольского с дочерью выдающегося русского терапевта, лечившего всю семью Пуш-

кинских, М.Я. Мудрова миниатюру с изображением маленького Пушкина.

После выхода в отставку И.Е. Великопольский сделался настоящим помещиком. По воспоминаниям дочери, «он устроил школу для ребят и больницу для крестьян; для этого он перестроил... кирпичные кормовые сараи в новые помещения; устроил кирпичный завод. Крестьянами занялся усердно, строго наблюдал за их хозяйством, камнем из Чукавинских каменоломен выложил им под дома высокие фундаменты и поставил на них светлые избы в три окна... Так, будучи в деревне, отец мой занимался своим хозяйством, проводя часть ночей за своими любимыми занятиями - литературными...».

Портрет И.Е. Великопольского в черновой рукописи «Тазита» А.Пушкина

В 1842 г. И.Е.Великопольский изобрел новый способ обработки льна и старался ввести его в употребление; по этому поводу он написал ряд брошюр. Об этом факте встречается упоминание в письмах Ивана Аксакова к родителям: «Писал ли я вам, что на днях встретил я Ивана Ермолаевича, который мне чрезвычайно обрадовался. Можете себе представить, что ведь он действительно сделал новое открытие для разработки полотна, открытие, подтвержденное опытами назначенного для того особого комитета. Государь велел ему выдать 15 тысяч рублей серебром, предоставляя ему полную привилегию продавать и вводить свое изобретение».

Для выработки тонкого льняного полотна Великопольский построил ткацкую мастерскую, оснастив ее станками собственной конструкции. Просвещенный хозяин завел в Чукавине сельскохозяйственную школу, больницу, отправлял способных крестьянских детей учиться в Казанский университет. Примечательно, что хозяйская жилка Великопольского не совсем сочеталась с его природной щедростью: к концу жизни он разорился и умер в бедности.

Сводная сестра Прасковьи Ермолаевны Осокиной – Варвара Алексеевна Моисеева была женой великого математика профессора и ректора Казанского университета Н.И. Лобачевского, однокашника С.Т. Аксакова.

Был ли знаком Сергей Тимофеевич с самой Прасковьей Ермолаевной пока неизвестно, но именно в те годы, когда Аксаковы жили в Надеждино, П.Е.Осокина начинает строительство каменного храма в селе Ильинском. Он был освящен в 1827 году во имя Пророка Илии.

Описание этого храма даёт историк уфимской епархии П.Егоров: «Здание выдержано в духе классицизма. Его создатели позаимствовали многие черты церкви села Надеждино, расположенной в десяти километрах. Однако здесь схема надеждинской церкви была дополнена южным приделом трапезной и вторым ярусом храма. В отличие от прототипа, в с. Рябаше лучше сохранилась и колокольня, и завершение храма.

Оба памятника сближает некоторая статичность форм, приземистость основных объемов. Особенно перегруженным выглядит нижний ярус колокольни: из-за небольшой высоты он кажется словно бы вдавленным в землю тяжестью верхних ярусов.

Похоже, в зимнее время службы происходили лишь в приделе в честь Рождества Христова, ибо только он упоминается в документах как теплый. Известно также, что участок церкви был обнесен полукаменной оградой».

Неизвестно, приезжала ли сама помещица в Ильинское, но ежегодно она посылала на нужды храма сто рублей ассигнациями и сто четвертей хлеба. Умерла П.Е. Осокина в Санкт-Петербурге и похоронена на кладбище Свято-Троицкой Александро-Невской лавры, где сохранилось её надгробие.

Приход Ильинского храма был одним из самых значительных в волости. Он состоял из села и тринадцати деревень – всего «четыре тысячи душ обоего пола». Священники многое делали для просвещения населения, учили грамоте. В 1849 году

настоятелем Ильинского храма стал соборный протоиерей Василий Никанорович Сперанский. Этот замечательный человек много сделал для развития народного образования в Белебее и Стерлитамаке. Он организовал первую инородческую школу, содержавшуюся на его средства, перевел на марийский язык Евангелие.

К лику святых был причислен преподобномученик иеромонах Максим (Попов), священник Ильинского храма села Рябаш, служивший в храме до его закрытия в 1931 году. В годы хрущевских сельскохозяйственных проектов вместе с сотнями других «неперспективных» исчезло село Ильинское-Рябаш и часть близлежащих деревень. Храм постепенно разрушался.

В 2005 году он был передан в качестве подворья женскому монастырю в честь святых Царственных Страстотерпцев. Силами добрых людей и трудом и молитвами нескольких монахинь храм восстанавливается. Неподалеку от храма находится святой Ильинский источник, на который приезжают поломники за излечением.

БОГИНСКАЯ (Баженово)

По пути из Белебея в двадцати верстах от Надеждино, по клировым ведомостям Димитриевского храма, находилась также строящаяся в то время деревня Богинская. Она принадлежала Григорию Павловичу Богинскому, по всей видимости, переселившемуся в Оренбургскую губернию в конце XVIII века, так как его род внесён в родословную книгу дворянства Оренбургской губернии в период с 1800 по 1818 г. В 1790-е годы он служил в Уфе губернским прокурором. В это же время в Верхнем земском суде служил и отец писателя Тимофей Степанович Аксаков, и его крёстный – Дмитрий Борисович Мертваго. Переселившись в Уфу, Богинский стал покупать землю и основал несколько деревень в Белебеевском уезде: Богинскую, Григорьевку, Ивановку. В 1822 году 62-летний Г.П. Богинский выходит в отставку в чине

надворного советника. Он сам и семья его племянника, жившая вместе с ним в Богинской входили в круг знакомых Аксаковых времён их жизни в селе Надеждино. Все они были прихожанами Димитриевского храма. Г.П. Богинский не раз встречается в списках жертвователей на храм.

ИК-КАРМАЛЫ (Нижние Карамалы)

«… а потом …не было никакого селении, и дорога шла по ровному редколесью; кругом виднелись прекрасные рощи, потом стали попадаться небольшие пригорки, а с правой стороны потянулась непрерывная цепь высоких и скалистых гор, иногда покрытых лесом, а иногда совершенно голых. Спускаясь с пологого ската, ведущего к реке Ик, надобно было проезжать мимо чувашско-мордовской и частью татарской деревни, называющейся Ик-Кармала, потому что она раскинулась по пригоркам речки Кармалки, впадающей в Ик, в полуторе версте от деревни».

В «Детских годах Багрова-внука» указана только одна деревня на пути от Надеждина, в которой семья Аксаковых останавливалась на ночлег, – это Ик-Кармалы, названная так, потому что стояла в том месте, где речка Кармалка впадала в Ик.

Ночёвка в Ик-Кармалах не прошла для маленького Серёжи спокойно. Эту историю в «Детских года Багрова-внука» можно назвать одним из самых трогательных рассказов о душевной привязанности ребёнка к родителям.

«*Мы остановились возле околицы, чтоб послать в Кармалу для закупки овса и съестных припасов, которые люди наши должны были привезти нам на ночевку, назначенную на берегу реки Ик. Солнце стояло еще очень высоко; было так жарко, как среди лета. Вдруг мать начала говорить, что не лучше ли ночевать в Кармале, где воздух так сух, и что около Ика ночью непременно будет сыро. Я так и обмер. Отцу моему также было это неприятно, но он отвечал: «Как тебе угодно, матушка».*

Мать высунулась из окна, посмотрела на рассеянные чувашские избы и, указав рукою на один двор, стоявший отдельно от прочих и заключавший внутри себя небольшой холм, сказала: «Вот где я желала бы остановиться». Препятствий никаких не было. Богатый чувашенин охотно пустил нас на ночлег, потому что мы не требовали себе избы, и мы спокойно въехали на огромный, еще зеленый двор и поставили карету, по желанию матери, на самом верху холма или пригорка. Вид оттуда был очень хорош на всю живописную окрестность речки Кармалки и зеленую урему Ика, текущего в долине. Но мне было не до прекрасных видов! Все мои мечты поудить вечером, когда, по словам отца, так хорошо клюет рыба на такой реке, которая не хуже Дёмы, разлетелись как дым, и я стоял, точно приговоренный к какому-нибудь наказанию. Вдруг голос отца вывел меня из отчаянного положения. «Сережа,– сказал он,– я попрошу у хозяина лошадь и роспуски, и он довезет нас с тобой до Ика. Мы там поудим. Как только солнце станет садиться, я пришлю тебя с Ефремом. А сам я ворочусь, когда уж будет темно. Просись у матери», – прибавил он, смотря с улыбкой в глаза моей матери. Я не говорил ни слова, но когда мать взглянула на меня, то прочла все на моем лице. Она почувствовала невозможность лишить меня этого счастия и с досадой сказала отцу: «Как тебе не стыдно взманить ребенка? Ведь он опять так же взволнуется, как на Дёме!» Тут я получил употребление языка и принялся горячо уверять, что буду совершенно спокоен; мать с большим неудовольствием сказала: «Ступай, но чтоб до заката солнца ты был здесь». Так неохотно данное позволение облило меня холодной водой. Я хотел было сказать, что не хочу ехать, но язык не поворотился.

Через несколько минут все было готово: лошадь, удочки и червяки, и мы отправились на Ик. Впоследствии я нашел, что Ик ничем не хуже Дёмы; но тогда я не в состоянии был им восхищаться: мысль, что мать отпустила меня против своего желания, что она недовольна, беспокоится обо мне, что я отпущен на

короткое время, что сейчас надо возвращаться – совершенно закрыла мою душу от сладких впечатлений великолепной природы и уже зародившейся во мне охоты, но место, куда мы приехали, было поистине очаровательно! Сажен за двести повыше Ик разделялся на два рукава, или протока, которые текли в весьма близком расстоянии друг от друга. Разделенная вода была уже не так глубока, и на обоих протоках находились высокие мосты на сваях; один проток был глубже и тише, а другой – мельче и быстрее. Такая же чудесная урема, как и на Дёме, росла по берегам Ика. Протоки устремлялись в глубь ее и исчезали в густой чаще деревьев и кустов. Далее, по обеим сторонам Ика, протекавшего до сих пор по широкой и открытой долине, подступали горы, то лесистые, то голые и каменистые, как будто готовые принять реку в свое владенье.

Отец мой выбрал Место для уженья, и они оба с Евсеичем скоро принялись за дело. Мне также дали удочку и насадили крючок уже не хлебом, а червяком, и я немедленно поймал небольшого окуня; удочку оправили, закинули и дали мне держать удилище, но мне сделалось так грустно, что я положил его и стал просить отца, чтоб он отправил меня с Евсеичем к матери. Отец удивился, говорил, что еще рано, что солнышко еще целый час не сядет, но я продолжал проситься и начинал уже плакать. Отец, мой очень не любил и даже боялся слез и потому приказал Евсеичу отвезти меня домой, а самому поскорее воротиться, чтобы вечер поудить вместе.

Мое скорое возвращение удивило, даже испугало мать. «Что с тобой, – вскрикнула она,– здоров ли ты?». Я отвечал, что совершенно здоров, но что мне не захотелось удить. По нетвердому моему голосу, по глазам, полным слез, она прочла все, что происходило в моем сердце. Она обняла меня, я мы оба заплакали. Мать хотела опять меня отправить удить к отцу, но я стал горячо просить не посылать меня, потому что желание остаться было вполне искренне. Мать почувствовала, что по-

слать меня было бы таким же насилием, как и непозволенье ехать, когда я просился.

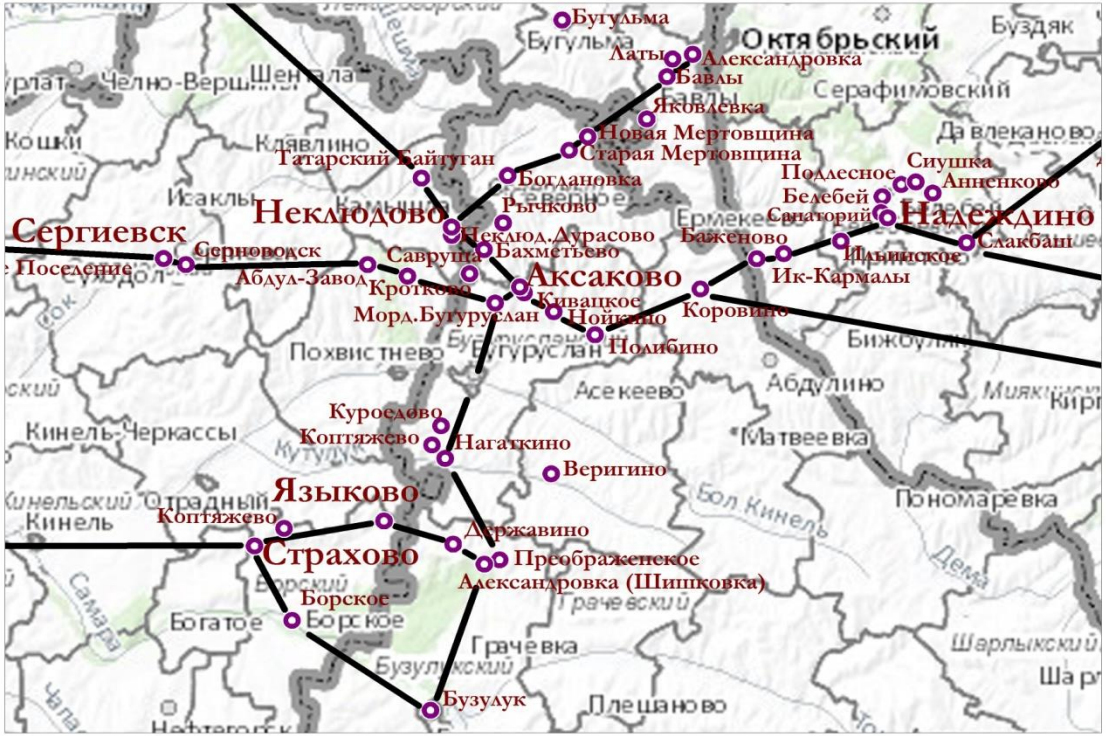
Евсеич бегом побежал к отцу, а я остался с матерью и сестрой; мне вдруг сделалось так легко, так весело, что, кажется, я еще и не испытывал такого удовольствия. После многих нежных слов, ласк и разговоров, позаботившись, чтоб хозяйские собаки были привязаны и заперты, мать приказала мне вместе с сестрицей побегать по двору. Мы обежали вокруг пригорка, на котором стояла наша карета, и нашли там такую диковинку, что я, запыхавшись, с радостным криком прибежал рассказать о ней матери.

Дело состояло в том, что с задней стороны, из средины пригорка, бил родник; чувашенин подставил колоду, и как все надворные строения были ниже родника, то он провел воду, во-первых, в летнюю кухню, во-вторых, в огромное корыто, или выдолбленную колоду, для мытья белья, и, в-третьих, в хлевы, куда загонялся на ночь скот и лошади. Все это привело меня в восхищенье, и обо всем я с жаром рассказал матери. Мать улыбалась и хвалила догадливость чувашенина, особенно выгодную потому, что речка была довольно далеко. В дополнение моего удовольствия мать позволила мне развести маленький костер огня у самой кареты, потому что наш двор был точно поле.

Великолепно опускалось солнце за темные Икские горы. Мы напились чаю, потом поужинали при свете моего костра. Отец еще не возвращался. Несколько раз мелькала у меня в голове мысль: что-то делается на берегу Ика? Как-то клюет там рыба? Но эти мысли не смущали моего радостного, светлого состояния души. Какой был вечер! Каким чудным светом озаряла нас постепенно угасающая заря! Как темнела понемногу вся окрестность! Вот уже и урема Ика скрылась в белом тумане росы, и мать сказала мне: «Видишь, Сережа, как там сыро,– хорошо, что мы не там ночуем». Отец все еще не возвращался, и мать хотела уже послать за ним, но только что мы улеглись в

карете, как подошел отец к окну и тихо сказал: «Вы еще не спите?» Мать попеняла ему, что он так долго не возвращался. Рыбы поймали мало, но отец выудил большого жереха, которого мне очень захотелось посмотреть. Евсеич принес пук горящей лучины, и я, не вылезая из кареты, полюбовался на эту славную рыбу. Отец перекрестил меня и сел ужинать. Еще несколько слов, несколько ласк от матери – и крепкий сон овладел мною.»

Следующей остановкой на их пути было «большое мордовское селение Коровино». Но это уже оренбургские земли.

КАРТА-СХЕМА АКСАКОВСКИХ МЕСТ В ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ И ПУТИ В СИМБИРСКИЕ ИМЕНИЯ

АКСАКОВСКИЕ МЕСТА ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

«Это обширный край, целое царство…»

«Оренбургская губерния по своему географическому положению и пространству, заключая в себе разные и даже противоположные климаты и природы, гранича к северу с Вятскою и Пермскою губерниями, где по зимам мерзнет ртуть, и на юге с Каспийским морем и Астраханскою губернию, где, как всем известно, растут на открытом воздухе самые нежные сорта винограда, – представляет полную возможность разнообразию явлений всех царств природы».

«В Оренбургской губернии, в уездах Уфимском, Стерлитамацком, Белебеевском, Бугульминском, Бугурусланском и Бузулуцком, степи совсем не таковы…(Последние три уезда отошли теперь ко вновь учреждённой Самарской губернии)».

Центром оренбургских маршрутов является село Аксаково, от него маршруты могут быть рассмотрены в трёх направлениях: южном, северном и восточном.

Южное направление*: Аксаково – Мордовский Бугуруслан – Бугуруслан – Новонагаткино – Державино – Александровка (Шишковка) – Преображенка – Бузулук.*

Северное*: Аксаково – Бахметьево (Октябрьское) – Рычково – Богдановка – Старая Мертовщина (Каменногорское.)*

Восточное*: Кивацкое – Нойкино – Полибино – Коровино.*

ОРЕНБУРГ

«Не имея полной достоверности к искусству уфимских докторов, мать решила ехать в Оренбург, чтобы посоветовать-

ся там с доктором Деобольтом, который славился во всем крае чудесными излечениями отчаянно больных».

Город основан в 1743 году крупным государственным деятелем И.И. Неплюевым. До сих пор нет достоверных источников о том, бывал ли в Оренбурге сам С.Т. Аксаков. Сюда на лечение приезжали его родители – Мария Николаевна и Тимофей Степанович, о чем упоминается в «Детских годах Багрова-внука».

С Оренбургом связаны годы службы Григория Сергеевича Аксакова: с июля по декабрь 1845 года он исправлял должность оренбургского губернского прокурора в чине коллежского асессора; с мая 1852 по июнь 1853 был Оренбургским вице-губернатором; с декабря 1858 по август 1859 состоял членом от Правительства в Оренбургском Дворянском комитете по устройству быта помещичьих крестьян; в июне 1861 его назначили Гражданским губернатором Оренбургской губернии, в должности которого он прослужил по январь 1867 года.

В конце XVIII века Оренбург, стоявший на пути из Европы в Азию, был крупным центром торговли. Богатая событиями история оренбургского края издавна привлекала внимание ученых, путешественников, писателей, художников. В Оренбурге бывали многие выдающиеся деятели культуры.

За две тысячи верст, осенью 1833 года, приезжал в оренбургские степи и А.С. Пушкин, чтобы собрать материалы для книг о Пугачеве. Останавливался поэт в загородном доме губернатора В.А. Перовского. Итогом оренбургской поездки Пушкина стали роман «Капитанская дочка» и историческое исследование «История Пугачева».

В Оренбурге прошло детство Гавриила Романовича Державина и Ивана Андреевича Крылова. Наиболее плодотворные годы своей жизни прожил в Оренбурге Владимир Иванович Даль. Здесь проездом побывал Василий Андреевич Жуковский. Сюда приезжал Алексей Константинович Толстой. Оренбург – родина известного поэта-революционера Михаила Ларионовича

Михайлова, дедушкой которого был крепостной Надежды Ивановны Куроедовой, выведенный С.Т. Аксаковым в повестях под именем Михайлушка.

В сентябре 1876 года в Оренбург приезжал Лев Николаевич Толстой. Он писал в одном из писем: «У меня давно бродит в голове план сочинения, местом действия которого должен быть Оренбургский край». От Оренбурга до Уфы совершил путешествие Глеб Иванович Успенский.

Большой познавательный интерес представляют материалы краеведческих музеев Оренбурга. В городе сохранено много старины и интересных историко-культурных объектов. Есть улица С.Т. Аксакова.

АКСАКОВО (Знаменское)

«Во все течение моей жизни я продолжал испытывать приближаясь к Аксакову подобные ощущения; но несколько лет тому назад, после двенадцатилетнего отсутствия, так же довольно рано подъезжал все к тому же Аксакову: сильно билось мое сердце от ожидания, я надеялся прежних радостных волнений! Я вызвал милое прошедшее, и рой воспоминаний окружил меня… но не весело, а болезненно и мучительно подействовали они на мою душу и мне стало невыразимо тяжело и грустно. Подобно волшебнику, который, вызвав духов, не умеет с ними сладить и не знает, куда от них деваться, – не знал я, как мне прогнать мои воспоминания, как успокоить нерадостное волнение. Старые меха не выдерживают молодого вина, и старое сердце не выносит молодых чувств... но тогда Боже мой, что было тогда!»

«Здесь, на берегах Бугуруслана, где раскинулись роскошные леса, луга, заросли, отлогие и крутые горы, непочатая степь с множеством зверей и птиц…прожил я большую половину своего века».

Аксаково располагается в живописном месте северной части Оренбургской области, в 35 километрах от Бугуруслана, неда-

леко от трассы Бугульма – Бузулук. Село было основано дедом писателя Степаном Михайловичем Аксаковым. В 60-е годы XVIII в. он купил у дворянина – бомбардира Николая Грязева по речке Большой Бугуруслан участок непаханой земли. Степан Михайлович поставил деревянный дом, заложил парк с липовой и сосновой аллеями, немногим позже построил мельницу и запрудил реку Бугуруслан. Новоселившуюся деревню назвал Знаменским, дав обет со временем построить церковь во имя Знамения Божьей Матери, празднуемого 27 ноября (10 декабря), что было исполнено уже его сыном в 1814 году. Но крестьяне, а за ними все окружные соседи, называли новую деревеньку Новым Аксаковым в память о Старом Аксакове, из которого были переведены.

По данным областного архива, в начале 70-х годов XVIII века в деревне было всего 10 дворов и 17 крестьян мужского пола. Она вытянулась с севера на юг по левому высокому берегу реки Большой Бугуруслан. Крестьянские избы смотрели на реку. Барский дом находился в центре сельской площади.

Обосновавшись на новом месте, Аксаковы увеличили имение. В 1785 году они купили землю вверх по реке Бугуруслан, называемую Кипчакской пустошью. Отец писателя перевел сюда своих крепостных из деревни Надеждино (близ города Белебея).

После смерти Степана Михайловича имение перешло к Тимофею Степановичу Аксакову (владел им с 1797 по 1832 годы), который заложил здесь каменную церковь во имя иконы Божьей Матери «Знамение». Церковь располагалась напротив барского дома на площади. Этот однокупольный каменный храм с трехъярусной колокольней украшал село и его окрестности. В 1822 году церковь была освящена, и село получило наименование – Знаменское.

Одно из последних описаний церкви, сделанное незадолго до ее закрытия в 1928 году, было обнаружено в Государственном архиве Самарской области: «Церковь каменная имеет вид корабля с колокольней, тремя наружными дверями, восемнадцать окон,

Усадебный дом в селе Аксаково, 1890 г.

одной нишей, крытая железом. Кресты на церкви и колокольне железные. Пол в алтаре и главном пределе чугунный, в боковых пределах асфальтовый, ограда каменная, шесть колоколов». Есть и другое описание: «Церковь вмещает до 1000 богомольцев. Здание каменное с таковою же колокольней. Прочная, на зиму теплая…Обнесена каменною оградой. Пределов в церкви три. Один во имя Знамения Божией Матери, второй во имя Сергия Радонежского (1824 год), третий в левом во имя Николая Чудотворца. Сторожки нет, имеется дом для священника».

В 1837 году, после смерти отца, во владение селом Ново-Аксаково (Знаменское) вступил брат писателя, Аркадий Тимофеевич. Он реконструировал усадьбу: нарастил несколько венцов и в дворовой части устроил антресоли, сделал новую металлическую кровлю, а со стороны двора два симметричных подъезда с двускатным металлическим покрытием. На месте крылечка со стороны парка была устроена беседка-ротонда.

С 1862 по 1871 год имение находилось в руках Николая Тимофеевича Аксакова, а потом перешло к племяннику писателя, Сергею Аркадьевичу, который умер в марте 1908 года. В Знаменском похоронены родители писателя: Тимофей Степанович и Мария Николаевна, урожденная Зубова.

В 2003 году на территории разрушенной Знаменской церкви производились археологические раскопки, которые должны были установить местонахождение храма и место родовой усыпальницы Аксаковых.

В результате научно-исследовательских работ обнаружили несколько захоронений; среди них погребение М.Н. Аксаковой. Проведенные работы не позволили в полном объеме определить границы некрополя и выявить все погребения, а также точные контуры фундамента здания церкви. В связи с этим раскопки должны быть продолжены, тогда станет возможным и благоустройство кладбища. В 2007 году на место захоронения были перенесены надгробные плиты с могил матери, отца и младшего брата писателя – Аркадия Тимофеевича, которые до того момента находились на территории усадьбы. В дальнейшем планируется восстановление аксаковской часовни на месте захоронения.

В селе находятся: усадебный парк со столетней липовой аллеей и несколькими старыми одиночными соснами; пруд, выкопанный еще при Степане Михайловиче; грачиная роща, доставлявшая столько радости малолетнему Серёже Аксакову; знаменитая Челяевская гора.

Удалось восстановить уникальный аксаковский парк с прудом и мельницей, привести в порядок усадебный дом. Он восстановлен на месте сохранившегося фундамента и был открыт в августе 1998 года; чтобы создать наибольший эффект присутствия, сделали его таким, каким он был при Аксаковых – одноэтажным. В нем две анфилады комнат, разделенные темным коридором. Здесь воссоздан патриархальный быт провинциальных помещиков; среди экспонатов бережно сохраняются подлинные аксаковские вещи. Перед домом хорошо сохранилась круглая акациевая аллея, где в аксаковскую бытность находилась беседка, обсаженная дикой виноградной лозой. В селе до сих пор живут потомки крепостных крестьян Аксаковых.

Недалеко от знаменитой Челяевской горы расположился аксаковский пруд. Сейчас он имеет несколько иные границы. Здесь, как и в аксаковские времена, гнездятся водоплавающие птицы. По сей день прилетают по весне на аксаковский пруд лебеди. В двух километрах от села возвышается Барский родник, утопая в зелени и деревьях. Оттуда возили на лошадях в больших бочках воду для хозяев. Сегодня, как и много лет назад, за чистой родниковой водой к нему ездят и жители, и гости села.

Много замечательных страниц в охотничьих книгах Аксакова связано с воспоминаниями об охотах и рыбной ловле в этих местах. Приведем только небольшое описание столетней щуки, выловленной в бугурусланском пруду во время охоты с острогами. С особым удовольствием описывает Сергей Тимофеевич этот «много поэтический» вид охоты. За добытой щукой пришлось почти всю ночь гоняться по пруду, зацепив её острогом. «*Щуку рассмотрел я подробно на другой день. Мерою она была с лишком полтора аршина без хвостового пера и очень толста. Всех удивляла необыкновенная ширина ее лба, на котором были расположены какие-то узоры серого цвета, казавшиеся выпуклыми и седыми. Рыбаки говорили, что она очень стара и что у ней лоб порос мохом; когда разевали ей пасть, то поистине страшно было смотреть на ее двойные острые зубы, крупные и мелкие; горло у ней было так широко, что она без всякого затруднения могла проглотить старую утку. Уже много лет замечали ее присутствие в нашем пруду, и, конечно, много утят, и диких и домашних, переглотала она на своем веку. К сожалению, эта редкая щука не была взвешена, и я не могу сказать определительно об ее тяжести, но, судя по сравнению со щукой в один пуд и пятнадцать фунтов, которую я видел несколько лет после, щука, убитая острогою, должна была весить около двух пуд».*

Дедушка «сделался истинным оракулом вновь заселяющегося уголка обширного Оренбургского края. Мало

того, что он помогал, он воспитывал нравственно своих соседей». История освоения северных областей Оренбургской губернии тесно связана с историей аксаковского рода. Вслед за Степаном Михайловичем Аксаковым здесь приобрели земли и другие помещики Симбирской губернии, переселив сюда крестьян и устроив усадьбы. Эти деревни упоминаются в его книгах. Обширные пространства от одного поселения до другого исходил и изъездил Сергей Тимофеевич, гоняясь то за тетеревами, то за куропатками. А множество рек и озерков манили разнообразной рыбой.

МОРДОВСКИЙ БУГУРУСЛАН

«Между тем вокруг шли уже горячие рассказы и даже споры между моими двоюродными тетушками, Кальпинской и Лупеневской, которая на этот раз гостила у своей сестрицы. С мельчайшими подробностями рассказывали они, как умирала, как томилась моя бедная бабушка; как понапрасну звала к себе своего сына; как на третий день, именно в день похорон, выпал такой снег, что не было возможности провезти тело покойницы в Неклюдово, где и могилка была для нее вырыта, и как принуждены были похоронить ее в Мордовском Бугуруслане, в семи верстах от Багрова».

О своей бабушке Ирине Васильевне Аксаковой (урождённой Неклюдовой) Аксаков всегда упоминал с теплом, вспоминая, что всем своим обликом она мало походила на его городских знакомых. Замечал Серёжа и то, что и в своей семье бабушка была на особом положении: *«Бабушка была женщина самая простая и находилась в полном распоряжении у своих дочерей; если иногда она осмеливалась хитрить с Степаном Михайловичем, то единственно по их наущению, что, по неуменью, редко проходило ей даром и что старик знал наизусть; он знал и то, что дочери готовы обмануть его при всяком удобном случае, и только от скуки или для сохранения собственного покоя, разумеется, будучи в*

хорошем расположении духа, позволял им думать, что они надувают его; при первой же вспышке все это высказывал им без пощады, в самых нецеремонных выражениях, а иногда и бивал, но дочери, как настоящие Евины внучки, не унывали: проходил час гнева, прояснялось лицо отца, и они сейчас принимались за свои хитрые планы и нередко успевали».

В «Детских годах Багрова-внука» описывается драматическая сцена приезда родителей с Серёжей их Чуфарово в Аксаково после смерти бабушки. Как убивался отец, что не застал её в живых. *«Боже мой, что сделалось с моим отцом!* – пишет Аксаков, – *Он всплеснул руками, тихо промолвил: «В Покров», – побледнел, весь задрожал и, конечно бы упал, если б Кальпинский не подхватил его и не посадил на стул». «Всю остальную дорогу я смотрел на лицо моего отца. На нем выражалась глубокая, неутешная скорбь, и я тут же подумал, что он более любил свою мать, чем отца; хотя он очень плакал при смерти дедушки, но такой печали у него на лице я не замечал».*

Могила бабушки С.Т. Аксакова – И. В. Аксаковой – в селе Мордовский Бугуруслан утрачена. По тексту повести можно предположить, что она похоронена около церкви. В настоящее время здание бывшей церкви перестроено под сельский магазин.

БУГУРУСЛАН

Не раз проезжал это селение маленький Серёжа Аксаков с родителями и уже зрелый Сергей Тимофеевич с сыновьями. Не случайно выбрал Степан Тимофеевич Аксаков для переселения именно земли недалеко от Бугуруслана.

В XVIII веке Бугуруслан входил в состав Уфимского наместничества. Плодородные почвы, рыбные реки, богатая зверем лесостепь, приемлемый для проживания климат, умеренное количество осадков, множество родников – все это располагало к заселению, привлекало дворян из других губерний. Тогда это был ещё не город, а слобода Бугуруслан. Она была известна как раз

тем, что «законодательно» предписывалось селить в ней беглых или, как тогда говорили, «гулящих людей».

В декабре 1796 года Бугуруслан вошел в состав вновь созданной Оренбургской губернии. Город рос медленно. В начале XIX века в Бугуруслане были: церковь, три казенных деревянных дома, винный подвал, соляной магазин, 11 лавок, 3 питейных заведения, 2 кузницы и 236 частных домов.

В «Экономических примечаниях за 1809 год» отмечалось: «Главный промысел бугурусланских купцов и мещан состоит в торговле разными шелковыми, бумажными и шерстяными товарами, а немалое число занимается хлебопашеством и скотоводством». В 1822 году на бугурусланцев обрушилась большая беда – город почти полностью был уничтожен сильным пожаром, и ему пришлось отстраиваться заново.

В настоящее время в городе сохранились образцы старинных построек и зданий. Он живописно расположился на холмистой местности. Интересен как познавательный туристический объект. В городе есть краеведческий музей, драматический театр.

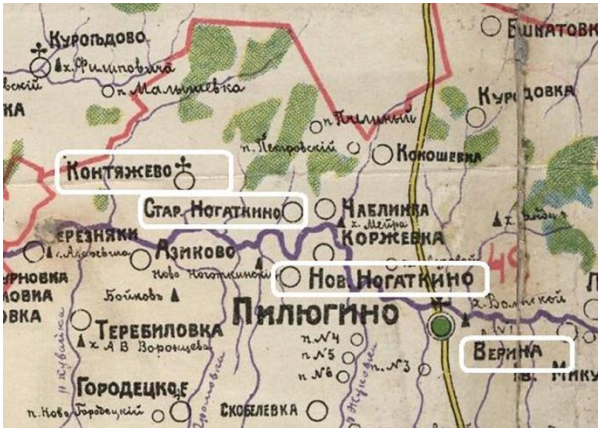
НАГАТКИНО

«Нашлась, однако, одна добрая душа, вдова Аксинья Степановна, по второму мужу Нагаткина, которая заступилась за Софью Николаевну; но на нее так прогневались, что выгнали вон из комнаты и окончательно исключили из семейного совета, и тут же получила она вдобавок к прежнему прозвищу «простоты сердечной» новое оскорбительное прозвище, которое и сохранилось при ней до глубокой старости; но добрая душа осталась, однако, навсегда благорасположенною к невестке и гонимою за то в семье.»

«До деревни Нагаткиной считалось 50 верст (через Бугуруслан). Для добрых багровских коней такое расстояние не требовало отдыха…»

«На другой день, точно в шесть часов утра, отправились молодые в Нагаткино… Дорога шла сначала вниз по реке, а потом, перерезав ее и поднявшись в гору, достигала уездного городка Бугуруслана. Не останавливаясь в нем, путешественники наши переехали по мосту реку Большой Кинель и луговою его стороною, ровною и покрытою густой травой, по степной, колеистой, летней дороге, не заезжая ни в одно селенье, побежали шибкой рысью, верст по десяти в час... Перевалив плоскую возвышенность, как раз к двенадцати часам подкатила карета к деревенскому небольшому дому Аксиньи Степановны, еще менее багровского похожему на городские дома. Дом стоял на плоском берегу Малого Кинеля и отделялся от него одним только огородом.»

«После обеда немного отдохнули, потом гуляли по Кинелю, перевозились на ту сторону, потом пили чай на берегу реки.»

Карта Бугурусланского уезда 1912 года

Вторая по старшинству из сестёр Тимофея Степановича Аксакова, любимая тётушка и крестная Серёжи, «сердечная простота», как называли её в семье, Аксинья Степановна Аксакова выходила замуж дважды: за Алексея Николаевича Коптяжева, после его смерти за Бориса Ананьевича Нагаткина. Овдовев во второй раз, Аксинья Степановна жила с детьми (у неё было трое детей от второго брака Николай, Василий и Ве-

ра) в своей деревеньке, находившейся в пятидесяти верстах к югу от Аксакова (Знаменского) на степной речке Кинель.

На карте Бугурусланского уезда 1912 года обозначены две деревни Нагаткино на разных берегах Кинеля – Старое Нагаткино и напротив него Новое Нагаткино. По V ревизии (1795 г.) в Бугурусланском уезде в деревне *Нагаткиной* майорше Аксинье Нагаткиной принадлежало 43 души. Малолетние дети майора Бориса Нагаткина Николай и Василий в этой деревне были владельцами 381 души крепостных крестьян.

По всей видимости, С.Т.Аксаков бывал в этих местах и в зрелые годы. В «Семейной хронике» приводится его комментарий: *«…Неравнодушно вспоминая и теперь эту простую, бедную местность, которую увидел я в первый раз лет десять позднее, я понимаю, что она нравилась Алексею Степанычу и что должна была не понравиться Софье Николавне. Место голое, пустое, на припеке, на плоском берегу; кругом ровная степь с сурчинами, ни деревца, ни кустика, река тихая, омутистая, обросшая камышом и палочником... Кому же все это понравится? Ничего казистого, великолепного, живописного; но Алексей Степаныч так любил это место, что даже предпочитал его Багрову. Я не согласен с ним, но также очень полюбил тихий домик на берегу Кинеля, его прозрачные воды, его движущиеся течением реки камыши, зеленую степь вокруг и плот, ходивший почти от самого крыльца и перевозивший через Кинель в еще более степную, ковылистую, казалось безграничную даль, прямо на юг!..»*

КОПТЯЖЕВО

Первым мужем Аксиньи Степановны Аксаковой был чиновник Оренбургской губернской канцелярии Алексей Коптяжев. Сохранились сведения, что две деревни в 60-х гг. XVIII века Коптяжево на Кутулуке (Самарская губерния) и Коптяжево на Кинеле (Оренбургской губернии), основал дядя мужа Лев Коптяжев. Как установила Я.Свице, «по V ревизии (1795 г.) в Бугурус-

ланском уезде в деревне *Коптяжевке (Кутулук тож)* майорше Аксинье Нагаткиной принадлежало 50 душ крепостных обоего пола». После смерти мужа Аксинья Степановна и её дети от второго брака очень долго вели судебные тяжбы по поводу этого наследства. Судя по тому, что в середине XIX века деревню Коптяжево на Кинеле населяли уже государственные крестьяне, судебное дело они не выиграли.

Самарский краевед Н.Плигин разыскал документы о строительстве в Коптяжево церкви во имя иконы Пресвятой Богородицы Казанской. Она была построена в 1849 г. на средства прихожан – жителей деревни, в основном, крестьян. О том, что церковь в деревне необходима, сообщали в духовную консисторию соседи-помещики. Так, сын Аксиньи Степановны – Николай Борисович Нагаткин писал: «Живу по соседству с деревней и знаю, что они живут на другой стороне реки Малый Кинельчик, и во время Пасхи почти всегда бывает разлив реки и они, рискуя жизнью, переплывают на маленьких рыбачьих лодках, чтобы попасть на обедню в село Городецкое и это грозит им гибелью». Его племянник, предводитель Бугурусланского уездного дворянства Борис Иванович Куроедов, живший по соседству, предлагал крестьянам Коптяжево ходить в храм его села Куроедово. Это было также затруднительно. В августе 1848 года Синод утвердил прошение прихожан о строительстве церкви в деревни Коптяжево. Сохранилось описание этой церкви: «Церковь деревянного здания с таковой колокольней, на каменном фундаменте, покрыта листовым железом, кресты на церкви позолоченные, главы обиты белым железом, у здания шесть окон. Иконостас столярной работы, покрытый голубой краской с приличной резьбой вызолоченный двойным золотом».

В 1860 году иерей Ивановский открыл в селе училище, где учил закону Божиему, чтению, пению, чистописанию. Храм был центром духовного, нравственного просвещения многих поколений. В советское время храм частично разрушили, а на ста-

ром кладбище построили магазин, правление колхоза, по могилам прокопали траншею теплотрассы.

Почти через 160 лет, в июне 2012 года, вновь открылись двери храма

ВЕРИГИНО

«Рябая девица была Александра Ивановна Ковригина, двоюродная моя сестра, круглая сирота, с малых лет взятая на воспитание Прасковьей Ивановной; она находилась в должности главной исполнительницы приказаний бабушки, то есть хозяйки дома. Она очень радушно и ласково хлопотала о нашем помещении и очень скоро подружилась с моей матерью.

...Добрая Александра Ивановна долго оставалась с нами, и мы очень ее полюбили. Она с какой-то грустью расспрашивала меня подробно о Багрове, о бабушке и тетушках.

...Потом Александра Ивановна начала опять расспрашивать меня про нашу родную бабушку и про Багрово. Я подумал: "Ну что говорить о Багрове после Чурасова?" Но не так, видно, думала Александра Ивановна и продолжала меня расспрашивать обо всех безделицах. Потом она стала сама мне рассказывать про себя: как ее отец и мать жили в бедности, в нужде, и оба померли; как ее взял было к себе в Багрово покойный мой и ее родной дедушка Степан Михайлович, как приехала Прасковья Ивановна и увезла ее к себе в Чурасово и как живет она у ней вместо приемыша уже шестнадцать лет.»

В «Детских годах Багрова-внука» Аксаков изменил фамилию своей двоюродной сестры Александры Ивановны Вергиной на Ковригину. Она была дочерью рано умершей старшей сестры отца писателя Анны Степановны, которая была замужем за прапорщиком Иваном Тимофеевичем Веригиным.

С большим сочувствием Аксаков вспоминал добрую и умную, но очень некрасивую девушку «*с большим носом и совершенно рябым лицом»*, вынужденную жить у богатой и своенравной тётки, которую сколько не просили «*посторонние по-*

чтенные люди, чтоб она своей внучке-сиротке что-нибудь при жизни назначила, для того чтоб она могла жениха найти, Прасковья Ивановна и слышать не хотела и отвечала… что лучше век оставаться в девках, чем навязать себе на шею мужа, который из денег женился бы на ней, на рябой кукушке, да после и вымещал бы ей за это».

Но, возможно, Александра Ивановна всё-таки смогла устроить свою личную жизнь. После смерти Н.И. Куроедовой, она жила в своей деревеньке Тимофеевке недалеко от Чуфарово. Но, как установила Я.Свице по архивным документам, в Бугурусланском уезде находится деревня Веригино, которая имеет прямое отношение к аксаковскому роду. «Сохранилась запись в Окладной книге V ревизии, проводившейся в 1795 году по Бугурусланскому уезду, где среди прочих помещиков указана девица Александра Веригина, которая в деревне Веригино была владелицей 37 душ крепостных обоего пола». Эта деревня находится неподалеку от деревень Нагаткино и Коптяжево. Возможно, что тётка, «добрая душа» Аксинья Степановна, подсобила своей сироте-племяннице в покупке деревни в Бугурусланском уезде, неподалёку от своего имения.

Интересный факт установила Янина Свице: «В период до следующей ревизии, проводившейся в 1811 г., была сделана приписка, что «оная (*Александра Веригина – прим.сост*.) в замужестве за майором Василием Филиповичевым». Филипповичи были старинным уфимским дворянским родом, происходившим из мензелинских шляхтичей. Майор Василий Филиппович по этой же V ревизии являлся владельцем двух имений в Бугурусланском уезде, находившихся при *д. Кислой (*27 душ) и при *д. Елшанке* (222 души крепостных). В ревизской сказке д. Кислой 1817 года (VII ревизия) указана малолетняя дочь Василия Петровича Филипповича – Глафира.

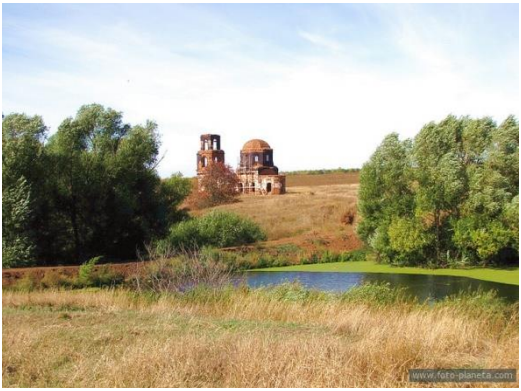
По всей видимости, дочь Александры Ивановны и Василия Петровича умерла в раннем возрасте, так как в 1849 году, как

указывает известный исследователь истории Симбирского края П.Л. Мартынов, она завещает своё имение Тимофеевку племяннице – Наталье Николаевне Нагаткиной.

КУРОЕДОВО

«Богатый сосед тетушки Аксиньи Степановны, сватавшийся к ее дочери, очень красивой девушке, но еще слишком молодой. Тетушка Аксинья Степановна была радехонька такому зятю, но по молодости невесты (ей было ровно пятнадцать лет) отложила совершение этого дела на год. Жених был большой охотник до голубей и, желая приласкаться к тетушкиным родным неожиданно сделал мне этот драгоценный подарок».

В «Детских годах Багрова-внука» С.Т. Аксаков упоминает о том, что, когда он увлёкся разведением голубей, ему неожиданный подарок – две пары мохноногих и двухохлых голубей – сделал поручик Иван Петрович Куроедов, жених дочери Аксиньи Степановны Нагаткиной Веры.

Место, где находилось село Куроедово. Троицкая церковь

По данным V ревизии (1795 г.) в Бугурусланском уезде в *селе Троицком (Куроедове тоже)* находилось его имение (602 душ крепостных обоего пола), а его жене Вере в этом же селе принадлежало 89 душ крестьян. В селе находилась Троицкая церковь, которая, по сведениям самарского краеведа Николая Плигина, первоначально была деревянной, а в 1806 году Иван Петрович Куроедов построил каменную. Скон-

чался он в 1814 году. У него были сыновья Петр, Борис, Василий и дочь Екатерина.

Известно, что Борис Иванович Куроедов в середине XIX века был предводителем дворянства Бугурусланского уезда. Екатерина Ивановна Куроедова вышла замуж за майора Михаила Ивановича Бунина. В те годы, когда С.Т. Аксаков жил с семьей в селе Надеждине, М.И. Бунин служил уездным судьей в городе Белебее. О своем родственнике, белебеевском уездном судье Бунине, С.Т. Аксаков упоминает в «Литературных и театральных воспоминаниях».

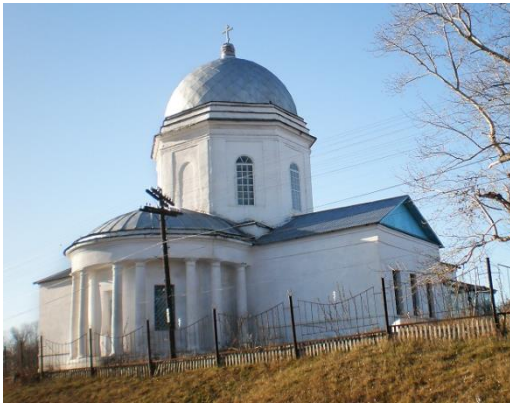
Ныне села Куроедова уже нет, остался один разрушающийся Троицкий храм. Около него находятся склепы с захоронениями помещиков.

ДЕРЖАВИНО

Село было основано в середине XVIII в. матерью поэта Фёклой Андреевной в самом верховье реки Кутулук, на землях, пожалованных её мужу – подполковнику Оренбургского Ландмилицкого полка Роману Николаевичу Державину за службу в Оренбурге. Первые жители села – 13 крепостных крестьян – были куплены матерью поэта в Поволжье и привезены сюда. Примерно в то же время были основаны небольшие деревни, названные по именам близких родственников: Романовка, Гавриловка, Екатериновка. Сам Державин бывал в этом селе наездами, но в Оренбургской губернии жил подолгу.

С Гавриилом Романовичем Державиным (1743-1816) С.Т. Аксаков познакомился в молодые годы, а в конце жизни написал увлекательные воспоминания об этом времени. Их знакомство состоялось в конце 1815 года в Санкт-Петербурге в доме поэта на Фонтанке. Аксаков робел и благоговел перед великим поэтом, а Державин был рад знакомству с молодым человеком, о котором ему рассказывали как о прекрасном актере и декламаторе. Интересно, что Державин посчитал Аксакова земляком*: «Вы оренбуржец и казанец, и я тоже; вы учились в казанской гимна-*

Державино. Фото С.В. Колычева, лето 2008 г.

зии сначала и потом перешли в университет, и я тоже учился в казанской гимназии, об этом университете никто не помышлял. Да мы с вами и соседи по оренбургским деревням; я обо всем расспросил братца вашего. Мое село, Державино, ведь с небольшим сто верст от имения вашего батюшки (сто верст считалось тогда соседством в Оренбургской губернии)…» Гаврила Романович подозвал к себе моего брата, приласкал его, потрепав по плечу, и сказал, что он прекрасный молодой человек, что он очень рад его дружбе с своими Капнистами (племянниками Г.Р. Державина)». С тех пор аксаковские декламации стихов и трагедий Державина «с листа» были столь часты и продолжительны, что домашние стали опасаться за здоровье пожилого поэта.

В селе сохранился уникальный памятник XVIII века – православный храм. В 1819 году в нем венчались Александр Шишков и Мария Булгакова – родители Софьи Александровны Шишковой, жены Григория Сергееича Аксакова.

Изучением истории храма занимается бузулукский краевед Сергей Викторович Колычев.

«После смерти супруга мать поэта выстроила там деревянную церковь во имя иконы Божией Матери «Смоленская». После обветшания деревянного храма Г.Р. Державин испросил в 1784 году у казанского архиерея благословение на строительство

каменного. Строительство началось летом того же года в центре села на крутом берегу р. Кутулук и продолжалось 12 лет. 20 октября 1796 года храм освящен во имя Смоленского образа Богородицы. Два боковых престола были освящены в честь вмц. Екатерины (правый) и во имя иконы Божией Матери «Знамение».

Автор проекта храма не установлен, но исследователи полагают, что в числе соавторов данного проекта мог выступить сам Г.Р. Державин, консультации которому давал знаменитый архитектор Н.А. Львов. Кроме того, исследователи выдвигают убедительную гипотезу о том, что храм воздвигнут «по обету» матери поэта перед образом Смоленской Божией Матери в благодарность за рождение сына. Сама Ф.А. Державина жертвовала средства на строительство.

Следует отметить еще целый ряд выдающихся фактов из истории церкви в селе Державино. Установлено, что проектированием иконостасов для храма занималась лично Е.Я. Державина – первая жена поэта. Более того, вероятно, она получила особое благословение на написание икон (в те годы женщины иконописью не занимались), и один из придельных (правый придел) иконостасов был убран её работами. Престол во имя св. вмц. Екатерины Г.Р. Державин устроил согласно русской благочестивой традиции в честь святой покровительницы своей первой супруги, раннюю смерть которой тяжело переживал. Достоверно определено, что образа (до десяти икон) в иконостасе главного алтаря написаны В.Л. Боровиковским – великим русским художником, академиком, автором широко известных портретов Екатерины II, Павла I, особ высшего света и самого Г.Р. Державина.

Управляющими оренбургских имений Державина были известные в крае личности: помещик П.И. Чичагов – большой друг родителей С.Т. Аксакова, персонаж «Детских годов Багрова-внука»; В.П. Рычков – младший сын известного исследователя Оренбургского края Петра Ивановича Рычкова, а также один из

родных братьев великого русского историка и писателя Н.М. Карамзина.

После смерти Г.Р. Державина его оренбургские деревни перешли в наследство его второй жене Дарье Державиной, а после ее кончины владельцами села и прилегающих деревень стали родственники Державина по материнской линии помещики Миллеры. Храм был обнесен каменной оградой, внутри которой сложился некрополь. В частности, там покоился прах Ф.Я. Шишкова, К.П. Миллера, княгини Мустафиной (урожденной Шишковой).

Ещё в XIX в. храм в селе Державино был признан в качестве особой достопримечательности Оренбургской губернии. В 1912 году «Общество защиты и охраны памятников искусства и старины» (председатель великий князь Николай Михайлович) обратилось к Самарскому губернатору Н. Протасову с ходатайством об оказании содействия по охране икон В.Л. Боровиковского от внешних воздействий. Необходимые меры были приняты. В то время храм был постоянно действующим.

После установления советской власти церковь закрыли окончательно, вероятно, в 1929 году. Иконы утрачены, колокольня и ограда разобраны практически до основания; кресты, надгробия и могильные холмы разорены. Здание использовалось под различные нужды. В 1989 году перед тем, как храм был открыт вновь, в нем располагался продовольственный магазин.

На сегодня храм частично сохранил основные элементы своей конструкции: алтарь, приделы, купол, трапезную, основание колокольни. В поврежденном виде сохранились дореволюционные фрески».

Существует драматическая история о невыполненном завещании Г.Р. Державина относительно его оренбургского имения. Её приводит О.Л. Кабачек в статье «Экскурсы в историческую психологию»: «Напомним историю с. Державино. Владелец села, великий поэт Г.Р. Державин, выросший в бедной дворян-

ской семье и испытавший нужду, сочувственно относился к простому люду и считал, что задача истинно государственного человека – быть «посредником между троном и народом». В 1804 году он вышел в отставку и написал завещание, где указал, чтобы «по смерти Дарьи Алексеевны (жены) все подвластные мне крестьяне на основе указа от 1803 года обращены были в свободные хлебопашцы». Но когда в 1842 году умерла Дарья Алексеевна, оказалось, что она переписала завещание в пользу племянника Миллера.

Державинские крестьяне с этим не согласились. Девятнадцать зачинщиков были наказаны плетьми, а одиннадцать сосланы в Сибирь. Во владение селом вступили три брата Миллера.

Крестьяне снова взбунтовались и послали в Санкт-Петербург ходоков: Ивана Петрова, Семена Ефремова и Иона Шильванова. 13 июля 1843 года они подали прошение на имя Николая I, в котором просили освободить их от власти Миллеров, ссылаясь на завещание Г.Р. Державина. Иван Петров, кроме этого, подал жалобу министру внутренних дел; но, как и следовало ожидать, жалоба была спущена Оренбургскому губернатору, который препроводил ее Бузулукскому предводителю дворянства. Тот лично прибыл в Державино и пришел к выводу, что «жалоба не обоснована». Тогда Семен Ефремов и Трофим Ермолаев обратились к губернскому прокурору, где напомнили суть жалованной грамоты Державина. И что же? По решению Бузулукского суда Ефремова и Ермолаева как зачинщиков заключили в тюрьму.

Однако все крестьяне-державинцы отказывались засевать барские земли. В течение июля 1849 года уже военная команда наводила порядок в селе Державино. А когда в 1851 году образовалась Самарская губерния, державинцы обратились в новую местную администрацию, но опять без пользы. Избавила крестьян от помещиков Миллеров лишь реформа 1861 года. Гражданское самосознание этих крестьян очевидно!».

История с завещанием ещё до конца не изучена историками. Предстоит сравнить несколько документов, чтобы с полной уверенностью говорить об этом факте.

Сейчас ведется большая работа по реставрации храма и включению села в экскурсионные маршруты.

АЛЕКСАНДРОВКА (Шишковка)

Имение принадлежало Федоровичу Яковлевичу Шишкову, который доводился дядей знаменитому государственному деятелю, адмиралу флота, министру народного образования писателю Александру Семеновичу Шишкову.

Село основано во второй половине XVIII века Ф.Я. Шишковым и первоначально называлось Шишковкой по его фамилии. С рождением в семье сына Александра стало называться в его честь Александровкой.

Коллежский советник Федор Яковлевич Шишков в 1775 году служил в экспедиции таможенных дел Казенной палаты Уфимского наместничества; в 1797-1800 годах был предводителем дворянства Бузулукского уезда. Вместе со своей женой Прасковьей Николаевной Зимнинской они владели имением Шишковка. Им же принадлежали село Языково (Самарская обл.) и село Зимниха, находившееся недалеко от Державина. Село Зимнинки (Зимниха) получило свое название по имени тестя Шишкова – Н.С. Зимнинского. Надо полагать, что помещичья усадьба всего рода Шишковых была в деревне Шишковка, где находился огромный по тем временам винокуренный завод. В конце XVIII века на нём производили 30 000 вёдер вина в год. По контракту с Уральской войсковой канцелярией вино поставлялось в уральский винный магазин. После смерти Ф.Я. Шишкова эти имения отошли его сыну – Александру Федоровичу, а опекуном над ним по его малолетству назначили Федора Михайловича Карамзина – младшего брата историка и писателя Н.М. Карамзина.

А.Ф. Шишков стал героем незаконченной повести С.Т. Аксакова «Наташа», в которой он выведен под именем Ардальона Семёновича Шатова, и описывается неудачное сватовство его к Наташе – Надежде Тимофеевне Аксаковой, сестре писателя.

Почти через десять лет Александр Федорович Шишков влюбился в восемнадцатилетнюю Марию Алексеевну Булгакову, дочь соседского помещика, и женился на ней. У них родились две дочери и четыре сына. Одна из дочерей – Софья – стала женой Григория Сергеевича Аксакова. Таким образом, Александр Федорович и Мария Александровна приходятся Ольге Григорьевне Аксаковой дедушкой и бабушкой.

Родился А.Ф. Шишков в 1787 году. В апреле 1805 поступил на службу в Департамент Министерства внутренних дел, а в феврале 1806 г. был определен в Оренбургскую губернию форштмейстером, где получил первый классный чин коллежского регистратора. В начале 1808 г. его перевели из Лесного департамента в канцелярию оренбургского военного губернатора. В конце того же года он уже губернский секретарь. К этому времени относится его неудачное сватовство к сестре С.Т. Аксакова – Надежде. В 1812 году Шишкова зачислили юнкером в лейб-гвардии Гусарский полк, а затем служил корнетом в Гродненском гусарском полку и вышел в отставку 6 декабря 1813 года. В 1831–1833 годах он был Бузулукским уездным предводителем дворянства. Умер в 1838 году. После его смерти Александровку (Шишковку) унаследовала его дочь – Нина (1819-1895), которая вышла замуж за барона Фердинанда Николаевича Корфа (1805-1869). Их дочь, Мария Фердинандовна Корф (1842-1926) – жена Дмитрия Николаевича Набокова, а их сын Владимир Дмитриевич Набоков – отец писателя Владимира Владимировича Набокова.

Александр Федорович Шишков является двоюродным братом известного писателя Александра Семёновича Шишкова. Пока не нашлись документальные свидетельства их встреч. В героическом 1812 году один был гусаром в боевых полках, а другой – на

должности государственного секретаря вместе с императором часто находился при армии. Вся Россия в те годы зачитывалась пламенными патриотическими воззваниями Шишкова-старшего.

Сергей Аксаков вскоре по приезде в Петербург после учёбы в Казанском университете лично познакомился с адмиралом и писателем А.С. Шишковым. Его сослуживцем оказался А.И. Казначеев – племянник Александра Семёновича. С замирающим сердцем шёл на первую встречу С. Аксаков, ведь Шишков был для него «каким-то высшим существом», чьими книгами он восторгался, по которым жил, «уверовав в каждое слово».

В 1853 году С.Т. Аксаков написал «Воспоминания об Александре Семёновиче Шишкове». В них он рассказал о нём как о человеке большого ума, бескорыстно любившем свое отечество, имевшим влияния на политическую жизнь страны, интересном писателе, ученом. Трогательно он описал первую встречу: «*Не спрашивая о хозяине, Казначеев ввел меня из прихожей в столовую и остановился у дверей кабинета, поглядел в замочную скважину и сказал: «Дядя тут; не пишет, а что-то читает; верно, ждет нас». Он хотел отворить дверь, но я удержал его, чтоб перевесть дух. Сердце билось у меня, как голубь в клетке, и дыхание стеснялось. Через минуту мы вошли. Кабинет был маленький, голубой, с двумя окошками в переулок; между ними помещался большой письменный стол, загроможденный книгами и бумагами; на окошках стояли банки с сухим киевским вареньем и конфектами, а на столе – большая стеклянная банка, почти наполненная доверху восковыми шарами и шариками. Вокруг на горках и на полу лежало много книг и тетрадей. Все было в пыли и беспорядке как называют и теперь порядок в кабинете ученого, серьезно занятого делом человека».*

«Александр Семёныч был в шелковом полосатом шлафроке с поясом, с голой шеей и грудью; на ногах у него были кожаные истасканные ичиги (спальные сапоги); он имел средний рост, сухощавое сложение, волосы седые с желтиной; лицо у него было

поразительно бледно; темно-карие небольшие глаза, очень живые, проницательные, воспламеняющиеся мгновенно, выглядывали из-под нависших бровей; общее выражение физиономии казалось сухо, холодно и серьезно, когда не было одушевлено улыбкой, – самой приятной и добродушной. Он не вдруг увидел нас, но увидев, положил книгу, встал и сказал мне: «Я рад, что вы встретились и подружились с Казначеевым. Вы оба русские люди, будете вместе служить и ходить ко мне, я стану толковать с вами и что-нибудь читать, и хорошее и худое.»

В 1836 году, за пять лет до смерти, Александр Семенович совсем ослеп. В это время у него открылся дар предвидения. Он и раньше предсказывал события, но относил это к стечению обстоятельств и никому об этом не говорил. А теперь стал записывать свои пророчества.

«*В одной рукописной книге, не помню, как она называется, – писал С.Т. Аксаков, – читал я предсказания А.С. Шишкова о будущей судьбе России, о всех ее революциях и безвыходных неустройствах, увы!!! Все исполняется, и исполняется с поразительной верностью! Он одиннадцать лет тому назад предсказал письменно, за год, одно важное событие, и оно исполнилось с поразительной точностью. Но ему мало кто верил, и в основном над ним смеялись, предполагая, что старик болен».*

На исходе 1840-го года С.Т. Аксаков последний раз видел А.С. Шишкова. Временами адмирал впадал в летаргический сон. Однажды он заснул и проспал несколько месяцев. Врачи наблюдали за ним и вдруг заметили, что он не дышит. Стали готовиться к похоронам. Засуетились, забегали, сообщили государю Николаю Павловичу. Сам государь приехал попрощаться с А.С. Шишковым. Но пока его встречали, Шишков проснулся, сел на постели, надел халат и чепец. Когда вошли в комнату и увидели его сидящим, многие попадали в обморок, а государь пожал ему руку и пожелал долго жить.

Но спустя несколько дней А.С. Шишков заснул и больше уже не просыпался. Умер он 9 (21) апреля 1841 года на восемьдесят седьмом году жизни. А.С. Пушкин после смерти А.С. Шишкова сделал под его бюстом, установленным в Российской Академии, следующую надпись:

Сей старец дорог нам: он блещет средь народа
Священной памятью двенадцатого года.

Сегодня бузулукская Александровка малочисленна, но живописные окрестности села привлекают сюда любителей природы. Расположена она рядом с. Державино и Преображенкой, в 50 км от Бузулука, на полпути между Бузулуком и Бугурусланом.

ПРЕОБРАЖЕНКА

«Карамзина все называли богатырём; и в самом деле редко можно было встретить человека такого крепкого могучего сложения. Он был высок ростом, необыкновенно широк в плечах, довольно толст и в то же время очень строен; грудь выдавалась у него вперёд колесом, как говорится; нрав он имел горячий и весёлый; нередко показывал он свою богатырскую силу, играя двухпудовыми гирями, как лёгкими шариками… я думал в то же время, какой бы чудесный рыцарь вышел из Карамзина, если б надеть на него латы и шлем и дать ему в руки щит и копьё.»

С братьями царского историографа Николая Михайловича Карамзина семья Аксаковых пересекалась не раз, потому что они были соседями, людьми одного круга и даже дальними родственниками. В отрывке из «Детских годов Багрова-внука» С.Т. Аксаков дал портрет Александра Михайловича Карамзина – младшего сводного брата историографа, подолгу жившего в Преображенке.

Основал село Михаил Егорович Карамзин, который служил капитаном под началом первого губернатора Оренбургского края И.И. Неплюева. Именно Неплюев в 1750-е годы добился от правительства разрешения выделять землю офицерам, служившим на юго-восточной границе империи. Так, неподалёку от Бу-

Здание церкви в Преображенке. Фото С.В. Колычева, 2009 г.

зулукской крепости и появились Карамзиха, Державино и др. Когда точно была основана деревня – неизвестно, но на карте Самарской дистанции крепостей, составленной П.И. Рычковым и датированной 1759 годом, Карамзиха уже значится. В любом случае – это одна из первых русских деревень в Оренбуржье.

По имени основателя деревню вначале называли Михайловкой, затем Карамзихой. Преображенкой она стала после 1786 года в честь постройки церкви с престолом во имя Спасо-Преображения и религиозного праздника – Преображения Господня. Известный историк М.П. Погодин привёл такую характеристику Михаила Егоровича: «Простой сельский дворянин, о котором не осталось ничего замечательного в памяти, жил обыкновенно в деревне и женат был два раза». Но этот простой сельский дворянин был прекрасным офицером и замечательным хозяйственником: он осваивал Оренбуржье и как военный, и как землевладелец. После его смерти осталось недвижимого наследства несколько сёл и деревень в Симбирском и Уфимском наместничествах. Кстати, мать Михаила Егоровича была урожденная Аксакова Екатерина Петровна и приходилась двоюродной бабушкой Сергею Тимофеевичу Аксакову.

Предполагается, что именно здесь в 1766 году родился писатель и историограф Николай Михайлович Карамзин.

После смерти отца Михаила Егоровича наследство поделили между четырьмя сыновьями и дочерью. Оренбургское село Преображенское отошло Федору Михайловичу (1768 – до 1839). Но сюда приезжали все братья, и здесь часто жили младший Александр и старший Василий. Интересно, что свою часть наследственной недвижимости историограф уступил братьям, чтобы вырученные деньги дать в долг семье Плещеевых, с которой дружил.

Николай Михайлович был очень привязан к своим братьям. В семье историографа в Санкт-Петербурге жили дети Александра Михайловича. Там же они учились и служили. «Целую ручку у любезной сестрицы Натальи Борисовны, обнимаю вас и всех детей. Жена и всё наше семейство вам дружески кланяются. Мы часто говорим о вас, любезнейший братец, и с сердечным удовольствием вспоминаем о всех знаках вашей к нам родственной любви», – так в 1817 году писал знаменитый историограф Александру Михайловичу в Бугуруслан. В селе сохранилось старинное здание церкви, используемое под склад.

БУЗУЛУК

Город был основан в 1736 году Иваном Кирилловичем Кирилловым – известным русским ученым как крепость на Самарской оборонительной линии, вдоль реки Самары. Он расположен на левом берегу реки, там, где в неё впадает река Бузулук, близ знаменитого обширного Бузулукского бора. Первые поселенцы – 78 яицких казаков и небольшое количество нагайских татар. Вначале Бузулук представлял собой деревянную крепость со рвом и валом. В 1756 году здесь было 200 дворов и две церкви. В 1773 году комендант Вульф бежал из крепости от пугачёвцев и крепость была ими захвачена. Но чуть позже сюда прибыли войска под руководством генерала П.Д. Мансурова. У крепостных стен разыгралось настоящее сражение с участием тысячи человек

пехоты и конницы, десятков артиллерийских орудий. Повстанцы были разбиты, и крепость освобождена.

В 1781 году с образованием Уфимского наместничества Бузулук стал уездным городом, центром Бузулукского уезда. В 1851 году этот уезд вошёл в состав вновь созданной Самарской губернии. Бузулук посещали императоры Александр I, Александр II, Николай II, поэты А.С. Пушкин, В.А. Жуковский.

До 1917 года в уезде действовало более 200 храмов и пять монастырей. Зафиксированы связи Аксаковых с Бузулукским Спасо-Преображенским мужским монастырем. 14 сентября 1869 года в день освящения Преображенского храма монастыря Преосвященнейшим Герасимом, епископом Самарским и Ставропольским в обитель приезжал губернатор Самарской губернии Г.С. Аксаков, проводивший в Бузулуке ревизию. Сейчас на ее исторической территории располагается исправительная колония для женщин. Ныне возрождение монастыря ведется в районе святых пещер, в которых издавна подвизались старцы и куда для беседы с ними в 1874 году приезжал Л.Н. Толстой.

В XIX – нач. XX вв. в Бузулуке сложилась замечательная архитектурная среда, доминантой которой были величественные православные соборы. Особенно интересен комплекс деревянных особняков, выстроенных в стиле модерн. Архитектурными памятниками можно назвать кирпичные здания женской гимназии, реального училища, земского собрания, водонапорную башню и др. Частично историко-культурное наследие Бузулука сохранилось до сих пор. Местная общественность ведет большую работу по его восстановлению.

В северном направлении от Аксакова (Знаменское) находились поместья тётушек писателя и близких друзей его родителей.

БАХМЕТЬЕВО (Октябрьское)

«Заехали в Бахметьевку, где недавно поселился новый помещик Осоргин».

В произведениях Аксакова село названо Бахметьево, ныне оно называется Октябрьское. В разные годы у него были названия – Святодухово, Осоргино, Гавриловка, Ворошилово. Расположено на берегу реки Савруши.

О том, кем был этот «новый помещик», пишет уфимский краевед Я.С. Свице в статье «Новые материалы по уфимской родословной писателя Михаила Осоргина»: «Савва Фёдорович Осоргин – достаточно заметная фигура не только в своем уезде, но и в Оренбургской губернии. В 1809-1812 гг. в чине коллежского асессора он являлся губернским предводителем дворянства, в 1821–1823 гг. – кандидатом на эту должность. В сентябре 1824 г. во время посещения императором Александром I Оренбурга дворянство Бугурусланского уезда на встрече представлял именно С.Ф. Осоргин. Также он присутствовал в Уфе на балу в честь императора. В 1832 г. надворный советник и кавалер Савва Осоргин был избран одним из депутатов от дворянства губернии для принесения императору благодарности за дарованные дворянству права». Ей же удалось найти архивные подтверждения аксаковских слов: «В 1809 г. в село Гавриловку (Бахметьево тож) Бугурусланского уезда коллежским асессором Саввою Осоргиным из села Троицкого (Смольково тож) было переведено 157 душ крестьян мужского пола».

«С.Ф. Осоргину принадлежало несколько других владений в Оренбургской губернии. В начале XIX в. на севере Бирского уезда при речке Урюш он основал сельцо Осоргино (потом д. Барский Урюш или просто Урюш) и в 1816 г. перевёл сюда крестьян из с. Троицкого (Смольково) и деревень Саловки, Гавриловского (Бахметьево) и Михайловки (Кудрино) Бугурусланского уезда. Интересно, что два последних селения находились вблизи бугурусланского Ново-Аксакова».

Я.С. Свице нашла подтверждение того, что Сергей Тимофеевич был знаком с сыном Саввы Осоргина. Она пишет: «С Николаем Саввичем Осоргиным был знаком Сергей Тимофеевич Аксаков. В одной из библиотек Красноярского края оказался экземпляр «Десятой сатиры» Буало в переводе С.Т. Аксакова, вышедшей отдельным изданием в Москве в 1821 г. На обложке книги есть надпись: «Любезнейшему Николаю Саввичу Осоргину в знак памяти и приязни от Переводчика».

После смерти отца Савва Федорович унаследовал родовое имение с.Смольково (Троицком тож) Бугурусланского уезда (в 20 верстах к северу от пригорода Сергеевска, ныне село находится в Самарской области) вместе с родными сестрами. Одна из них - Акулина Фёдоровна (в замужестве Племянникова) - была прабабушкой писателя Михаила Андреевича Ильина (1878-1942), писавшего под литературным псевдонимом – Михаил Осоргин.

От А.Ф. Племянниковой часть имений унаследовали бабушка писателя Осоргина – Надежда Львовна Племянникова (в замужестве Ильина) и его отец Андрей Фёдорович Ильин, родившийя в Уфе, и служивший в Перми. В одном из рассказов Михаил Осоргин писал, что «*была у родителей мечта: из глухой провинции [Перми] перебраться в столицу, или хоть поближе к центру, или, наконец, хотя бы на родину отца, где было бездоходное именье на реке Бугуруслане*».

Предки писателя Осоргина: Ильины, Племянниковы и Осоргины были в родстве с Аксаковыми и другими соседями по нескольким имениям в Бугурусланском уезде. Этим обстоятельством Михаил Осоргин всегда очень гордился и не раз писал об этом в своих автобиографических произведениях. Когда в детстве Миша читал Аксакова, ставшего навсегда его любимым писателем, то его отец пояснял каждую страницу, «а про имена говорил: вот этого я знал, а эти были нашими соседями».

Во времена Аксакова село Бахметьево славилось своими ярмарками, которые устраивались дважды в год. В селе тогда

Село Рычково, 2012 г.

проживало более 1200 жителей; была школа, базары, лавки. Владелец села имел 27000 десятин земли, пивоваренный и водочный заводы. Аксаковы как соседи бывали в его имении в разные годы, приезжали на ярмарки.

В современном Октябрьском сохранились некоторые старинные строения, остатки усадебного парка, сосны, которым уже 150 лет.

РЫЧКОВО

Село Рычково Оренбургской области расположено примерно в 40 км севернее города Бугуруслан. Его основал в 60-е годы XVIII века оренбургский историк, географ, этнограф, экономист, первый член-корреспондент Российской Академии наук (с 1759 г.) Петр Иванович Рычков. Членом-корреспондентом он стал благодаря инициативе М.В. Ломоносова, который лично знал Рычкова и переписывался с ним. Исторические труды ученого высоко ценил и использовал А.С. Пушкин, когда работал над «Историей Пугачёва».

Село Рычково вначале именовалось деревней Савруша по названию реки, по берегам которой было расположено. Сам Рычков здесь с семьей бывал редко, так как проживал в селе Спасское в 15 верстах от Бугульмы. В Савруше (Малом Рычкове) жили его крепостные крестьяне. В основном это были переселенцы из Среднего Поволжья.

П.И. Рычков подарил село своему старшему сыну Андрею (1738–1774). Вплоть до отмены крепостного прав оно принадлежало потомкам рода Рычковых. В конце села, на берегу реки, барином был построен винокуренный завод. На заводе вырабатывали спирт-сырец из зерна и картофеля.

Церковь в селе Рычково построили в 1765 году на средства П.И. Рычкова. Здание церкви и колокольня были деревянные, а крыша крыта железом. Престол был освящён во имя Казанской Божьей Матери; и вмещала она до 300 человек.

Здесь ждет реставрации оригинальный памятник архитектуры и быта степного края – усадебный дом и парк. На территории усадьбы сохранились лесокультурные насаждения паркового типа XIX в. В рычковском парке особую ценность представляют еловая аллея, а также посадки сосны, клена остролистного, барбариса.

В этих краях много источников с чистой и природной минеральной водой. На одном из них есть так называемый «Чан» – чугунная чаша, в которую течет родниковая вода. Он сохранился до нашего времени. Сюда на крещение 19-го января для окунания съезжается множество верующих. Рядом с этим местом для обжига кирпичей добывали глину, которая славилась далеко за пределами губернии. Здесь исключительно живописная пересечённая местность с лесистыми холмами и долинами, которая является олицетворением и подтверждением бытующего выражения, ставшего почти терминологическим, – Аксаковские степные и лесостепные ландшафты.

Рычков Петр Иванович (1712–1777). Родился в Вологде первого октября 1712 г. Его отец занимался в ту пору торговым промыслом – сплавом хлеба по рекам Сухоне и Северной Двине к Архангельску. Но дела шли неважно, он разорился, и семья переехала в Москву. Здесь молодой Рычков обучался иностранным языкам (немецкому и голландскому), бухгалтерии и торговому делу. В 1734 г. под началом И.К. Кирилова Петр Рычков приступил к работе в Оренбургской экспедиции.

Судьбе было угодно, чтобы с Оренбуржьем оказался связанным почти 43-летний период его жизни. Полюбив дикий край, Рычков работал увлеченно, много ездил, изучал архивы. Главными научными трудами П.И. Рычкова, принесшими ему широкую известность, являются «История Оренбургская» и «Топография Оренбургская». В них П.И. Рычков собрал почерпнутый из различных источников богатый фактический материал по истории коренных народов Южного Урала и прилегающих к нему областей, об их занятиях, быте, взаимоотношениях; дал справки о строительстве крепостей, переселении русских на Южный Урал и хозяйственном освоении этого края.

Сын П.И. Рычкова Николай (1746-1784) в 1769–1770 гг. совершил по поручению Петра Палласа несколько самостоятельных путешествий по Заволжью, Приуралью, которые описал в труде «Журнал, или Дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства...». В 1771 г. вместе со своим братом Андреем (1746-1774), которого Екатерина II незадолго до его смерти от рук пугачёвцев произвела в полковники и назначила комендантом Симбирска, он участвовал в походе в казахстанскую степь по маршруту Орск – горы Улутау, описанном в «Дневных записках путешествия ка-

Бывший спиртовый завод в селе Рычково, 2012 г.

питана Рычкова в Киргиз-Кайсацкой степи» (1772).

Семья Рычковых состояла в родстве с уфимскими Зубовыми. Дочь Петра Ивановича – Александра Петровна – была второй женой деда С.Т. Аксакова – Николая Семёновича Зубова, Товарища Уфимского наместника. В «Семейной хронике» писатель рассказывает о том, какие тяжелые испытания пришлось перенести тогда еще юной его матери от мачехи. У Марии Николаевны были сводные сёстры Екатерина и Надежда, а также брат Николай, который умер молодым. С.Т. Аксаков вспоминает, что в годы учебы в Казани он не раз посещал дом своей тётки Надежды Николаевны Зубовой и был с ней в добрых отношениях.

БОГДАНОВКА

«Мой отец недаром беседовал в Багрове с слепым нашим поверенным, что он затевает тяжбу с Богдановыми об именье, следовавшем моей бабушке Арине Васильевне Багровой (Неклюдовой) по наследству».

«Через несколько дней, при мне, мой отец сказал Прасковье Ивановне: «Я исполнил, тетушка, вашу волю; но если я оставлю дело без моего надзора, то я его проиграю». Прасковья Ивановна отвечала, что это все вздор и что Михайлушка побольше смыслит в делах. Отец мой остался, но весьма неохотно. Предсказание его сбылось: недели через две Михайлушка воротился и объявил, что дело решено в пользу Богдановых. Отец мой пришел в отчаяние, и все уверения Михайлушки, что это ничего не значит, что дело окончательно должно решиться в сенате (это говорил и наш Пантелей), что тратиться в низших судебных местах – напрасный убыток, потому что, в случае выгодного для нас решения, противная сторона взяла бы дело на апелляцию и перенесла его в сенат и что теперь это самое следует сделать нам,- нисколько не успокаивали моего отца. Прасковья Ивановна и мать соглашались с Михайлушкой, и мой отец должен был замолчать. Михайлушке поручено было немедленно

выхлопотать копию с решения дела, потому что прошение в сенат должен был сочинить поверенный Пантелей Григорьич в Багрове».

С Богдановыми Аксаковы с давних времён вели нескончаемые судебные тяжбы из-за земельных границ. О посещении этого села конкретных сведений пока не найдено, но при многочисленных поездках Аксаковых очень вероятно, что они заезжали сюда.

СТАРАЯ МЕРТОВЩИНА (Каменногорское)

«Тут я получил в первый раз настоящее понимание о «пугачевщине», о которой прежде всего слыхал мимоходом. Бедная Мария Михайловна с своим семейством жестоко пострадала в это страшное время и лишилась своего мужа, которого бунтовщики убили. У старушки Мертваго я сидел обыкновенно по утрам, а после обеда брал меня в свой кабинет Петр Иванович Чичагов».

«...приехали они в Старую Мертовщину, где жила в то время замечательная умная старуха Мария Михайловна Мертвая, дочь которой Катерина Борисовна (большая приятельница Софьи Николаевны), недавно вышедшая замуж за сосланного в Уфу правительством и овдовевшего там П.И. Чичагова, совершенно неожиданно для молодых Багровых находилась тут же со своим мужем. Софья Николаевна, которая любила Чичагова не меньше, чем свою приятельницу, была так обрадована такой нечаянностью, что позабыла всю свою досаду и сделалась очень жива и весела. Старуха Мария Михайловна задумала переехать на житье в деревню, и Чичагов с женой приехали именно затем, чтобы помочь строить дом и церковь. Софья Николаевна, уже неделю прогостившая в семействе своего мужа и сестер, обрадовалась Чичаговым, как светлому празднику; пахнуло на нее свежим воздухом, отдохнули ее душа и живой ум, и она проговаривала с друзьями чуть ли не до полуночи».

Дмитрий Борисович Мертваго (1760-1824) – крестный отец С.Т. Аксакова, российский государственный деятель, мемуарист. В молодые годы служил в Уфе советником Уфимского губернского правления, большой друг родителей Аксакова; ему и его семье (сестре, матери) посвящено немало тёплых страниц в повестях Аксакова, где их имения выведены под собственными именами: Старая и Новая Мертовщина.

Село Новая Мертовщина в разные годы называлось по-разному: Михайловское, Первомайское. Находилось оно при реке Елшанке. Ныне село не существует. В поле стоит только полуразрушенная каменная Михаило-Архангельская церковь.

Село Старая Мертовщина при вершине речки Кандыза называлось Борисоглебским, а сегодня это село Каменногорское Оренбургской области.

Михаило-Архангельская церковь села Новая Мертовщина и место, где оно находилось.

Основателем рода Мертваго был царевич Золотой Орды, выехавший в XIV веке к Олегу Рязанскому и получивший имя Благодень. Его потомки также назывались этим именем. Один из них умер во время царствования Ивана Грозного, и царь повелел сирот именовать детьми Мертвого. Столь неблагозвучная фамилия – Мертвый – держалась несколько столетий и лишь в начале XIX века с разрешения царя была изменена на Мертваго.

В детстве Серёжа Аксаков очень любил проводить время с почтеннейшей матушкой Д.Б. Мертваго – Марией Михайловной, которая умела рассказами надолго занять внимание ребёнка. От неё он услышал горькие истории об ужасах пугачёвского бунта. Об этом страшном времени Д.Б. Мертваго написал записки «Пугачёвщина» – замечательный образец классической мемуарной прозы.

«Отец мой и мать, имея одну деревню в Оренбургской губернии, в краю, где начался бунт, а другую в Симбирской губернии, в Алатырском уезде, в пятистах верстах оттуда, жили в последней. Зная только по слухам, что многие из крестьян наших вступили в службу к самозванцу и находятся при нем, родители мои, хотя и готовились потерять свое состояние, но себя считали вне всякой опасности, принимая в соображение расстояние и меры, принятые правительством; но воля судьбы, неведомым для смертного путем все ведущая, определила тому быть иначе.

Пугачев…с большим числом злоумышленников бежал за Волгу к Алатырю, в тот спокойный край, где мы жили. Сначала он был неизвестен, но через несколько дней, по присоединении к нему множества дворовых людей и крестьян, явился близь нашего селения, знаменуя везде свое шествие кровопролитием.

За три недели перед этим матушка родила, и в день, когда начались наши несчастья, 22-го июля, праздновали мы ее именины. По деревенскому обыкновению званы были гости, и уже стол был накрыт, как вдруг отец мой получил письмо от приятеля и соседа нашего, званого на праздник, который уведомлял, что самозванец в тридцати верстах от нас, пришел в господское селение, повесил приказчика и все имущество разграбил; вместе с тем он писал батюшке, что со всем своим семейством выехал, сам не зная, куда судьба его поведет.

Собравшись наскоро, поехали мы в город Алатырь, отстоящий в сорока верстах от нашей деревни. Перед вечером, при-

ближаясь к городу, встретили мы знакомого, который сказал отцу моему, что Пугачев вступает в Алатырь, и народ с образами, хлебом и солью пошел ему навстречу. Весть эта была громовым для нас ударом; надо было бежать, а куда, Бог знает. Усталость лошадей принудила нас своротить в сторону, мы въехали в лесок, недалеко от дороги, где на пчельнике нашли одного только человека; у него в избе провели ночь.

На рассвете отправились мы, сами не зная куда. Приехав в первое селенье, увидели множество народа, толпившегося на улице. Окружив наши повозки, крестьяне остановили нас и спросили, куда едем и для чего; грубые их речи и, наконец, строгое требование, чтобы мы тотчас выехали из их селения, были для нас первым знаком народного волнения и грозившей нам опасности.

Выехав из села, поворотили мы в маленькую мордовскую деревеньку, находившуюся близ большого леса; остановившись у знакомого нам мордвина, узнали мы, что вся чернь волнуется, ожидая Пугачева, и что, не подвергая себя крайней опасности, нельзя нам останавливаться ни в каком селении. Осведомившись о дороге, ведущей в чащу леса, взяв у мордвина хлеба, сколько у него испечено было, и телеги вместо карет, пустились мы в лес, единственное наше тогда убежище.

Часу в десятом утра, приехав к мельнице, находившейся в самой дремучей чаще леса, остановились мы кормить лошадей. В это время батюшка познакомился с мельником и узнал от него, что в глубине леса есть полянка, близ которой протекает речка, верстах в осьми от мельницы, а от ближайших селений верстах в пятнадцати, что дорога туда так дурна, что нелегко доехать до поляны и что немногие эту дорогу знают. Добрый мельник согласился проводить нас, обещая клятвенно не разглашать о том никому.

Едва к вечеру могли мы доехать до того места, где мельник, простившись с нами, подтвердил свое обещание и сдержал его. На другой день, рано поутру, батюшка пошел осмотреть

окрестности нашего убежища. Найдя в некотором расстоянии другую полянку, приказал перевести туда лошадей; на той же, где сами остались, сделали шалаш. Всем розданы были ружья и пистолеты, и положено было обороняться в случае нападения.

Так пробыли мы трое суток, не слыша ничего, кроме птичьего крику.

В продолжение этого времени почтенный родитель мой делал нам наставления, основанные на чистой добродетели; говорил нам, что спокойствие человека составляет все его блаженство, и что оно зависит от согласия поступков его с совестию, что, нарушив это согласие, для каких бы то ни было выгод, потрясает он то драгоценное спокойствие, которого ничто заменить не может. Примерами знакомых нам людей доказывал он, как приобретающий одне временные выгоды не наслаждается ими, быв ежеминутно угрызаем совестью, еще не погасшею в нем.

Потом, прогуливаясь наедине со мною, говорил он, что если случится ему проститься со мной навеки, то помнил бы я слова его и наставлял бы братьев, которые были гораздо моложе меня, чтобы радел о своей душе и сердце и строго замечал свои склонности и поступки; советовал не быть корыстолюбивым, говоря, что ни один из предков наших не был таковым, и, наконец, заклинал меня быть достойным имени его, угрожая в противном случае Божеским наказанием.

На четвертый день нашего пребывания в лесу стал оказываться у нас недостаток в съестных припасах. Незнание обстоятельств того времени, надежда, что вслед за бунтовщиком идут войска, поражавшие его всегда и везде, а более всего болезнь матушки, причиною которой были душевные и телесные беспокойства, заставили батюшку послать одного из людей наших в ближнее селение для покупки припасов и для разведывания, что там происходит. Человек этот казался нам верным и, действительно, я думаю, вначале он не имел злого умысла.

Приехав в селение, приискивал он купить, что ему было приказано, и вместе с тем разведывал о Пугачеве. Крестьянам это показалось странным; по причине повсеместного тогда волнения никто ничего не покупал, а все брал даром и убивал слабейшего за неисполнение его требования. И потому задержав его, стали расспрашивать, что он за человек и откуда; вероятно, собственная опасность заставила его сказать истину; тогда человек двести жителей того селения собрались против нас; а он, показывая им дорогу, довел до того места, где мы скрывались.

Приблизившись к нашему убежищу, разделились они на несколько партий, окружили нас и напали вдруг со всех сторон с большим криком. В эту несчастную минуту батюшка отдыхал в шалаше; люди оробели и побежали; сестры, схватив под руки матушку, побежали в лес; злодеи кинулись на батюшку. Он выстрелил из пистолета, и хотя никого не убил, но заставил отступить; и схватив ружье, лежавшее возле него, и трость, в которой была вделана шпага, не видя никого из своих около себя, побежал в чащу леса, закричав нам: «Прощай, жена и дети». Это были последние слова, которые я от него слышал.

В большом страхе бросился было я вслед за батюшкой, но чаща леса разделила нас; не видя его, я бежал сам не зная куда. Запнувшись об обгорелое дерево, лежавшее поперек дороги, упал я, и в эту минуту увидев возле себя просторное дупло, вполз в него; через несколько минут, очувствовавшись от страха, я слышал стрельбу из ружей и крик около себя: «Ищите и бейте».

Пролежав долгое время и не слыша более никакого шума, решился я выйти из дупла, долго оглядывался во все стороны, прислушивался; наконец, не замечая никакого шуму, пошел к той поляне, где мы стояли. Тут нашел я несколько лоскутков изодранного белья и окровавленный платок, по которому должен был заключить, что кто-либо из ближних моих убит.

Теперь прошу читателя представить себе четырнадцатилетнего, избалованного и изнеженного мальчика, в лесу, перед вечером, не знающего дороги, без всякого оружия для обороны. Тут-то в первый раз послужили мне наставления моего родителя. Я молился, поручая себя воле Господа, обещал хранить завещание отца моего, плакал, не как испугавшийся ребенок, но как плачет взрослый от сокрушения сердца, целовал окровавленные лоскутки, прощался со всеми местами, где я сиживал с родителем, слушая его наставления, и где видел я его в последний раз; потом, взяв палку, пошел по дороге, где видны были следы повозок, стал смелее и твердо был уверен, что не погибну.

Пройдя некоторое расстояние, и как стало уже смеркаться, услышал я шорох в стороне и спросил. Голос мой узнали мои братья, из которых одному было десять, а другому семь лет. Они прибежали ко мне, и с ними наша няня; мы чрезвычайно друг другу обрадовались, и, не зная, куда идти, остались ночевать под деревом.

Поутру, лишь только стало светать, пошли мы по дороге, не зная, куда она ведет. Уже солнце высоко поднялось, когда приблизились мы к речке, берегом которой шла дорога; прелестные места кругом, небольшие полянки, приятный утренний воздух и повсеместная тишина заставили было нас забыть ужасное наше положение, но вдруг услышали мы страшный крик: «Ловите, бейте!». Я схватил за руку одного брата, бросился к речке и скрылся в густой траве у берегов, а няня с меньшим братом моим побежала по дороге. Злодеи, приняв ее за дворянку, погнались за нею, и один из них ударил ее топором; в испуге она подставила руку, которая, однако, ее не защитила; острие, разрубив часть ладони, вонзилось в плечо; страшный крик сильно тронул мое сердце. В то же время слышу я вопль брата, которого схватили и спрашивали, куда мы побежали. Не зная, что делаю, я откликнулся и, выскочив из травы, явился к ним: они спросили мое имя, сказали, что знают батюшку, но что с ним сделалось, не слышали; потом сняли с нас все платье и обувь и, не делая более ника-

ких грубостей, отпустил и в одних рубашках, показав дорогу на мельницу, которая была недалеко.

Обессилевшую от раны, а более от испуга няню нашу поднял я и повел под руку к мельнице. Когда мы подошли к плотине, напали на нас две большие собаки, от которых, конечно, мы бы не в силах были защититься, если бы мельник не прибежал к нам на помощь. Этот добрый человек, узнав, что мы дворяне, откровенно сказал, что нянюшка может остаться у него, а нас он принять не смеет, боясь быть за то убитым вместе со всем своим семейством. Но когда мы сказали ему, что сутки ничего не ели, то он пригласил нас на мельницу и обещал дать молока и хлеба.

У мельничного амбара нам дали по большому куску хлеба и по ложке и поставили крынку молока; лишь только принялись мы за приятную для голодного работу, как вдруг жена мельника закричала: «Ай! Казаки, казаки!» Оглянувшись, мы действительно увидели толпу приближавшегося народа; я испугался чрезвычайно и не помню, как спрятался с братьями под мельницу.

Толпа эта, увидев няню нашу, окровавленную, лежавшую на земле у мельничного амбара, спросила мельника, что это значит; он сказал всю правду и указал место, где мы спрятались. Двое из толпы спустились по лестнице и вынесли на руках братьев моих; третий, взяв меня за волосы, потащил за собою на лестницу, а четвертый в это время бил меня сзади палкою.

Я увидел толпу у мельничного амбара; нас поставили в середину ее и стали произносить приговор. Всяк говорил свое и предлагал, как меня убить; а братьев, как малолетних, отдать бездетным мужикам в приемыши. Некоторые предлагали бросить меня с камнем на шее в воду; другие – повесить, застрелить или изрубить; те же, которые были пьянее и старше, вздумали учить надо мною молодых казаков, не привыкших еще к убийству. Слыша эти рассуждения и ругательства, я ничего не говорил и уже готовился к смерти; но тут один из толпы сказал, что, будучи

в городе, получил он от самозванца приказание привести к нему дворянина, мальчика лет пятнадцати, умеющего хорошо читать и писать, за которого обещал дать 50 рублей награждения, то предложение было всеми тотчас принято, меня начали экзаменовать, заставляя писать углем на доске, задавали легкие задачи из арифметики, и, наконец, признали достойным занять важное место секретаря у Пугачева. Снисходя на мою просьбу, они согласились не разлучать меня с братьями.

Мы пробыли у мельницы все время, необходимое на корм лошадей и на отдых пешим. Между тем, стали со мной обходиться почтительно, называли меня секретарем, рассказывали о разных происшествиях, относящихся до самозванца, о силе его и о намерении истребить всех дворян, и наконец о приказе крестьянам защищаться всеми силами от воинских команд, ожидаемых вскоре.

Во время этих рассуждений и рассказов один пьяный казак, взяв меня за косу, сказал: «Батюшка не любит долгих волос, это бабам носить прилично», тут же, прислонив меня к близь стоявшему дереву, закричал другому: «Руби, брат!» Этот, будучи также пьян, отрубил топором мне косу вплоть к затылку. Я чрезвычайно испугался, но имел столько присутствия духа, что шутил насчет своих волос и благодарил этих пьяниц.

Вести о близости воинских команд обрадовали меня; я стал придумывать, как бы мне укрыться от злодеев на несколько дней. Но между тем надобно было отправляться с ними в путь пешком, без одежды и обуви».

Отрывок из этого произведения даёт представление и о мастерстве рассказчика, и о чести и героизме четырнадцатилетнего дворянина.

С.Т. Аксаков в молодые годы встречался со своим крестным в Петербурге, когда тот был сенатором, а последний раз в Москве. Об этих встречах он написал очерк, который читается

как дополнение к «Детским годам Багрова-внука». Эти воспоминания, по признанию автора, – дань уважения «в обширном и строгом смысле честнейшему человеку, которого вся жизнь была борьба правды и чести с ложью и подлою корыстью».

Сёла Старая и Новая Мертовщина переходили по наследству. Последним их владельцем был племянник Дмитрия Борисовича – Федор Степанович Мертваго. Во время отмены крепостного права он продал своё имение крестьянам за бесценок, когда там оставалось 180 десятин земли, и уехал в Ставропольский уезд. Его приказчиком был крепостной крестьянин Илья Видинеев. В 1888 году сын приказчика, Василий Ильич Видинеев, приобрел в Уфе усадьбу с большим садом, которая с тех пор стала называться Видинеевской. В 1893 году он построил здесь летний театр. В конце XVIII века эта усадьба принадлежала родителям С.Т. Аксакова, и здесь, в новом доме, родился будущий писатель. Сегодня этот сад называется Аксаковским. В 1909 году наследники В.И. Видинеева пожертвовали 5000 рублей на строительство Аксаковского Народного Дома в Уфе.

Восточное направление аксаковского маршрута – это путь из Аксакова (Знаменского) в Уфу и обратно.

КИВАЦКОЕ

«В мордовской деревеньке Кивацкое была мельница и огромный пруд, так что подпруда воды доходила почти до сада; тут Бугуруслан мог называться верховьем Кивацкого пруда, а всем охотникам известно, что для уженья рыбы это очень выгодно».

Деревушка Кивацкое находилась очень близко от Аксакова, и Сергей Тимофеевич часто проходил мимо неё морозными осенними утренниками и зимой на лыжах. В «Записках об уженье рыбы» рассказан интересный случай ловли карасей в студёной воде, который автор наблюдал в этих местах.

«В двух верстах от меня, в мордовской деревушке Кивацкое, была прорвана мельничная плотина, брошенная более десяти лет; против того места, где был прежде вешняк, всегда стояла полная с краями, глубокая яма воды, студеной, как лед, из которой вытекал ручеек: несомненный признак, что в яме был родник. Почти всякий день проезжал я на охоту с ружьем мимо этого места. Один раз, возвращаясь с охоты, в исходе июня, вижу я кучу народа около вышесказанной ямы. Я зашел посмотреть, что тут делают. Каково было мое удивление, когда я увидел, что несколькими бреднями ловили в яме карасей и уже поймали более воза. Караси были все желтые, все одинаковой средней величины. Ловившие рыбу дрожали от холода, несмотря на жаркое время. Никогда никому не входило в голову, чтоб в этой яме могла держаться рыба, особенно караси: мальчишки увидели плавающие поверху темные тучи какой-то рыбы и рассказали о том в деревне».

НОЙКИНО

«В Нойкино все знали Алексея Степановича еще дитятей, а Степан Михайлович считался отцом и благодетелем. Вся деревня от мало до велика душ шестьдесят мужеска и женского пола, сбежались к той избе, где должны были остановиться молодые. Софья Николаевна едва ли видела вблизи мордву, и поэтому одежда мордовок и необыкновенно рослых и здоровых девок, их вышитые красной шерстью белые рубахи, их черные шерстяные пояса, или хвосты, грудина спина и головные уборы, обвешанные серебряными деньгами и колокольчиками, очень ее занимали. Но когда она слышала простые, грубые, но искренние восклицания всей толпы на изломанном несколько русском языке, то родственные приветствия, то радостные похвалы и добрые пожелания, она и смеялась, и даже плакала. "Ай, ай, Алеша, какой жена тебе Бог давал. Ай, ай хороша"».

Для Аксаковых деревня служила местом, где они меняли лошадей при поездках на дальние расстояния – в Уфу и обратно. Здесь останавливались молодожены Аксаковы во время первой поездки Марии Николаевны к родителям мужа.

КОРОВИНО

«Послали заготовить лошадей уже не в Нойкино, а в Коровино за сорок верст, потому что туда должны были довезти их домашние кони».

«Рано поднявшись, довольно рано приехали мы и на кормёжку в большое мордовское село Коровино».

Коровино – мордовское село на пути в Уфимскую губернию. Оно упоминается в эпизоде возвращения родителей писателя из Ново-Аксакова в Уфу. В этом же селе останавливался и юный Серёжа во время поездки в деревню к дедушке. Хорошо запомнил он то, что «*в продолжение дороги мы два раза переехали через реку Насягай».*

Эти места были хорошо известны Аксакову-охотнику и рыболову. Описывая случай с охот, он не раз вспоминал эти места с «глухой и болотистой урёмой, при соединении реки Боклы с Насягаем».

«Я помню, что в реке Бугуруслане, Оренбургской губернии, когда она была еще мало заселена, сначала водилось много головлей и мало язей; потом развелось множество язей, а головлей стало мало; лещи же, сколько их не пускали в пруд, никак не разводились, хотя вёрст двадцати ниже, где наша река впадает в другую, именно в Насягай, лещей было довольно. Теперь же и в пруде Бугуруслана и по всей реке лещей развелось множество (Эта перемена произошла через сорок лет)».

Село Коровино расположено в красивой местности, у реки с оригинальными холмами на правом берегу. В XIX веке местные земли принадлежали графу Н.Толстому, отцу писателя А.Н. Толстого – автора трилогии «Хождение по мукам». Здесь в

самом конце XIX века всё ещё сохранялись на значительных площадях удивительные по красоте, богатству видового состава растительного покрова и обилию животного мира (птиц, зверей, насекомых) непроходимые кустарниковые степи.

ПОЛИБИНО

«С другой стороны верстах 20 (от деревни Бахметьевки) по реке Насягай или Мочегай, как и до сих пор называют ее туземцы, так же завелось помещичье селение Полибино, впоследствии принадлежащее С.А. Плещееву, а теперь принадлежащее Карамзиным.»

Село Полибино расположено в тридцати километрах к северо-востоку от Бугуруслана. Оно примечательно тем, что его разделяют на равные части вековой рукотворный сосновый бор и лесные насаждения из лиственных древесно-кустарниковых пород, являющихся редким оазисом в лесостепном Заволжье и имеющих свою удивительную историю.

Около века назад по указанию владельца села А.Н. Карамзина из Бузулукского бора были привезены 12-летние саженцы сосны. Их везли на санях по первому снегу. Обоз тянулся из Бузулука в Полибино. На подводах на «мертвых стульях» из земли стояли сосенки, и издали такой поезд производил забавное впечатление. Посадка бора продолжалась не один год. Высаживались разные древесные породы – дубы, берёзы, липы, клёны, тополя, ели, лиственницы. Владелец платил крестьянам деньги за тяжелую, но малопонятную им работу, а они называли за это помещика «странным барином».

«Странным барином» был Александр Николаевич Карамзин – внучатый племянник известного русского историка Н.М. Карамзина, ставший наследником и последним владельцем Полибина.

Карамзины владели Полибиным с начала XIX века. Первым владельцем был Александр Михайлович Карамзин (1770–1846),

младший родной брат Н.М. Карамзина. В 1818 г. А.М. Карамзин построил дом в Полибине и «жил в имении часто и подолгу».

В 1887 году имение перешло его внучатому племяннику – Александру Николаевичу Карамзину. На протяжении тридцати лет (с 1887 по 1917 гг.) А.Н. Карамзин занимался в своей усадьбе абсолютно новым и рискованным делом – степным лесоразведением, а также изучением местного климата и фауны. Результатом многолетних наблюдений стали его книги: «Птицы Бугурусланского и сопредельных с ним частей Бугульминского, Бузулукского уездов Самарской губернии и Белебеевского уезда Уфимской губернии», Москва, 1901 г.; «Климат Бугурусланского уезда Самарской губернии», Самара, 1912 г.; «Лесоразведение в с. Полибино Бугурусланского уезда Самарской губернии», СПб, 1913 г. До сих пор его работы не утратили актуальности и используются географами, лесомелиораторами, лесоводами, орнитологами, метеорологами и другими специалистами и учёными.

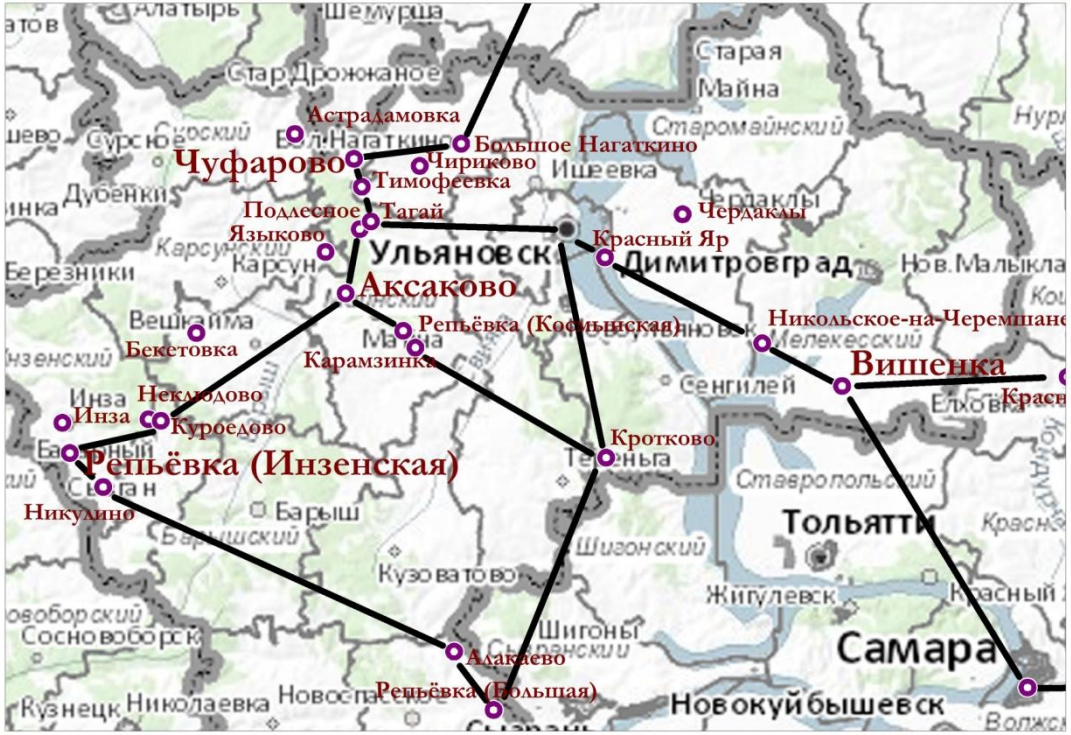
Проведя свое детство в лесистых Симбирской и Нижегородской губерниях, проживая в усадьбах, «окруженных тенистыми парками и садами», А.Н. Карамзин был удивлен, не увидев в Полибине леса, к которому так привык. В результате долгих исследований он убедился, что на этой земле возможно лесоразведение. Благодаря трудам А.Н. Карамзина на Бугурусланской земле выросли лесопосадки сосен, елей, лиственниц, берез, вязов, кленов, дубов, тополей и других деревьев.

Полибинским искусственным лесным насаждениям в настоящее время более 120-130 лет. Они находятся в хорошем состоянии и представляют собой исключительно ценный в научном, экологическом, историко-культурном отношении объект искусственного степного лесоразведения, величественный памятник бережного взаимоотношения человека и природы, к которому неустанно призывал С.Т. Аксаков во всех своих произведениях. В селе сохранились остатки дворянского некрополя, либо надгробия, перенесенного с него.

Завершить маршрут по аксаковским местам Оренбургского края хочется отрывком из «Записок ружейного охотника Оренбургской губернии».

«*Обращаюсь назад, чтобы бросить общий взгляд на пролёт и прилёт дичи в Оренбургской губернии, верный только исторически, а теперь уже баснословный. Птиц бывало такое множество, что все болота, разливы рек, берега прудов, долины и вражки с весенними ручьями, вспаханные поля бывали покрыты ею. Стон стоял в воздухе (как говорят крестьяне) от разнородного птичьего писка, свиста, крика и от шума их крыльев, во всех направлениях, рассекающих воздух; даже ночью, сквозь оконные рамы, не давал он спать горячему охотнику. Птица была везде: в саду, в огородах, на гумнах, на улице... Это уж слишком, кажется; но я уверен, что много раз, выезжая или выходя рано утром на охоту, находил я диких уток и голубей, сидевших на грязи и лужах среди улицы. Когда подъедешь, бывало, к болоту или весеннему разливу около реки, то совершенно потеряешься: по краям стоят, ходят и бегают различные породы куликов и куличков. Стаи разноцветных курахтанов снуют между ними во все стороны. Утки, с пестрыми селезнями своими, от крупной, тяжеловесной кряквы до маленького, проворного чирка, бродят по грязи, плавают по воде, сидят на кочках. Из-под ног с криком, как бешеные, вырываются бекасы, вскакивают дупели и гаршнепы. В то же время, независимо от сидящих, новые стаи всего разнопламенного птичьего царства летают, кружатся над вашею головою, опускаются, поднимаются, перелётывают с места на место, сопровождая каждое свое движение радостным, весёлым особенным криком».*

КАРТА-СХЕМА АКСАКОВСКИХ МЕСТ В САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ И ПУТИ В СИМБИРСКИЕ ИМЕНИЯ

АКСАКОВСКИЕ МЕСТА САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

Сергей Тимофеевич Аксаков навечно связан с этим краем. На самарской земле покоится прах его деда Степана Михайловича, сына Григория Сергеевича и внучки Ольги Григорьевны Аксаковых.

Аксаковские места Самарской области можно условно разделить на северное и южное направления.

По северным областям шла дорога, по которой ездили Аксаковы из оренбургских имений в симбирские. Этот путь пролегал так: *Неклюдово – Неклюдово-Дурасово – Кротково – Абдулзавод – Сергиевск – Красное поселение – далее по симбирской земле: Вишенки – Никольское-на-Черемшане – Красный Яр – Симбирск – Тагай – Аксаково (Троицкое).*

В южных областях находятся деревни, в большей степени связанные с семьёй Григория Сергеевича Аксакова. Это: *Самара – Борское – Страхово – Языково.*

НЕКЛЮДОВО

«Явились и соседи у дедушки: шурин его Иван Васильевич Неклюдов купил землю в двадцати верстах от Степана Михайловича, перевел крестьян, построил деревянную церковь, назвал село Неклюдовым и сам переехал в него с семейством».

Село находится в Камышлинском районе Самарской области в 15 км от трассы М-5 на самой границе Самарской и Оренбургской областей.

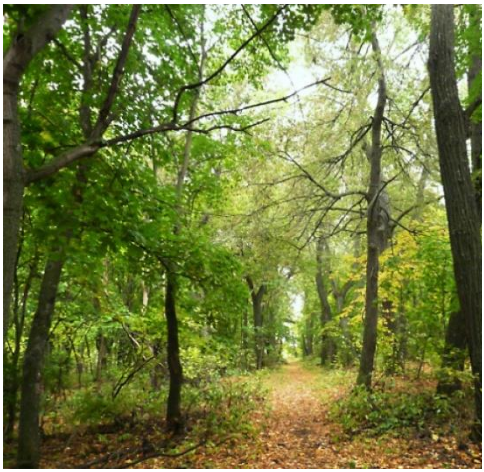
Неклюдово было основано представителем древнего дворянского рода Иваном Васильевичем Неклюдовым в 1773 г. (год постройки первой церкви в селе в честь Казанской иконы Божией Матери). По соседству в 20 верстах (в Аксаково) жила его родная сестра Ирина Васильевна Аксакова (1725-1799), урождённая Неклюдова – бабушка С.Т. Аксакова. В «Детских годах Багрова-

внука» маленький Сережа вспоминает подробности последних дней жизни деда и его кончину (декабрь 1797 – январь 1798 года). «*Нового я узнал, что завтра дедушку повезут хоронить в село Неклюдово, чего он именно не желал, потому что не любил всего неклюдовского. Почему было поступлено против его воли – я до сих пор не знаю, но помню, что говорили о каких-то важных причинах.»*

Возможно, этой причиной было наличие в Неклюдово церкви.

В селе было две церкви: первая построена в 1773 году на средства помещика. Новая, в честь Казанской иконы Божьей Матери, возводилась из кирпича и сосны на средства прихожан в 1861 году и была разрушена в 1932 году большевиками. Из церковных бревен и кирпича вначале построили двухэтажную школу, а в 90-е годы здание, где располагался медпункт, магазин, почта. Оно стоит и поныне. Надгробие над могилой С.М. Аксакова было разрушено, и местонахождение могилы утеряно.

Историческим центром села являлась территория усадьбы Неклюдовых. Она представляла собой сад-дендрарий, усадьбу с колоннами, липовую аллею к церкви с дорожкой из красного кирпича и некрополь. Остался также фундамент суконной фабрики

Стопятидесятилетний парк в Неклюдово

тех времен, место кирпичного завода и мельницы на речке Заводской, место кожевенных мастерских, место водяной мельницы.

Самой большой достопримечательностью села является старинный 200-летний усадебный парк. Он располагается на восточном краю села. Отсюда, с неклюдовского косогора и опушки неклюдовского парка, где покоится прах деда писателя С.М. Аксакова, открывается великолепная панорама на бескрайние просторы Самарско-Оренбургского Заволжья, на аксаковские лесостепные и степные ландшафты.

Самарский краевед Валерий Иванович Панов еще двадцать лет назад, пытаясь разыскать по воспоминаниям жителей села остатки церкви и могил, установил, что церковь стояла в 30–50-ти метрах от южной опушки парка на покатом косогоре, то есть там, где дорога на деревню Дурасовка делает поворот налево в сторону Оренбуржья. Здесь, на косогоре, сохранились следы фундамента церкви, а на месте старинных могил растут кусты сирени и акации.

О могиле С.М. Аксакова ничего не известно. Скорее всего, она была порушена ещё в 30-е годы XX столетия, в годы воинственного безбожия. Но 40 лет назад близ фундамента разрушенной церкви, по рассказам старожилов села, еще лежала каменная плита с надписью, что здесь похоронен поручик лейб-гвардии уланского полка Иван Соломанов. Были и другие плиты, возможно, бывших владельцев села из рода Неклюдовых, Кальпинских, Лупеневских, но они постепенно использовались местными жителями под фундаменты домов и на другие цели.

В.И. Панов приводит свои личные впечатления от первого посещения неклюдовского усадебного парка в 1984 году: «Я вступил в таинственную и мрачную темноту старого заросшего парка: никаких уходов за ним давно не проводилось, всюду сплошные заросли лопухов и крапивы, выше их – пышные кусты бузины, сирени, шиповника и желтой акации. На фоне темного ночного неба кроны деревьев казались еще выше и величественней. Вот и

центральная аллея с сумрачным сводом огромных, 20-25-метровой высоты, столетних лесных великанов. И как бы растворяешься в жутковатой неизвестности ночной темноты. Непроизвольное волнение вливается в душу, и начинает ускоренно и глубже биться сердце – где-то здесь поблизости лежит в земле всеми забытый прах Степана Михайловича Аксакова (Багрова). Парк кончился, начался открытый косогор, и с него открылась красочная вечерняя панорама долины реки Савруши, огоньки домиков села Неклюдова, синева лесных далей… Ну, а как тут не вспомнить слова С.Т. Аксакова, который об этих местах писал 140 лет назад: «Летняя, короткая, чудесная ночь обнимала всю природу. Еще не угас свет вечерней зари и не угаснет до начала соседней утренней зари! Час от часу темнела глубь небесного свода, час от часу ярче сверкали звезды, громче раздавались голоса и крики ночных птиц, как будто они приближались к человеку!».

В.И. Панов, ученый-биолог по профессии, в своём очерке о неклюдовском парке, анализирует интересный факт: «Жители села Неклюдова делают прогноз погоды по специфическому шуму крон вековых деревьев в парке (своеобразный лесной барометр). Надо отдать должное наблюдательности жителей села – обнаружить такую корреляционную связь между тональностью шума крон деревьев и ожидаемой погодой – явление редкое, одна из тайн природы, но такое явление действительно возможно. И замечательно, что установлен такой контакт и понимание между человеком и деревом. Эта таинственная связь действует на пользу людям».

Активисты-аксаковцы Камышлинского муниципального района и жители села Неклюдова – учителя, врачи, сотрудники администрации района, специалисты разных направлений, школьники – развернули в селе волонтёрское движение по возрождению Неклюдовского парка как Аксаковского мемориала.

В 2011 году построена и начала действовать церковь, проведены работы по благоустройству парка, на месте предполагаемой могилы С.М. Аксакова установлен крест.

НЕКЛЮДОВО-ДУРАСОВО

«О*тправились со свадебными визитами в Неклюдово к Кальпинским и в деревню Лупенёвку (Дурасово), находящуюся в двух верстах от Неклюдова, к Лупенёвским».*

И Неклюдово, и Неклюдово-Дурасово принадлежало брату бабушки С.Т. Аксакова Ивану Васильевичу Неклюдову и по наследству досталось его дочерям. В «Семейной хронике» писатель несколько изменил фамилии своих двоюродных тёток, а в «Воспоминаниях» он упоминает их под собственными именами: *«…Поднявшись с ночлега, по обыкновению, на заре, мы имели возможность не заехать в село Неклюдово, где жили родные нам по бабушке, Кальминские и Лунёвские».*

И действительно, две сестры-помещицы – дочери И.В. Неклюдова, были одними из ближайших соседей Аксаковых в Бугурусланском уезде.

Яркую характеристику Аксаков дает мужу Катерины Ивановны – Иллариону Николаевичу Кальпинскому. «*Это был человек в своем роде очень замечательный, не получивший никакого научного образования, но очень умный и начитанный, вышедший из простолюдинов (говорили, что он из мордвы), дослужившийся до чина надворного советника и женившийся по расчету на дочери деревенского помещика и старинного дворянина. В настоящее время он предался хозяйству и жадно копил деньги… У Катерины Ивановны Кальпинской было три дочери и один сын».*

По сведениям из Окладной книги V ревизии (1795 г.) по Бугурусланскому уезду надворному советнику Лариону Калминскому в селе Богородском (Неклюдове тож) принадлежало 20

душ крепостных крестьян обоего пола, его жене Катерине Калминской – 239 душ, дочери их девице Надежде один крепостной.

Вторую сестру С.Т. Аксаков в повести называет Флёной Лупенёвской. Скорее всего, настоящее её имя было Феона, Феония, в церковном варианте – Хеония, а Флёна – это домашнее прозвище. Дедушка Степан Михайлович называл её Флёна-пушка «по причине толщины и малого роста».

В селе Неклюдово-Дурасово (по книге Лунёвка) прапорщице Феоне Лунёвской принадлежало 242 души крепостных. Кроме того, она владела деревней Новая Савруша Бугурусланского уезда, куда из Бугульминского уезда в 1805 году её детям было перечислено: дворянину Александру Лунёвскому – 85 душ; поручице Елизавете Токтаровой? (фамилия неразборчива) – 14 душ. В настоящее время деревни Неклюдово и Неклюдово-Дурасово находятся в Самарской области, а Савруша в Бугурусланском районе Оренбургской области.

БАЙТУГАН

«В первый же день мы ночевали возле татарской деревни Байтуган, на берегу полноводной и очень рыбной реки Сок. Разумеется, под каретой были подвязаны четыре удочки с удилищами; мы с отцом и Евсеичем успели поудить и выудили много прекрасных окуней, что несколько успокоило наше общее грустное состояние духа.»

Это поселение находится на территории муниципального района Камышлинский, недалеко от Неклюдова. Через него С.Т. Аксаков проезжал много раз по пути в Симбирскую губернию или обратно в Уфу.

КРАСНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

«На другой день приехали мы поутру в огромную слободу пахотных солдат, называемую Красным поселением, располо-

женную на реке Кондурче, которая была немного поменьше Сока, но так же красива, омутиста и рыбна.»

«Не успели мы выпрячь лошадей, как прибежали крестьянские мальчишки из Красного поселения и принесли нам множество крупных раков, которые изобильно водились в небольших озерах по Кондурче.»

Через это село С.Т. Аксаков неоднократно проезжал, направляясь в Вишенки, Чуфарово или Старое Аксаково (в Симбирскую губернию). О нём упоминается и в «Детских годах Багрова-внука», и в «Записках ружейного охотника Оренбургской губернии».

КРОТКОВО

«Вдобавок к рассказам о странных происшествиях на охоте я расскажу случай, который самому мне показался сначала каким-то сном или волшебством. В тридцати пяти верстах от нашего имения находилось и теперь находится богатое село Кротково, всеми называемое Кротовка».

В родстве с Аксаковыми были две линии дворян Кротковых. У сестры отца, Александры Степановны, был муж Иван Петрович Кротков, а у родного брата Аркадия была жена А.С.Кроткова. По чьей линии были владельцы села пока не установлено.

Село было основано в 1783 году коллежской асессоршой Анной Афанасьевной Кротковой, которая купила у генерал-майора Гавриила Ильича Бибикова 2423 десятины земли при с. Арском. Она поселила на этом участке крестьян, собрав их сюда из своих многочисленных вотчин, и назвала новую деревню «Малое Арское». Впоследствии эта деревня стала более известна под названием Кротовка. Во время генерального межеванья (1798 г.) здесь было 40 крестьянских дворов и на восточной окраине селения стоял барский двор, существовавший на всякий случай, так как Кротковы бывали здесь наездами.

Село Кротково ныне находится в Самарской области на территории муниципального района Похвистневский в 35-ти километрах от Аксакова (Оренбургского) по прямой линии на запад. В молодые годы Сергей Тимофеевич часто охотился в этих местах. В «Записках ружейного охотника Оренбургской губернии» он приводит интересный случай, происшедший с ним близ этого села. «*Проехав село, мы остановились у самой околицы ночевать на прекрасной родниковой речке, текущей в высоких берегах. Солнце садилось; я пошел с ружьем вверх по речке. Не прошел я и ста шагов, как вдруг пара витютинов (название диких голубей), прилетев откуда-то с поля, села на противоположном берегу, на высокой ольхе, которая росла внизу у речки и вершина которой как раз приходилась на одной высоте с моей головой; близко подойти не позволяла местность, и я, шагах в пятидесяти, выстрелил мелким бекасинником. Для такой дроби расстояние было далеко; оба витютина улетели, а с дерева упала крестьянская девочка... Всякий может себе представить мое положение: в первое мгновение я потерял сознание и находился в переходном состоянии человека между сном и действительностью, когда путаются предметы обоих миров. По счастью, через несколько секунд девочка, с большим бураком в руках, вскочила на ноги и ударилась бежать вниз по речке к деревне... Не стану распространяться в описании моего испуга и изумления. Бледный, как полотно, воротился я к месту нашего ночлега, рассказал происшествие, и мы послали в Кротовку разведать об этом чудном событии; через полчаса привели к нам девочку с ее матерью. По милости божией, она была совершенно здорова; штук тридцать бекасиных дробинок исцарапали ей руку, плечо и лицо, но, по счастью, ни одна не попала в глаза и даже не вошла под кожу. Дело объяснилось следующим образом: двенадцатилетняя крестьянская девочка ушла тихонько с фабрики ранее срока и побежала с бураком за черемухой, которая росла по речке; она взлезла за ягодами на дерево и, увидев барина с ружьем, испуга-*

лась, села на толстый сучок и так плотно прижалась к стволу высокой черемухи, что даже витютины ее не заметили и сели на ольху, которая росла почти рядом с черемухой, несколько впереди. Широко раскинувшийся заряд одним краем своего круга задел девочку. Конечно, велик был её испуг, но и мой не меньше.».

АБДУЛ-ЗАВОД

«Наконец в Бугурусланском уезде, около Абдулловского казенного винного завода, показались леса.»

В селе Абдул-Завод когда-то был большой винокуренный завод, который сохранился до наших дней. Через него неоднократно проезжал С.Т. Аксаков, направляясь в Серноводск или в имения, находившиеся в Симбирской губернии. Село расположено в красивой лесистой местности с пересечённым рельефом в верховьях реки Аманак – притоке реки Кинель.

СЕРГИЕВСК И СЕРНОВОДСК

«Переправившись через Волгу под Симбирском, дедушка перебил поперек степную ее сторону, называемую луговою, переехал Черемшан, Кундарчу, через Красное поселение, слободу селившихся тогда солдат и приехал в Сергиевск, стоявший на горе при впадении реки Сургута в Большой Сок. Сергиевск – ныне заштатный город, давшей свое имя находящимся в двенадцати верстах от него серным источникам, известным под названием Сергиевских серных вод. Чем дальше углублялся дедушка в уфимское наместничество, тем привольнее, изобильнее становились места.»

«…это было дикое место на нагорной стороне степной речки Большой Сургут. Серные ключи били из подошвы небольшой горы и ручьями втекали в огромный четвероугольный, крепко срубленный из толстых дубовых бревен бассейн, построенный необычайно прочно и почти до краев наполненный осевшею серою.»

«Будучи еще очень молодым охотником, ехал я в исходе июля, со всем моим семейством, на серные Сергиевские воды.»

Несколько поколений аксаковской семьи бывали в этих местах.

Сергиевские минеральные воды расположены на Серноводской возвышенности, к которой примыкает гора Шихан. Она знаменита тем, что на ней произрастают редкие травы, которые не встречаются больше нигде в области. С этим местом связаны загадочные явления природы: из известково-доломитовых пород вытекают сероводородные источники, которые образуют незамерзающее бирюзового цвета Голубое озеро, имеющее круглую форму.

Озеро получило свое название за интенсивную изумрудно-голубую окраску воды. Расположено в карстовой воронке, этим объясняется круглая форма. Вода в озеро поступает из мощных глубинных сероводородных источников, с постоянной температурой 7,3°С. Озеро не замерзает зимой. До наших дней о Голубом озере бытуют легенды. Одна из них о том, что, если заплыть на середину озера, человека могут утянуть на дно исходящие из глубины гигантские пузыри; другая – о том, что якобы, иногда люди находили всплывшие просмоленные доски с загадочными письменами. Многие до сих пор верят, что озеро бездонно.

Село Сергиевск было основано в 1703 году и первоначально являлось крепостью. В начале восемнадцатого столетия о содержащих серу источниках стало известно Петру 1, и он повелел основать там завод по производству серы, необходимой для изготовления пороха, в котором Россия очень нуждалась.

Народ, свезенный сюда на работы из разных мест, часто болел и находил спасение только в источниках, располагавшихся недалеко от села. В 1717 году для исследования их целебных свойств был отправлен лейб-медик российского императора Готлиб Шобер, который первым дал научное сообщение об использовании серных вод. В своем заключении он писал: «...имея чесотку, коросту и другие нечистоты на коже, обыкновенно напиваются ключевой воды и потом садятся в ручей, где сидя несколько часов, избавляются от всякой сыпи».

О серном источнике оставили упоминания все видные исследователи природных богатств края. Так, П.И. Рычков в своем известном труде «Топография Оренбургской губернии», впервые опубликованном в 1762 году, сообщает, что «серы горючей и нефтяных вод находят тут много». В 1771 г. Иван Лепехин в «Дневных записках» отмечал: «Всякий врач довольно знает сколь истонченная и с водою смесившаяся сера проницательна во всяких наружных болезнях, в закожных болях, в ломоте членов и прочая... Одной теплоты в них недостает; да и сие можно предварить грением». А известный исследователь края, профессор натуральной медицины П.С. Паллас дал следующее заключение об источнике: «...воды превосходно могут служить к наружному и

Сергиевские минеральные воды

внутреннему употреблению во время всяких болезней на теле, да может быть и внутренно подавать немалую пользу во многих долговременных и почти неизлечимых болезнях». И заметил также, что и скот пробил тропинку к источнику, «ибо он стремится к серной воде и после того очень здоров бывает».

В 1810 году по приглашению оренбургского губернатора источники исследовал профессор Казанского университета К.Ф. Фукс, тот самый, у которого Сергей Аксаков учился натуральной истории в Казанском университете. Он сделал подробный химический анализ минеральной воды и подтвердил ее высокие целебные свойства. Именно Фукс впервые упомянул о применении в лечебных целях грязей – озерной «тины» – как её тогда называли. Впоследствии профессор практически каждый год в летние месяцы ездил на серные воды как практикующий врач и имел большой авторитет среди пациентов.

В самом начале XIX века серноводный источник уже стал приобретать популярность среди окрестных помещиков и купцов. Они приезжали сюда семьями, образуя своеобразное «водяное» общество. Хотя условия жизни и лечения напоминали цыганский табор, так как бытовую утварь, а также ванны, котлы и многое другое отдыхающие привозили с собой, да и сами лечебные ванны они принимали или в землянке, или на открытом месте, жизнь на водах протекала привольно и беззаботно: гуляли, ели, знакомились и веселились. Для помещиков глухих степных районов поездка на воды была единственным развлечением. Интересные сцены такой жизни приводит С.Т. Аксаков в неоконченной повести «Наташа», в которой рассказает о трагической истории первого замужества своей сестры Н.Т. Карташевской.

Только в самом начале 30-х годов был принят план устройства курорта и выделены для этого большие деньги. В 1832 году его открыли официально, хотя фактически это произошло лишь спустя год, когда были построены мужской и женский ванники (каждый на 16 ванн), гостиница, ресторан,

театр и другие каменные здания. Лечебный сезон открывался 15 мая и заканчивался 15 августа. Была введена должность главного врача, который устанавливал показания и противопоказания для лечения, назначал курсы минеральных и грязевых ванн, внутреннего приема минеральной воды, душа из холодной серной воды, паровой бани, ингаляций, примочек из серной воды, глазных примочек, клистиров из сероводородной воды. После приема ванн больным рекомендовалось отдыхать, а затем попить горячий чай, шоколад или кофе. Вот как описывает свой быт и условия лечения Иван Сергеевич Аксаков, прибывший в 1848 году сюда на лечение от золотухи.

«Наконец нашел я Воейковых, которые нанимают порядочную квартиру, обклеенную белой бумагой, с двумя ваннами и платят за это 300 р. С ними бочка, лошадь, повар, люди и всякие припасы. У их хозяина на том же дворе, но совершенно особо, нашел я флигелёчек, который и нанял за 115 р. Три перегороженные комнатки: одна кабинет, другая спальная, третья моего человека, четвертая ванник. Стол – диетный – будет у меня общий с ними. Если, в случае сырой погоды, мне нельзя брать ванны в казенном заведении, ибо не позволяют тогда и выходить из комнаты, то мне за безделицу кучер привезет воды, котлы есть, и нагреть ее нетрудно.

Вчера же виделся с доктором Пупыревым, говорят, лучшим здесь. Он дал мне касторового масла, сказал, что необходимо мне успокоиться и отдохнуть с дороги и с завтрашнего дни велел начать воды, сначала по одному стакану поутру и ввечеру, в субботу два поутру и ввечеру и т. д. После каждого стакана ходить четверть часа, и после ходьбы, натощак, поутру ванну в 28 градусов: сидеть полчаса, да ввечеру ванну в 27 градусов, сидеть 15 минут. Хотя и предписана диета, но употребление мяса дозволено: он говорит, что мне как золотушному оно полезнее другой пищи, разумеется, все в небольшом количестве, почему

мы и обедаем раз в день, в час пополудни. Покуда я пребыванием своим на Серных водах доволен до чрезвычайности.»

Очень скоро Серноводск получил название «Дворянские воды»: богатые помещики настроили здесь собственные дома и дачи. Мать писателя Мария Николаевна часто приезжала сюда на лечение грязями и водой. Известно, что она и скончалась в 1833 году по дороге из Сергиевских вод.

Иван Сергеевич очень подробно писал родителям о Серноводске, сожалея, что не может вместе с ними разделить радость от этой красоты.

«Как хороши эти мягкие, зеленые степи, этот ковыль с таким живописным названием, наконец мною увиденный, этот чернозем, тучный и жирный, эти многоводные реки. Да, милый отесинька, вспомнил я Ваше описание: верно и живо передает оно этот край. В этом можно убедиться, посетив его. Не видал только я ни башкир, ни калмыков, ни татар. Проезжал я через Черемшан! Хотелось бы мне побывать здесь везде с Вами. Серные воды – место преоригинальное.

Сама деревня лежит на холмах и между гор – кругом горы. Вверху сад и разные каменные здания, казармы, квартиры докторов и т. п. Тут же на горе, над самым серным прудом каменный дом или лучше одна зала, назначенная для Собрания, которое еще не начиналось. Направо в саду еще какое-то здание с книжною лавкою, гостиницею (без нумеров), бильярдом и т. п., что все еще не открывалось. Вид оттуда превосходный. Внизу лестница, сходящая уступами к ключам, терраса, ниже их пруд, образуемый серными ключами, пруд, из которого вытекает так называемая молочная река. По обеим сторонам пруда казенные строения для ванн; за прудом парк, довольно большой и тенистый, в нем протекает эта молочная река и, кажется, соединяется с Сургутом. За парком – луговина, горы и вдали извивается многоводный Сургут. Местоположение очень хорошо».

Серноводск становился модным местом. Количество отдыхающих постоянно увеличивалось, но по-прежнему лечиться приезжала лишь пятая часть, а для большинства пребывание на курорте было возможностью весело провести летнее время.

Отдых на водах использовали для знакомства с целью флирта или женитьбы. Публицист Н.А. Демерт в своей статье о Сергиевских водах писал: «Здесь ярче, чем где-либо бросалась в глаза блестящая, счастливая внешняя обстановка помещичьей жизни. Везде цветы, музыка и веселье, беззаботные лица. Летом, когда серноводская ярмарка невест была в разгаре, с террас раздавались звуки фортепьяно, слышалось пение в итальянском вкусе на бугурусланский манер».

Иван Сергеевич также повстречал здесь очень колоритную фигуру местного помещика, о чем не преминул написать родителям: *«Да! вот я и забыл сказать вам про слона здешнего. Сюда приехал Дмитрий Назарович Путилов. Вы про него, конечно, слыхали? У него здесь несколько домов, все обзаведение и даже оркестр (впрочем, очень плохой) из собственных людей. Он богатейший помещик и туз Самарского уезда, холост, лет 50, дюжий, широкоплечий, толстый, черный, складом похож на Собакевича, служит по коннозаводству, имеет в распоряжении своем все казенные конюшни уезда и по этому случаю носит военный сюртук и бакенбарды посреди щеки от виска до верхней губы. Кстати тут сказать, что изобилие усов в здешнем краю приводит меня просто в отчаяние. Носятся слухи, что он был под судом за то, что убил крепостного своего человека до смерти и оставлен по этому предмету в подозрении; был под судом и за то, что в молодости еще, собрав всех горбатых по уезду, приискал им горбатых невест, обвенчал их в церкви и потом сделал им бал.*

Вообразите, что этот человек не только не глупый, но даже умный и чрезвычайно начитанный. Пропасть знает и все следит, но, избалованный помещичьим самовластием и раболепством самарских жителей донельзя, доволен тем, что есть; всех

богаче и всех умнее, он потешается над ними, ругает их всех в глаза, особенно же чиновников, которые в отмщение сочиняют на него доносы, никого не боится, пишет на их счет стишки (а стихом он владеет довольно хорошо) и живет, однако же, с ними! Слава богу, он холост; Ник(олая) Тимофеевича) и Гришу превозносит всюду до небес».

Сам Иван Сергеевич предпочитал на водах ни с кем не сближаться; он общался с двоюродным братом А.В. Воейковым и его женой Александриной, ездил осматривать окрестности, перечитывал Шекспира. Самой увлекательной была поездка на Голубое озеро.

«Наняв дроги, отправился я с Воейковым на Голубое озеро. Хозяин наш, который нас и вез, сначала показал нам пещеру, верстах в 8 от Серных вод. Пещера эта вся алебастровая; до дна ее или конца никто никогда не доходил. Вообразите: подле нее жар страшный от солнца; полшага вперед, под пещеру: там несколько градусов холоду, сосульки ледяные и даже снег. У нас есть намерение одеться потеплее и спуститься туда на веревках, с факелами, да вряд ли это состоится, потому что доктор не позволит. Оттуда проехали на нефтяные ключи и видели черную нефть, плавающую на воде, а оттуда на Голубое озеро. Что за красота! Я ничего подобного и представить себе не мог! Оно голубо от преломления лучей в этой светлой серной воде. Озеро или озерцо глубоко, говорят, до 20 саженей и идет вниз воронкой. Мы бросали камни, и по крайней мере вы целую минуту можете проследить падение камня, постепенно голубеющего, до тех пор, пока его не станет видно. Но еще краше сама степь, и горы, и ковыль! Что за роскошь! Дикое вишенье, дикие персики, сухие и седые болота, камыш по Тунгуту, журавли, утки, разная дичь, пространство, видное на 40 верст кругом, местами дубняк, ковыль в цвету... Зачем Вас нет с нами, милый отесинька. Я не могу без слез подумать о том, каковы были бы Ваши впечатления и ощущения!.. Надо, надо еще раз съездить в Оренбургскую губернию.»

В разные годы на курорте побывало много известных людей: математик Н.И. Лобачевский, писатели Н.Г. Гарин-Михайловский и В.А. Соллогуб, композиторы А.А. Алябьев и А.Г. Рубинштейн и др.

Сегодня Сергиевские минеральные воды – современный курорт, оснащенный новейшим медицинским оборудованием и принимающий на лечение пациентов с заболеваниями профессиональными, опорно-двигательного аппарата, кожи, сердечно-сосудистой и нервной систем.

САМАРА

«Много пронеслось годов, много свершилось событий: был голод, повальные болезни, была пугачёвщина. Шайки Емели распугали помещиков Оренбургского края, и Степан Михайлович со своим семейством также бежал, сначала в Самару, а потом вниз по матушке по Волге, в Саратов и даже в Астрахань. Но всё прошло, всё успокоилось, всё забылось. Одни подросли, другие возмужали, третьи постарели; разумеется, в числе третьих был Степан Михайлович.»

Самара тесно связана с родом Аксаковых. В суровые пугачёвские времена в Самаре недолго проживал дед писателя С.М. Аксаков. В разные годы по делам бывал здесь и Сергей Тимофеевич. Но в наибольшей степени с Самарой связана жизнь его сына Григория Сергеевича Аксакова.

В 27 ноября 1855 года по 21 сентября 1858 годах Г.С. Аксаков служил в Самаре вице-губернатором при губернаторе К.К. Гроте. Как указано в формулярном списке о службе Г.С. Аксакова, за этот период он четырежды «исправлял должность гражданского губернатора»; последний раз с ноября 1856 по декабрь 1857 года. Константина Карловича Грота называли «неподкупным губернатором». Известно, что он активно боролся с чиновничьей коррупцией и окружал себя грамотными, честными молодыми чиновниками. С Григорием Сергеевичем его свя-

зывала личная дружба. Одинокий Грот любил бывать в гостеприимном доме Аксаковых, где, как и он, ценили литературу, театр. За годы вице-губернаторства Григорий Сергеевич многому научился у прямого и строгого Грота и в административной работе, и в общественной деятельности.

Почти через десять лет Григорий Сергеевич вернулся в Самару уже губернатором, чтобы продолжить самоотверженную и бескомпромиссную деятельность на благо процветания губернии. Не случайно современники писали о самарском губернаторе Г.С. Аксакове: «Благодушный человек, он старался в своей административной деятельности руководствоваться законом и требовал того же от своих подчиненных». Он считается одним из лучших губернаторов Самары. На этой должности Григорий Сергеевич успешно прослужил до 1872 года. При нём город быстро и успешно развивался.

В брошюре «40-й день кончины Г.С. Аксакова», изданной в Самаре в 1891 году, рассказывается о том, «как послужил народу Григорий Сергеевич в тяжёлую годину испытаний нашего края, как он ездил по Самарской губернии и раздавал хлеб во время голода, положив на себя самого на всё это время народного бедствия строгое воздержание от всякого излишества. Этот добровольный пост имеет цену в характеристике Григория Сергеевича, как понимание им того духа, в котором должен совершаться подвиг любви».

Здесь же приводятся проникновенные слова о личности Г.С. Аксакова: «Всей своей жизнью он доказал, что русский человек может служить отечеству одинаково честно и на государственной, и на земской, и на сословной службе именно потому, что служение земле русской не предполагает ни на каком поприще борьбу каких-либо политических начал».

За «образованность и гуманность» ценили современники Г.С. Аксакова. В последние годы, когда по состоянию здоровья он отказывался быть предводителем дворянства, его удержали

благодаря вескому доводу: «для работы найдутся другие, а нужен он дворянству лично, как нравственная сила».

Г.С. Аксаков как губернатор был по достоинству оценён современниками. В 1873 г. он получил звание почётного гражданина Самары, в 1874 г. в Самарской губернской мужской гимназии учреждены десять стипендий имени Г.С. Аксакова.

О народной любви к Г.С. Аксакову говорит факт, что гроб с его телом крестьяне Страховской волости, где было его имение, от станции Марычевка несли на руках 18 верст до деревни Страхово, в которой он был похоронен.

Называя аксаковские места в Самаре, мы, в первую очередь, руководствовались прогрессивной деятельностью Г.С. Аксакова как губернатора и благотворительными делами его супруги Софьи Александровны.

УГОЛ УЛИЦ ФРУНЗЕ И КРАСНОАРМЕЙСКОЙ

Дом, в котором проживала семья Г.С. Аксакова в период его губернаторства, стоял на углу улиц Фрунзе и Красноармейской (бывшие Саратовская и Алексеевская). Он не сохранился, и сегодня здесь небольшой сквер на террасе. Усилиями Департамента культуры города Самары, общественности под руководством Самарского регионального общественного фонда содействия развитию культуры и нравственности «Всенародное достояние» на этом месте разрабатывается архитектурно-художественный проект Аксаковского сада «АленькойцветочекЪ». Скульптор И.И. Мельников создал макет памятника, представляющего фигуры Сергея Тимофеевича Аксакова, его сына Григория и внучки Оленьки.

ГОРОДСКАЯ ДУМА

В 1870 году в губернии было введено в действие «Городовое положение», в соответствии с которым начали действовать городские выборные органы самоуправления: Дума и Управа как орган исполнительной власти в городе. По положению, утвер-

жденному Александром II, городская Дума становилась всесословной.

Первое заседание Самарской городской Думы открывал губернатор Г.С. Аксаков. Была утверждена структура Думы, которая состояла из четырех столов (отделов): I – распорядительный, II – хозяйственный, III – рекрутский, IV – по сбору налогов с недвижимого имущества. Городская Дума осуществляла налоговую политику, формировала бюджет города, который утверждался ежегодно.

Замещение должностей в органах городского самоуправления происходило путем выборов раз в 4 года. Выборы в Городскую Думу проводились по трем «избирательным съездам» – крупных, мелких и средних налогоплательщиков. Каждая из этих трех групп выбирала треть состава городской Думы.

Первая избранная по новому Городовому положению Самарская Дума состояла из 72 гласных (депутатов): купцов – 57, дворян и чиновников – 9, мещан - 4, один казак и один священник; состав второй Думы: купцов – 39, дворян и чиновников – 11, мещан – 20, один крестьянин и один студент. Первое заседание, которое состоялось третьего февраля 1871 г., открыл губернатор

Городская Дума в Самаре

Г.С. Аксаков. В приветственном слове он выразил уверенность в том, что «избрание в должности городского общественного управления падет на лиц, вполне отвечающих требуемым для этого условиям по нравственному и беспристрастному сознанию избирателей». Первым Городским головой избрали купца первой гильдии Василия Ефимовича Буреева. Городской Голова сочетал в своей компетенции распорядительные и исполнительные функции. Членами городской Управы стали купец второй гильдии В.П. Горинов, потомственный почетный гражданин Ф.Д. Щеткин, коллежский асессор Н.И. Эссен и мещанин С. Т. Колпаков.

В 1867 г. Дума заключила шестилетний контракт с купцом второй гильдии Назаровым М.И. об аренде двухэтажного каменного дома, находившегося в 40-ом квартале (ныне ул. Куйбышева, 79) на Алексеевской площади (современная пл. Революции). В здании разместились: Дума, Сиротский и Словесный суды, ремесленная управа. Сегодня это здание занимают офисы коммерческих организаций.

ОКРУЖНОЙ СУД

При губернаторстве Г.С. Аксакова на должный уровень было поставлено судебное дело: открыли окружной суд, ввели суд присяжных и учредили адвокатуру. Первая коллегия присяжных поверенных состояла из десяти человек. А первое публичное разбирательство с присяжными заседателями состоялось 9 февраля 1871 года.

Здание Самарского окружного суда в г. Самаре на Алексеевской площади было построено в 1857 году купцом А.Ф. Световым и в течение 10 лет использовалось им для своих торговых нужд. В 1867 году здание осмотрел губернатор Г.С. Аксаков и определил его для Самарского окружного суда. В апреле 1867 года архитектор Губернской управы Н.Ф. Теплов подготовил проект реконструкции здания, а в 1869 году оно по решению казенного суда у Светова А.Ф. было отчуждено за неуплату нало-

гов и передано в казну. 25 ноября 1870 года это здание занял окружной суд.

«Самарский окружной суд был торжественно открыт 25 ноября 1870 года в присутствии губернатора Г.С. Аксакова. Указ о его создании и приказ о назначениях прочитал старший председатель Казанской судебной палаты, тайный советник, сенатор, князь М.Н. Шаховский. Все чиновники суда приняли присягу. Торжество проходило во вновь построенном здании окружного суда на Алексеевской площади. Первым председателем Самарского окружного суда стал Н.М. Окулов, первым прокурором новой формации А.А. Головинский», - пишет о церемонии открытия В.П. Алабин.

Самарский областной суд и по сей день располагается в этом здании (ул. Куйбышева, 60).

ТИПОГРАФИЯ

Григорий Сергеевич Аксаков с детских лет впитал интерес к чтению и образованию – так было принято в литературной семье Аксаковых. Поэтому заботы о просвещении народа, вопросы гласности и осведомленности населения интересовали его как губернатора.

В 1867 в Самаре начала издаваться ежедневная справочная газета «Самарский справочный листок», выходившая до 1888 года. Издателем и редактором был А.М. Флоров. С 1 января 1869 года в городе стала выходить ежедневная газета «Правительственный вестник» – официальный орган правительства, в котором публиковались достоверные сведения о событиях и фактах из жизни губернии. А 25 сентября 1870 года в Самаре была открыта губернская земская типография.

ГОРОДСКАЯ ПОЧТА

Не раз Г.С. Аксаков просил губернскую земскую управу рассмотреть предложение Оренбургского генерал-губернатора об устройстве прямого почтового сообщения между городами

Здание почты в Самаре

Уральском и Самарой, поднимал вопрос о необходимости создания телеграфной линии через города Николаевск, Бугуруслан, Бугульму и Самару. Его волновало состояние почтовых станций. Заботы о почтовом ведомстве увенчались успехом: в январе 1872 года в Самаре была открыта городская почта и установлено телеграфное сообщение со всей Россией. В настоящее время в здании по ул. Ленинградской, 24 на пересечении с ул. Куйбышева, 82 располагается самарский Главпочтамт (99 отделение связи).

ГОРОДСКОЕ БЛАГОУСТРОЙСТВО

Григорий Сергеевич всегда поддерживал инициативы земства, направленные на обустройство дорог и строительство мостов, развитие связи и транспорта, устроение в Самаре водопровода; настаивал на строительстве шоссе, протяженностью семь верст;.он входил во многие тонкости реальной жизни, желая улучшить её. Так, его беспокоило отсутствие теплых тюремных помещений, тревожили частые пожары в сельских местностях. Всегда во внимании губернатора были вопросы борьбы с пьянством, особенно в сельской местности.

КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОР

25 мая 1869 в Самаре состоялась закладка кафедрального собора во имя Христа Спасителя, который строился 25 лет.

Сооружение кафедрального собора задумывалось давно, не раз посылал на утверждение Григорий Сергеевич варианты проекта собора, но началу строительства мешали какие-то причины. Покушение на Александра II 4 апреля 1866-го года странным образом ускорило процесс принятия решения о строительстве Храма с приделом Святого Благоверного князя Александра Невского – небесного покровителя монарха. Городская Дума выделила 15 тысяч рублей на подготовительные работы. Был создан комитет по сооружению собора, в состав которого вошли уважаемые граждане Самары и соседних областей, среди которых был губернатор Г.С. Аксаков.

Кафедральный собор предполагалось построить на самой просторной площади города – Соборной (ныне площадь им. Куйбышева). Тогда на этом месте находились частные дома и хозяйственные строения: 102 дворовых места, принадлежавших разным владельцам. Не без участия губернатора вся земля была выкуплена; желающим предоставлены другие земельные участки или денежные компенсации. Только после того, как расчистили площадь под храм, состоялась его торжественная закладка.

Проект массивного двенадцатиглавого храма в неовизантийском стиле с 75-метровой колокольней разработал петер-

Кафедральный собор в Самаре

бургский архитектор Э. Жибер. Он был рассчитан на 2500 человек. Собор строился на самой высокой точке города и был хорошо виден с Волги. Григорий Сергеевич, хотя и не дожил до освящения собора, которое состоялось в 1894 году, мог видеть отстроенное здание во всём великолепии и грандиозности.

В 30-х годах XX века из-за невозможности разобрать собор на кирпичи его взорвали. Сейчас на этом месте стоит Дворец культуры им. В. Куйбышева, известный в народе как областной театр оперы и балета. Единственным напоминанием о том, что когда-то в Самаре стоял один из величественнейших соборов Поволжья является крест, установленный в парке рядом со зданием. Без надписей и должного обустройства, он вызывает у горожан и гостей недоумение и вопросы.

ПОКРОВСКИЙ САД

Город Самара славится своими парками и садами. Еще будучи вице-губернатором у К.К. Грота, Г.С. Аксаков помнил, с какой любовью тот занимался обустройством знаменитого самарского Струковского сада. В первый же год собственного губернаторства Григорий Сергеевич предпринял попытки организовать в городе еще один городской сад – Покровский – на месте старинного кладбища. При участии «купца Шихобалова, пожертвовавшего 2000 р. на обнесение этого сада, в котором покоится прах предков и родных жертвователя, новой оградой, город обратил на этот сад усиленное внимание».

«В настоящее время, – пишет в 1886 году П.В. Алабин, – сад этот обнесен деревянною в каменных столбах резною решеткою и, несомненно, в скором времени разрастётся и доставит значительные удобства окрестным жителям, в особенности их детям».

Огромное внимание губернатор Г.С. Аксаков уделял здравоохранению. Его волновало недостаточное количество

врачей и слабая оснащенность больниц. В обращениях к земству он постоянно говорил о необходимости строительства новых больниц и фельдшерских пунктов в губернии. В первый же год его губернаторства при Самарской губернской земской больнице были открыты фельдшерская школа и школа повивальных бабок с родильным домом на десять коек. Первый выпуск повитух состоялся шестого августа 1869 года, а фельдшеров – в июле 1870 года.

Крупным событием в губернии стал Первый съезд земских врачей Самарской губернии в 1872 году. Были рассмотрены вопросы организации земской медицины в уездах, создания особых инфекционных больниц и аптекарского дела в Самаре. «Выступивший перед участниками съезда председатель губернской земской Управы А.Н. Хардин, – пишет Поддубная Р.П., – прочитал отношение губернатора Г.С. Аксакова, в котором сообщалось, что Министерство внутренних дел разрешает периодически проводить съезды самарских врачей».

ЗЕМСКАЯ БОЛЬНИЦА

20 февраля 1872 года Самарское губернское земское собрание приняло решение о строительстве новых помещений земской больницы на 403 места. Строительство должно было осуществляться по плану архитектора профессора И.В. Штрома по барачной (павильонной) системе около Молоканского сада в Самаре. В настоящее время это городская клиническая больница №1 им. Н.И. Пирогова (ул. Полевая, 80).

Также большое внимание Григорий Сергеевич Аксаков уделял народному образованию. За годы его губернаторства было открыто: 3-е мужское городское приходское училище в Самаре, приходские училища и земские школы в губернии. Обеспокоенный состоянием земских школ, не раз губернатор обра-

щался к земскому собранию о необходимости совершенствования форм народного образования.

ШКОЛА СЕЛЬСКИХ УЧИТЕЛЬНИЦ

Первого сентября 1872 года в Самаре была открыта земская школа сельских учительниц для подготовки учителей в сельские земские школы. Она располагалась на пересечении улиц Алексеевской (Красноармейской) и Николаевской (Чапаевской). Два года губернатор Аксаков при поддержке земских деятелей Л.Б. Тургенева и А.Н. Хардина вел переписку с Министерством народного просвещения, отстаивая подготовленную земством программу и устав школы для подготовки сельских учительниц. И, как пишет историк Р.П. Поддубная, «министерство не устояло перед настойчивостью самарцев и, наконец, дало согласие на открытие земской школы».

Об устройстве школы интересно рассказывает П.А. Алабин: «По уставу, в школу учительниц был свободен доступ девицам всех сословий, не моложе 13 лет. Учение в школе продолжается четыре года, а для недостаточно подготовленных, не могущих поступить в 1-й класс – шесть лет, так как при школе существует приготовительное отделение, с двухгодичным курсом. Поступающие в 1-й класс обязаны уметь читать и писать, знать первую часть арифметики и краткий катехизис. В школе преподается: Закон Божий, священная история Ветхого и Нового Заветов, толкование Евангелия, объяснение богослужения и история русской церкви; русский язык – этимология, синтаксис и ознакомление с лучшими произведениями русской словесности, причем обращается особое внимание на отчетливое усвоение учащимися грамматики, на устные рассказы и письменное изложение; история всеобщая и более подробно русская; арифметика; геометрия; общие понятия из алгебры; систематическое объяснение главных физических явлений природы; педагогика и дидактика; методика отдельных предметов; черчение и рисование; пение, и

рукоделие, и гимнастика. Кроме того, в прошедшем году (1871) земство постановило обучать воспитанниц школы какому-либо ремеслу, и ныне для этого избрано башмачное ремесло. Для практического усвоения педагогических приемов воспитанницы обязаны заниматься преподаванием в начальной школе, состоящей при заведении в виде приготовительных классов».

Открытию школы предшествовало ещё одно важное и прогрессивное дело в губернии. Вот что пишет об этом Р.П. Поддубная: «Г.С. Аксаков поддержал предложение председателя Самарской земской уездной управы П.С. Крылова о проведении съезда сельских учителей «для ознакомления их с новыми улучшенными способами преподавания». Дело было новым. Известный деятель просвещения Н.А. Корф провел первый такой съезд в Александровском уезде Екатеринославской губернии в 1869 году. Аксаков направил соответствующие бумаги в Министерство народного просвещения и в Казанский учебный округ, не преминув заметить, что съезд будет проводиться на средства земства. Разрешение было получено. И вот 15 июля 1870 года в Самаре, в зале уездной земской Управы в присутствии губернатора Аксакова открылся уездный съезд сельских учителей. Это был первый в России съезд учителей, проведенный в губернском центре».

ЖЕНСКАЯ ГИМНАЗИЯ

Интересна история открытия в Самаре женской гимназии. Она началась ещё в годы вице-губернаторства Г.С. Аксакова и касается благотворительной деятельности его жены.

Как пишет в своем фундаментальном труде «Трёхвековая годовщина города Самары» П.А. Алабин, «потребность дать приличное образование своим дочерям издавна сказывалась в жителях г. Самары, но потребность эта возросла с открытием губернии, а между тем, до 1855 года, в Самаре не было ни одного, правильно организованного, училища для девиц.

С открытием губернского города в Самаре об устройстве женского училища начали заботиться лица, составляющие местную интеллигенцию. …Одним словом, пользовались всяким случаем увеличить необходимый капитал для устройства училища. Для достижения прибегли к добровольным пожертвованиям, к устройству лотерей, лотерей-аллегри, литературно-музыкальных вечеров, домашних спектаклей, концертов. Спектакли любителей в пользу женского училища устраивались неоднократно. Сколько нам известно, более значительные из них доставили следующие средства училищу: в 1857 спектакль, устроенный супругою вице-губернатора С.А. Аксаковой, принес 1000 р., в 1858 четыре спектакля, устроенные супругою местного помещика С. М. Мордвиновой (дальней родственницей Аксаковых – *прим. сост.*), дали 2700 руб. Энергичные усилия общества весьма скоро увенчались успехом. И 7 августа 1859 год после торжественного молебна, совершенного преосвященным Феофилом, женское училище 1-го разряда в Самаре было открыто». Сегодня в этом здании находятся Министерство образования и науки, Правительство Самарской области (ул. Комсомольская,16).

Когда Софья Александровна вернулась вместе с мужем в Самару, она продолжила заниматься делами училища, возглавляя его Попечительский совет. И, если в 1867/68 годах училище еще было трехклассным, то, как пишет П.А. Алабин, «с увеличением его материальных средств в названном году в нем открыто пять классов, а в 1868/69 уч. году оно было преобразовано в 6-классное» и располагалось «в собственном каменном двухэтажном доме на одной из лучших улиц города».

В следующем учебном году, по данным Алабина, «воспитанниц было 125; из них дочерей дворян и чиновников 65, духовного звания 9, купцов и мещан 44 и иностранцев 7. В числе этих воспитанниц было православного исповедания 117, римско-католического 36 и лютеранского 5. Обучалось: всем предметам 57 девиц, собственно обязательным 37, всем обязательным и

кроме того: французскому языку 21 и немецкому языку 10 девиц. В названном году окончило курс 5 воспитанниц, из которых одна получила серебряную медаль».

Попечительский совет училища, возглавляемый С.А. Аксаковой, продолжал сбор благотворительных средств в пользу училища. Материальными средствами помогали и губернское земство, и городские общества. Это позволило попечительскому совету «исходатайствовать разрешение открыть при училище педагогический курс» для подготовки «домашних наставниц». «Таковые курсы фактически открыты с 15 августа 1869/70 учебного года и в том же академическом году выпустили четырех девиц со званием домашних учительниц». Среди первых выпускниц педагогических курсов была Александра Леонтьевна Тургенева – мать писателя Алексея Николаевича Толстого.

САМАРСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

В истории Самарской публичной библиотеки Григорий Сергеевич Аксаков принял самое деятельное участие, едва заступив на пост губернатора. Еще будучи вице-губернатором при К.К. Гроте, Григорий Сергеевич не мог не обсуждать со своим глубокоуважаемым руководителем идею создания в Самаре публичной библиотеки. Очевидно, что и «Распоряжение о создании при редакции газеты «Самарские Губернские ведомости» кабинета для чтения» было разработано и написано не без участия вице-губернатора. Оно было опубликовано уже после отъезда Григория Сергеевича из Самары. В 1861 году «кабинет для чтения» был закрыт, а созданная при нём публичная библиотека несколько лет находилась в запустении. Заступив на пост губернатора Самары в феврале 1867 года, Григорий Сергеевич уже в мае выделил для Самарской публичной библиотеки отдельное помещение при Городской думе. Библиотека вновь обрела статус и популярность в городе.

В годы губернаторства Г.С. Аксакова благотворительность в Самаре заметно возросла. Это, вероятно, было связано с тем, что в пореформенное время общественная жизнь становится значимым фактом и приобретает новые формы и объединения.

Интересное наблюдение публичной жизни тех лет дал П.В. Алабин: «В Самарском обществе сказывалось что-то свежее, молодое, особенно в чиновном люде, съезжавшемся сюда со всей России и составлявшем главный контингент местной интеллигенции. Развитию этих свежих новых сил значительно должен был способствовать колонизаторский характер нашего степного края, в котором не могли иметь места те предания, которые преобладали в старинных губерниях, а также свойство местной торговли и промышленности, для занятий которыми сюда наезжали ежегодно на временное житье предприимчивые, оборотливые люди из различных торговых центров. Все это вместе взятое должно было выработать здесь, скорее, чем в каком-либо другом русском городе, живой самостоятельный тип местного общества, более сходный с американским, чем со старинным русским. От этого с первых лет жизни губернского города здесь незаметно сословной розни в обществе, составляющем как бы одно целое. От этого не только чиновник и купец здесь всегда себя чувствовали во всех слоях общества как дома, но даже главная масса городских обывателей – мещане, хотя и существуют отчасти здесь, как и везде, замкнутою жизнью, но представляют больше самобытности и свободы, чем в каком-либо другом городе, и имеют больше, чем где-нибудь, общения с остальным обществом».

Современники отмечали, что именно при губернаторстве Г.С. Аксакова «оживилось общество в своих стремлениях приносить пользу на почве просвещения и благотворительности».

АЛЕКСЕЕВСКИЙ ПРИЮТ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВ

Алексеевский детский приют для мальчиков, в котором содержались круглые сироты или дети из очень бедных семей до десятилетнего возраста, был открыт в Самаре на Николаевской (ныне Чапаевской) улице двенадцатого января 1869 года. Воспитанники обучались письму, арифметике, истории, географии и Закону Божию.

Его открытию предшествовала длительная история благотворительных дел самарцев. Вот как об этом рассказывает П.В. Алабин: «Алексеевский детский приют для мальчиков – старейшее учреждение этого рода в Самаре. По крайней мере, мысль об его основании современна торжеству переименования Самары из уездного города в губернский. На этом торжестве решили ознаменовать этот день положением начала детскому приюту, для чего по состоявшейся тут же подписке собрано было 3100 р. и вслед за сим испрошено Высочайшее разрешение на его открытие и наименование Алексеевским, в честь патрона города, Святителя Московского Митрополита Алексия.

Но этих денег, очевидно, было слишком недостаточно для осуществления задуманной мысли. И вот, мало-помалу, то копя проценты с пожертвованного капитала, то устраивая концерты в пользу будущего приюта, благородные спектакли, лотереи-аллегри, то собирая взносы взамен праздничных визитов, то получая различные приношения, к концу 1868 года будущий приют сформировал капитал 15 100 р.

При открытии приюта его попечительницей была супруга губернатора С.А. Аксакова, директором – губернский предводитель дворянства Д.А. Мордвинов и надзирательницей приюта В.Н. Капринская.

В июле 1869 года наследник цесаревич, посетив наш город, пожаловал на постройку дома для приюта 3000 р., поднесенных его высочеству николаевскими колонистами для употребления на благотворительную цель. К этой сумме присоединены

другие пожертвования, особенно значительная сумма 18 000 р., вырученная от розыгрыша в лотерею деревянного дома и разных дорогих вещей, пожертвованных почетным гражданином Плешановым, и таким образом, в 1871 году, приобретено для приюта прекрасное место, с садом и выстроен для его помещения хорошенький деревянный дом».

Здание не сохранилось, на его месте архитектором А.А. Щербачевым было отстроено новое, в котором ныне располагается Самарский муниципальный университет им. М.В. Наяновой (ул. Чапаевская, 186).

НИКОЛАЕВСКИЙ СИРОТСКИЙ ДОМ ДЛЯ ДЕВОЧЕК

Николаевский сиротский приют был открыт в 1869-ом году, когда окончательно отделали приспособленное под приют здание, а фактически он существовал в Самаре с 1863 года. Содержание в нём сирот, как пишет П.В. Алабин, осуществлялось «на добровольные пожертвования, на суммы, отпускаемые городской Думой, на сбор с одного в год спектакля обязательного для содержателя театра по постановлению Думы, на проценты с образовавшегося у сиротского дома капитала».

Об условиях существования приюта и особой роли попечительниц в нём рассказывает П.В. Алабин в книге «Трехвековая годовщина города Самары»: «В Сиротский дом принимают девочек не моложе 3-х и не старше 10 лет; в заведении они находятся до 15–16-летнего возраста. К концу 1876 года в Сиротском доме призревалось 60 девочек.

Заведение это, находясь в ведении городской Думы, управляется особым попечительским советом, состоящим из почетной попечительницы, в качестве председательницы совета, шести попечительниц (выбираемых часто из купечества – *прим. сост.*) и одного попечителя, который вместе с тем заведует казначейскою и письменною частью. Все эти лица избираются Думою. Городской голова – непременный член попечительного совета».

«Кроме учения в школе при Сиротском доме, здесь учат девочек работам в нарочито устроенной швейной мастерской; их приучают: стирать, гладить белье, приготовлять пищу на кухне. Прислуги нет в приюте в таком числе, чтобы она ходила за призреваемыми; напротив – они сами шьют себе белье и платье; моют себе белье; готовят пищу и вообще занимаются всем хозяйством, по своему дому.

Для руководства девочек и необходимой им помощи, в непосильных работах, при Доме имеются экономка с кухаркой и две прачки. Швейною мастерскою заведует одна из попечительниц Н. И. Шахларёва. Таким образом, мы видим, что это заведение старается научать девушек добывать себе кусок хлеба по достижении известного возраста. Но забота попечительниц о призреваемых девочках этим не ограничивается.

Попечительницы Сиротского дома привязываются к девочкам заведения, как к детям своим, и, когда они оканчивают учение, попечительницы употребляют все средства, чтобы пристроить своих воспитанниц в хорошую семью, в услужение или выдать замуж за порядочного человека. Во всяком случае, попечительский совет снабжает выпускаемую воспитанницу одеждой, бельем и небольшими денежными средствами, а выходящую замуж прямо из заведения – и некоторым приданым».

Почетной попечительницей Сиротского дома была супруга губернатора Софья Александровна Аксакова, которая весьма неравнодушно относилась к заботам и судьбам воспитанниц. Надо сказать, что её дочь – Ольга Григорьевна – также будет известна как «добровольная попечительница» девушек-сирот, помогая им денежными средствами на обучение какой-либо профессии и при выходе замуж.

Здание сиротского дома не сохранилось. На его месте ныне стоит торговый центр «Парус» (ул. Красноармейская, 1а).

САМАРСКИЙ «КРАСНЫЙ КРЕСТ»

4 января 1868-го года было создано Самарское отделение Общества попечения о больных и раненых воинах с Дамским комитетом при нем. Первым председателем Дамского комитета была супруга губернатора – Софья Александровна Аксакова, уже имевшая немалый опыт благотворительной деятельности в Уфе.

«Самарский дамский комитет общества справедливо заслужил своею деятельностью на «пользу общую» всероссийскую известность. Главнейшею заслугою Самарского дамского комитета общества «Красного креста» (как его называют для краткости) – это то благотворное участие, какое он принял в населении губернии, постигнутом бедствием от неурожаев, так резко проявившемся в 1873 году», – писал В.П. Алабин.

ПЕРВЫЙ ГОРОДСКОЙ ТЕАТР

Еще в годы вице-губернаторства Г.С. Аксакова в Самаре начали строить новый деревянный городской театр. Строительство велось по подписке губернатора К.К. Грота. Несомненно, что в сборе пожертвований участвовала Софья Александровна Аксакова, известная не только как театралка, но и как талантливая актриса, выступающая на любительской сцене. Театр на 550 мест открыли в Самаре 16 ноября 1855 года на Полицейской площади, которая располагалась в районе нынешней Хлебной площади. Фасад театра выходил на Волгу.

Известно, что после вице-губернаторства в Самаре Аксаковы с 1861 года жили в Уфе. Здесь-то и пригодился Софье Александровне опыт самарцев по устройству театра. По её инициативе и её старанием за девять месяцев была собрана сумма, достаточная для строительства уфимского деревянного городского театра.

В 1862 году деревянный театр в Самаре обложили кирпичем, и каждый год он требовал достроек и ремонта, но это не мешало самарцам наслаждаться театральным и музыкальным искусством.

При губернаторе Г.С.Аксакове в 1868 году дума передала Самарский городской театр в аренду на три года артисту императорских московских театров А.А. Рассказову, который содержал труппу из 28 актеров и 12 актрис.

«Он привлек в труппу выдающихся артистов русской сцены. В спектаклях выступали Стрепетова, Андреев-Бурлак, Ленский, Корчагина-Александровская, получившие впоследствии всероссийскую известность. Организационную и коммерческую деятельность Рассказов стремился поставить на службу творческой, художественной стороне театра. По его инициативе Г.С. Аксаков в августе 1869 года подписал своеобразный «этический устав» – строгие "Правила службы господ актеров и актрис, служащих при Самарском театре"», – пишет о самарском театре Р.П. Поддубная.

Пятнадцатого января 1870-го года на сцене Самарского театра состоялся дебют 19-летней актрисы Пелагеи Стрепетовой в роли Елизаветы в спектакле по пьесе М.Писемского «Горькая судьбина». «Труппа Рассказова, – вспоминала она, – была первая благоустроенная труппа, какую я, наконец, увидела после почти трехлетнего скитания по провинции».

Р.П. Поддубная приводит интересный эпизод из жизни самарских театралов-любителей. «Большая любительница театра, «сама незаурядная актриса», по воспоминаниям Стрепетовой, устроительница всех любительских и благотворительных спектаклей, С.А. Аксакова «не пропускала почти ни одного представления». Софья Александровна была в числе лиц, симпатизирующих игре Стрепетовой, ее ярой сторонницей. Примечателен такой эпизод. Актеры-любители с участием Аксаковой решили поставить «Маскарад». В то же время Модест Писарев для своего бенефиса выбрал эту же пьесу. Узнав о намечавшемся соперничестве профессиональной и любительской трупп, зрители расхватали билеты там и там. «Маскарад» с Писаревым шел на две недели раньше. Любительская труппа явилась в тот день в полном соста-

ве в театр. Увидев его игру, самарцы во главе с Аксаковой отметили творческую победу актера, как свою собственную, забыв свои амбиции, и вручили Писареву крупную сумму, собранную здесь же, в театре. Свой «Маскарад» любители заменили пьесой, которая не шла на профессиональной сцене».

О том, что театральная деятельность С.А. Аксаковой имела широкий резонанс, можно судить и из воспоминаний П.В. Алабина: «Самарское общество очень любит театр. Сколько-нибудь порядочная труппа на всех своих представлениях имеет обыкновение полон театр зрителей. В том только и дело, что не каждый год суждено самарцам иметь хорошо организованную труппу, хотя бывали годы, когда здешний театр мог доставить истинное удовольствие посетителям». Далее он делает интересное признание: «Но по большей части состав труппы Самарского театра бывает очень неудовлетворителен, и любители театра отводят душу или на представлениях заезжих артистов, нередко посещающих Самару, или в любительских спектаклях, участниками в которых очень часто являлись здесь, особенно во время губернаторства Г.С. Аксакова, действующие лица, с несомненным сценическим дарованием».

ДОМ ДВОРЯНСКОГО СОБРАНИЯ

В 1872 году Григорий Сергеевич «по семейным обстоятельствам» оставил пост Самарского губернатора, и уже после этого, в 1873 г., организовал сбор средств для голодающих крестьян губернии. Он занимался благотворительностью как частное лицо и путем сбора пожертвований, в том числе и из личных средств, обеспечил крестьян продуктами на сумму свыше двух миллионов рублей.

В 1874 году Г.С. Аксакова выбрали в члены губернского земского собрания, а в 80-ые – был гласным Городской думы. С 1884 года до самой кончины в 1891 году он занимал пост Самарского губернского предводителя дворянства.

Дворянские Собрания были губернскими и уездными, обыкновенными и чрезвычайными. Обыкновенные созывались раз в три года. Между созывами выбранные дворянские деятели занимались не только внутрисословными проблемами, но и живо откликались на события общероссийские. Например, во время Крымской войны (1853-55) самарское дворянство сформировало 12 дружин государственного ополчения. На обыкновенных Депутатских Собраниях проводились выборы на должности Предводителя дворянства, заседателей дворянства верховного земского и совестного судов; решались вопросы, предложенные правительством; составлялись капиталы для сословных нужд.

Дом Дворянского Собрания, построенный в 1853 г. по проекту архитектора А. И. Мейснера, занимал площадь в 102 кв. сажени и имел пристрой в 36 кв. саженей. В дворовой части он имел три этажа, а с улицы – два. На первом этаже располагались интернат и пансион для детей малоимущих дворян; на втором этаже – зал для собраний и вечеров, канцелярия и кабинет предводителя; третий этаж занимала семья предводителя дворянства. Во дворе имелись каменные службы (погребцы, каретник, конюшня).

Дворяне владели домом по улице Казанской (ул. А. Толстого, 50) вплоть до 1918 г. Как использовался дом Дворянского Собрания в послереволюционный период, пока установить не удалось, но из устных источников известно, что в начале 50-х гг. здесь размещались семьи военнослужащих.

В истории Самары известны визиты царственных особ. Два самых значительных из них приходятся на годы губернаторства Г.С. Аксакова. Вот как описывает их историк Вадим Карасев:

«22 июня 1869 Александр III, тогда еще цесаревич, впервые побывал в Самаре во время своего волжского путешествия. В тот день прошли официальные встречи, и наследнику от имени самарского дворянства преподнесли фотоальбом с видами горо-

дов и замечательных мест Самарского края. Губернатор Григорий Аксаков подарил цесаревичу труды Самарского статистического комитета. Вечером путешественники побывали на народном гулянье в Струковском саду. Гости слушали украинские, чувашские и мордовские песни в исполнении певцов, одетых в национальные костюмы. После гулянья члены царской фамилии, провожаемые верноподданными самарцами, сквозь предусмотрительно расставленные шпалеры войск вернулись на корабль.

29 августа 1871 года на пароходе прибыл император Александр II с сыновьями Александром и Владимиром. Утром 29 августа 1871 года пароходов дожидалась лодка с тремя рыбаками. После повторного свистка царского парохода лодка направилась ко второму судну. Поравнявшись с ней, пароход остановился. Рыбаки, стоя в суденышке без шапок, кланялись пассажирам. Старик-рыбак со слезами умолял принять и доставить батюшке-царю двух больших живых стерлядей. Когда старику предложили деньги, он ответил: «Нет! Продавать нельзя того, что готовится для царя».

У триумфальных ворот, украшенных гербами Самары и уездов, цветами и снопами пшеницы, императора встречали начальники губернии и города, духовенство, именитые граждане и толпы народа.

Люди теснились на крышах домов, на заборах, судах и лодках. По обеим сторонам дороги, идущей от триумфальной арки к мосткам пароходной пристани, были устроены ряды лож. В них разместились дамы, дети и воспитанники учебных заведений.

Императору преподнесли хлеб-соль и после торжественного приветствия император с наследником сел в экипаж. И тут восторженный народ не выдержал. Опрокинув барьеры, полицию и стражу, самарцы с радостными криками хлынули к коляске и побежали следом, создавая легкую панику. Путь императора и наследника лежал в собор, затем прошло официальное представление дворянства, чиновничества, земских деятелей, смотр воинских частей. К тому времени в Самаре третий год строился новый

кафедральный собор. Начиналась кладка стен, и самарцы попросили царя положить камень в строящийся храм. Приготовили белый прочный камень, вытесанный в форме кирпича, серебряный молоток, лопатку. Александр II аккуратно положил камень в стену. И сыновьям, Александру и Владимиру, тоже повелел положить по камню, что они и сделали.

Гости посетили дворянское собрание, где был устроен большой прием, затем были бегло осмотрены Алексеевский детский приют, епархиальное женское училище, Николаевский сиротский дом. В тот же день Александр II провел смотр войск, которыми царь остался очень доволен.

По окончании обеда в доме дворянского собрания, во время которого пел хор полковой музыки, император вышел на балкон, где его приветствовал народ. Напротив балкона в огороженном пространстве находились депутаты от киргизов, подарившие русскому царю лошадь киргизской породы с седельным прибором. Отметив в городе отличный порядок, чистоту и благоустройство, объявил за то свое «монаршее благоволение» губернатору Григорию Сергеевичу Аксакову.

Григорий Сергеевич получил еще три Высочайших благоволения: за открытие в Самаре окружного суда (1870 г.), за успешную деятельность по взиманию окладных сборов в 1871 г. и за расквартировку войск (1872 г.)».

Всего Григорий Сергеевич с семьёй прожил в Самарской губернии 27 лет. За это время он сменил не так уж много адресов, главным образом, проживая, помимо Самары, в сёлах Страхово и Языково. Но мест, связанных с его деятельностью как губернатора, и как предводителя дворянского собрания, немало; и самарским краеведам предстоит еще работа по их изысканию. Сюда же могут быть отнесены адреса благотворительной деятельности Софьи Александровны как жены губернатора.

СТРАХОВО

Село Страхово находится на р. Кутулук в 24-х км северо-западнее районного центра. Основано в 1749 году поручиком Пензенского полка Василием Михайловичем Страховым. Первоначально оно называлось Кутулук. Вскоре Страхов перевел сюда крестьян из Симбирского и Казанского уездов. В 1781 году деревня приобрела статус села, так как на средства помещицы Анны Ивановны Страховой были построены каменная церковь в честь Святителя и Чудотворца Николая Мирликийского и колокольня. В этом же году село вошло в состав Бузулукского уезда. Страховское поместье было приобретено Г.С. Аксаковым в годы его вице-губернаторства. В 1856 году ему было разрешено сделать внутри церкви перестройку. В 1860 году при церкви открыли церковно-приходское училище, переданное в ведение земства в 1869 году. В 1877 году писарем в волостном правлении Страхово работал народник Иванчин-Писарев, который оставил воспоминания о жизни в имении.

Село расположено на правом берегу реки Кутулук в живописной местности. Сейчас это берег большого Кутулукского водохранилища, созданного на реке. К селу были проложены

Памятный крест в районе захоронения Г.С. Аксакова, 2012 г.

только грунтовые дороги; весной и осенью до него возможно добраться только на тракторах, поэтому жители постепенно переехали в другие места. Сегодня село практически прекратило свое существование, хотя в последние годы предприниматель Владислав Михайлович Афанасьев обустраивает там базу отдыха для рыболовов.

В историческом центре села сохранились остатки здания церкви, но с утратой купольных элементов, крыши, внутренних интерьеров и т.д.

В Страхове похоронен Г.С. Аксаков. С южной стороны у алтаря зафиксирован провал, который мог образоваться в результате обрушения склепа – погребения. В изученных исторических источниках нет четкого указания на место погребения; в ходе полевого осмотра не обнаружено посмертных памятников и монументов. Большинство историков полагает, что погребение и его визуальные признаки были утрачены в первой трети XX века.

В 2011 году на месте предполагаемой могилы Григория Сергеевича на средства В.М.Афанасьева установлен Памятный крест. 26 октября 2011 года в присутствии многочисленных представителей общественности из Башкирии (Уфы), Оренбургской и Самарской областей протоиереем Сергием Ельчаниновым была отслужена панихида и освящен крест. Сохранились остатки старого парка, несколько одиночных сосен в возрасте 130–150 лет; на крутом склоне западной экспозиции размещены искусственно сооружённые террасы, заросшие жёлтой акацией, сиренью и кустами разных пород.

На окраине Кутулукской дубравы в двух километрах от села Знаменка и в пяти – от села Беловка находится Беловский родник. К нему по крутому спуску среди деревьев идёт тропинка. Ключ бьёт из-под корней деревьев и образует небольшой ручей-водопад. Сама дубрава расположена в пяти км северо-восточнее села Беловка в Богатовском лесничестве и занимает площадь 78 гектаров.

ЯЗЫКОВО

Село было основано подполковником Уфимского драгунского полка Александром Михайловичем Языковым, на просьбу которого в апреле 1749 года последовало распоряжение отвести ему земли на реке Тутовля (Кутулук).

Селение стало приданым его дочери Ирины, вышедшей замуж за подполковника Дмитрия Федоровича Апраксина. В 1766-ом году на средства подполковника была построена деревянная Казанско-Богородицкая церковь без колокольни, и село стало называться Богородским. В 1781-м году оно вошло в состав Бузулукского уезда.

Затем его приобрел Григорий Шишков, который вскоре женился на дочери В.П. Языкова – владельца суконной фабрики в селе Языково Симбирской губернии. Видимо, в память о родине молодой жены село и было переименовано в Языково.

Житель села краевед М.Т. Шишканов записал его историю: «На тех улицах, которые назывались Село, Загибаловка, Сухоречка и Куток, жили семьи крепостных крестьян, купленных или выменянных в других поместьях (и на собак). Видимо, поэтому в селе появились фамилии Борзовых, Ганчевых. Коренные жители села при новом хозяине обслуживали барский двор – были дворовыми, а та улица, где они проживали, стала называться Дворовская. Часть жителей крепостными была привезена как приданое невесты и поселена на правом берегу реки Кутулук, и эта часть села стала называться Лабаз. Здесь жили, в основном, мастеровые люди – кузнецы, портные, гончары, плотники и другие».

В 1869 году помещиком Александром Александровичем Шишковым, братом Софьи Александровны Аксаковой, и при содействии прихожан был возведен теплый каменный храм с колокольней в три яруса. Сам А.А. Шишков проживал в городе Самаре; в 1858-1859 годах состоял членом губернского комитета по

составлению проекта Положения по освобождению крестьян от крепостной зависимости; в 1868-1871 годы избирался Самарским сметным мировым судьей.

В селе была ещё одна каменная однопрестольная церковь во имя Тихвинской иконы Божьей Матери, но без колокольни, и находилась она на территории усадьбы. Её построила на собственные средства мать Софьи Александровны Аксаковой Мария Алексеевна Шишкова, от которой по наследству Языково перешло к её внучке Ольге Григорьевне Аксаковой, приходившейся также внучкой писателю С.Т. Аксакову.

Сохранились воспоминания жительницы села Языково Натальи Харлапиевны Шишкановой, которая еще девочкой встречалась с Ольгой Григорьевной: «Барская усадьба располагалась на берегу пруда. Двухэтажный дом из красного кирпича был с балконом, с большим залом на 250-300 человек. Имелась и большая библиотека. Было еще восемь кирпичных строений, в том числе поварская и хозяйственные постройки: коровник, овчарня, конюшня, каретный сарай и другие. Большой барский сад был частично огорожен металлической оградой, на берегу пруда была лодочная стоянка, купальня. Приезжавшие гости плавали на лодках. Тогда из сада слышалась музыка. На территории усадьбы стояла каменная церковь. Она была меньше Языковской сельской церкви, и в ней только раз в году проводилась служба для всех жителей села

Мне пришлось встречаться с Ольгой Григорьевной, когда мне было, наверное, 6-7 лет, и когда я ходила к ней по поручению моего отца Х.Г. Слепухина. Это случалось трижды, когда у нас в доме появлялся приезжий, одетый не очень хорошо, но не посельски, вежливый, с тихим голосом. Вот в такие дни отец и посылал меня к Ольге Григорьевне с запиской и наказом, чтобы записку отдать лично барыне. И когда садовник Степан Кусакин предлагал передать записку через него, я отказывалась и ждала Ольгу Григорьевну, если она была где-то по хозяйству. Два раза я

возвращалась домой в карете, вместе с барыней, а один раз она просила передать отцу, что скоро подъедет. В первый раз, прочитав записку, она сказала: «Подожди, мы с тобой сейчас поедем в карете» и дала мне длинную конфету. В другой раз, когда мы тоже ехали в карете, она сказала: «Я подарила бы тебе куклу, но вот дарю мою любимую игрушку (рыбка с яркими плавниками). А ты, Натулька, учись, ходи в школу. Я ответила: «Меня мамка не пускает, прясть надо...».

Я помню ее в это время старушкой, на голове меховой капор, длинное пальто с кружевным воротником. Однажды, кажется, в марте на лабазе в доме Дениса и Марьи Линючевых она хотела отдохнуть, поесть. Достала вареную картофелину, откусила и не смогла проглотить. Ей подали воды, но через несколько минут она скончалась. В это время от голода умирали многие, и всех хоронили на сельском кладбище в общей могиле. Видимо, так похоронена была и Ольга Григорьевна, родных и близких у нее тогда не было. А Степан Кормилаев, в то время бывший сельским пожарным, рассказывал, что на пожарке была деревянная колода и ее переделали под гроб для захоронения Ольги Григорьевны.

В годы революции она была сторонницей эсеров и говорила мужикам, что это их партия. Все, кто помнил Ольгу Григорьевну, рассказывали, что она была интеллигентной, доброжелательной и внимательной.

К власти большевиков относилась терпимо, говорила крестьянам: «Пусть будет Советская власть. Если победят чужеземцы, от них нельзя ждать хорошего для русского народа».

В 1924 или в 1925 году я проходила мимо усадьбы, откуда уже все было вывезено в Державино. У раскрытого окна на траве валялась большая картина в раме (на картине была изображена женщина) и маленькое зеркало в костяной оправе. Я принесла их домой, показывала соседям. Через несколько дней пришел председатель Совета, с ним кто-то не наш, не сельский, и картину забрали. Вскоре все постройки барской усадьбы и церковь полома-

ли, и теперь там только остатки когда-то большого сада, часть кирпича роздана крестьянам села, а большая часть вывезена в Державино, где было построено здание волисполкома. Библиотека, мебель и все имущество усадьбы также вывезены в Державино. Большая сельская церковь и дома, принадлежавшие кулакам в с. Языково на Осином хуторе, позднее были также разобраны и перевезены в село Петровка – новый райцентр, где было построено каменное здание, в котором размещалась редакция районной газеты и райком комсомола, а также деревянные здания райисполкома и других учреждений.

Разрушение каменных построек барской усадьбы, церквей, некоторых жилых и производственных объектов было большой ошибкой – равноценных объектов построено не было, а большая часть кирпичной кладки ушли на отходы». А вот воспоминание ещё одной жительницы села Языково Матрёны Слепухиной: «Она была среднего роста, плотного телосложения, с вьющимися локонами волос, любила длинные со шлейфом платья, широкие белые или черные шали. Ездила в тарантасе, запряженном парой вороных лошадей, в сопровождении борзых собак».

Племянник Ольги Сергеевны – Сергей Сергеевич Аксаков в письме к бузулукскому литературному краеведу П.Филатову вспоминал: «Она была очень доброй, очень демократично настроена, ненавидела пышность, балы, светскую суету и прочее. По железной дороге ездила всегда в третьем классе, очень любила музыку и сама неплохо играла на рояле».

Ольга Григорьевна унаследовала от отца умение планировать и вести большое хозяйство. В имении у неё было много земли, скота. В коровнике работало 19 доярок, в четырёх каменных помещениях содержали овец и коров. Это была хорошо организованная крестьянская ферма. И в 90-х годах XIX века читатели «Самарской газеты» часто встречали объявление, что на ферме

О.Г. Аксаковой «постоянно имеется подвоз свежего сливочного масла и молока».

От матери Ольга Григорьевна унаследовала любовь к музыке и театру. Сохранились документы, рассказывающие об уникальном явлении, имевшем место в Языковской усадьбе Ольги Григорьевны, – постановке оперы «Князь Игорь» силами крестьян и местной интеллигенции.

В 1896 году известная музыкальная просветительница Валентина Семёновна Серова – жена композитора А.Серова и мать художника В.Серова – приехала в Самару. Её приезд всколыхнул музыкальную общественность города, так как «крестьянские спектакли», которые она ставила в разных губерниях России, были широко известны. Большой интерес вызывал и её реферат о распространении хорового пения среди крестьян. В воздухе носилась идея создания народного театра.

Ольга Григорьевна как давняя любительница и участница благотворительных театральных представлений всей душой поддержала просветительские идеи В.С. Серовой. Она предоставила в своём имении Языково каменное здание, оборудованное под театр. И летом 1896-го года в самое жаркое июльское время на сцене языковского театра звучала опера А.П.Бородина «Князь Игорь». Сохранилась статья неизвестного автора об этом представлении, напечатанная в «Русских ведомостях»:

«Уже один внешний и внутренний вид языковского парадного театра меня приятно поразил: довольно высокое каменное здание, места, выстроенные амфитеатром вплоть до потолка на 250-300 человек, вентиляция весьма недурная, две огромные печи, видимо в расчете и на зимнее время. Красивый занавес поднялся, и моим глазам предстала со вкусом украшенная древняя гридница, писанная художником господином Куроедовым, соседом по имению госпожи Аксаковой, который обещал и впредь свое содействие для подобных спектаклей. Сцена небольшая, поэтому наполнить ее было нетрудно, но все-таки по-

местилось около 30 хористов, и доморощенная люстра осветила умело сгруппированную около князя и княгини толпу. Госпожа Серова, сидя у рояля перед публикой, дала знак, и со сцены раздался стройный хор: «Слава солнцу красному».

Костюмы были дешевые, амуниция у дружины – картонная, обклеенная золотой бумагой; бояре были одеты часть в грубые коричневые зипуны, обшитые галуном, князь и княгиня в кумачовых костюмах, расшитых бусами и украшенных поддельным горностаевым мехом. Сцена прощания, благословление войска и повторение первого хора прошли дружно, согласно, стройно. Во втором действии крестьяне-бояре в сцене с княгиней и во время сцены пожара неумело вертелись на подмостках, и вообще вся сцена была явно плохо срепетирована. Поэтому в день спектакля, утром, была назначена еще одна репетиция, и всего более меня поразило то, что на моих глазах, в один день, участвующие так сумели схватить смысл сделанных им замечаний, что вечером, во время спектакля, прекрасно исполнили ту же сцену, не позабыв ни одного указания. Что касается до сцены третьего действия, то могу одно сказать: они прошли так хорошо, что могли быть представлены на любой и не захолустной сцене: хор невольниц, песня половчанки, танец чаги (рабыни), пляска с бубнами под аккомпанемент, звуки барабана, стеклянных колокольчиков, рояля и флейты – действовали прямо обаятельно... Все было естественно, свежо, ново и красиво. Игорь провел свою арию дилетантски, но горячо. Последнее действие и сцена Скулы и Ерошки на репетиции прошли прекрасно... Народу было очень много – как в день генеральной репетиции, так и на самом спектакле. Невероятное оказалось исполнимым – я слышала собственными ушами хоры из «Игоря», исполненные народом, видела, как крестьяне играли и входили в свои роли, главное же – была свидетельницей того, как они слушают замечания, и как они умеют пользоваться, чем, по-моему, и объясняется та скорость, с которой успевает Валентина Семеновна Серова разучи-

вать в деревнях музыку: ни единое замечание не пропадает даром! В Языково она впервые сделала опыт постановки сплошного оперного представления, без вставных разговорных сцен... и что народ все понял, – доказывают некоторые замечания, долетевшие до нашего слуха случайно. Слушала это трехсотенная толпа с замечательным вниманием: как музыку и пение, так равно краткие толкования, которые устроительница предпосылала каждому действию. Единственно, что спутали наивные зрители, это – исполнение одним и тем же лицом двух ролей: роль Ярославны и роль Половчанки. До нас дошли комментарии, что Ярославна с тоски убежала за мужем в половецкий стан, но боялась ему показаться. Что Ярославна «больно хорошо вопила» – было общим мнением баб. Одна женщина заплакала во время спектакля и на вопрос, что ее так расстроило, ответила: «Мой хозяин скоро в солдаты пойдет, вот и я так с ним прощаться стану, как князь с княгиней»...

Все-таки всего более понравилось первое действие, поставленное пышнее других. Во время сцены, когда бабы с воплем врываются к Ярославне в терем, окно разбивается и огонь врывается через него, было заметно некоторое движение в слушателях, но в антракте объяснили, какой огонь будет гореть, и что переполох только поддельный.

Народ в Языково привычен к театру и отнесся к нему с живым интересом. Хоть 600 человек видели спектакль (300 на генеральной репетиции и 300 в вечер, 30 июля), но все-таки многие еще не попали на него и успокоились только после обещания увидеть на Рождество его повторение. В Языково будет постоянный театр, и госпожа Серова готовит для будущего репертуара сцены из «Рогнеды», «Жизнь за царя», «Руслана», «Вражьей силы» и «Бориса Годунова». Все, конечно, в сокращенном и упрощенном виде...

Отношение к спектаклю в Языково без всех исключений было самое симпатичное и сочувственное: всякий помогал кто

чем мог и умел, работа была дружная. Спектакль 30 июля ясно показал, что согласие в общем деле способно сделать возможным то, что представляется с первого взгляда невыполнимым. За исключением партий Игоря, Ярославны, Скулы и Ерошки, исполнявшихся любителями из интеллигенции, всю оперу исполняли крестьяне. Партию Ярославны исполняла дочь Серовой. Молодая дебютантка – Н.Серова – растрогала зрителей мелодичным пением и задушевной игрой, многие женщины плакали».

Ольга Григорьевна Аксакова совершила ещё один «незаметный» подвиг: спасла для потомков драгоценный архив семьи Аксаковых, а также документы Тютчева, Державина, Языкова и других деятелей русской культуры. Этот архив хранился в трёх массивных сундуках и был для неё самым дорогим наследием. Во время пожара, случившегося в усадьбе в 1914 году, она спасала в первую очередь архив.

После октября 1917 года имение Аксаковой было конфисковано, но сама Ольга Григорьевна со своей преданной служанкой Феоной Семёновной оставалась жить при библиотеке.

В апреле 1919 года село Языково находилось на линии фронта между колчаковцами и чапаевцами. На Пасху в село прибыли колчаковцы и стали искать сторонников красных. Не найдя никого подозрительного, они обвинили крестьян в притеснении барыни. Крестьян ждали репрессии. Тогда Ольга Григорьевна, узнав об этом, пришла к колчаковцам и убедила их не трогать крестьян. А когда в село приходили чапаевцы, то крестьяне защищали свою добрую барыню.

Свой бесценный архив незадолго до смерти О.Г. Аксакова передала Самарскому университету, образованному сразу после революции. Часть имущества С.Т. Аксакова она подарила в Самарский музей еще в 1909 году. По представлению общества археологии, истории и этнографии при Самарском университете Самарский губисполком выдал О.Г. Аксаковой единовременное

пособие в размере 25 тысяч рублей и рекомендовал Бузулукскому губисполкому назначить ей пенсию.

В последние годы жизни престарелой Ольге Григорьевне помогали крестьяне. Они приносили ей продукты. Умерла она в голодном 1921 году в возрасте 73 лет. До последних дней с ней находилась служанка Феона Семеновна, которая переехала позже в село Борское. Точное место захоронения внучки писателя установить сейчас сложно. Одни считают, что ее похоронили на общем кладбище, другие – близ бывшей домовой церкви, в усадебном парке.

За годы Советской власти постройки барской усадьбы были сломаны, библиотека, мебель и все имущество растащены. До наших дней сохранились лишь остатки старинного парка и обильные заросли сирени, которую так любила внучка писателя С.Т. Аксакова – Ольга.

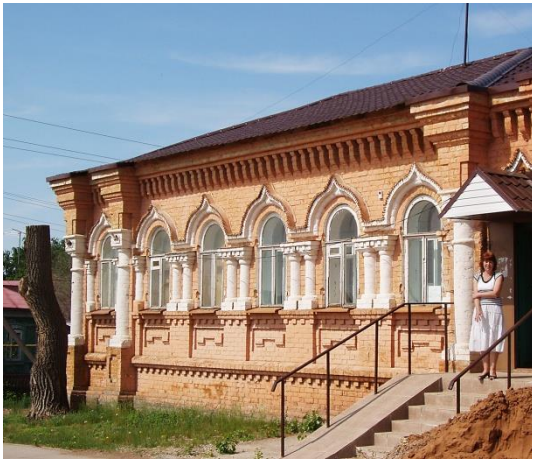
В 1992 году на месте массового захоронения сельчан, умерших от голода в 1921 году, была установлена памятная плита. И вот уже 20 лет учащиеся и учителя местной школы в апреле несут на могилу цветы; так Ольга Григорьевна обрела своё место и право на достойную память потомков.

В 2010 году при Языковской общеобразовательной школе на общественных началах была открыта Аксаковская музейная комната, а в 2012 году при помощи и поддержке отдела культуры Борской районной администрации и Борского районного краеведческого музея на базе Аксаковской комнаты создан небольшой сельский музей с четырьмя экспозиционными залами.

В окрестностях села есть уникальные памятники природы – древние песчаные дюны и знаменитый заповедный Бузулукский бор, гордость которого - мшистые сосняки, заселившие эти места более 6000 лет назад. Это один из старейших очагов отечественного лесоводства.

БОРСКОЕ

Борский краеведческий музей

В связи со строительством Самарской охранной линии в 1736 г. возникла Борская крепость. Она была заложена в июле – августе флотским поручиком Петром Семеновичем Бахметевым. К концу XVIII века крепость утратила прежнее военно-стратегическое значение и превратилась в обычное село. Наряду с казаками в Борской крепости – так называлось село до конца XIX века – селились крестьяне, отпущенные на волю и беглые, мещане, купцы, разночинцы. В разное время Борское посетили: академик Петр Симон Паллас (1769 г.), А.С. Пушкин (1833 г.), Т.Г. Шевченко (1847 г.), Л.Н. Толстой (1873 г.).

В 1740 году в Борской крепости была построена деревянная церковь во имя Сретения Господня, но она неоднократно горела, поэтому в 1813 году освятили новую каменную церковь, названную в народе Красной (за цвет кирпича). В 1931 году Сретенскую церковь закрыли и разобрали, а из ее кирпича построили районный Дом культуры.

В 1870 году в селе построили ещё одну деревянную церковь – Богоявленскую; ее стали называть Белой (из-за белой известковой штукатурки). В 1935 году церковь закрыли. Кирпич пошел на строительство средней школы, школы комбайнеров и т.д.

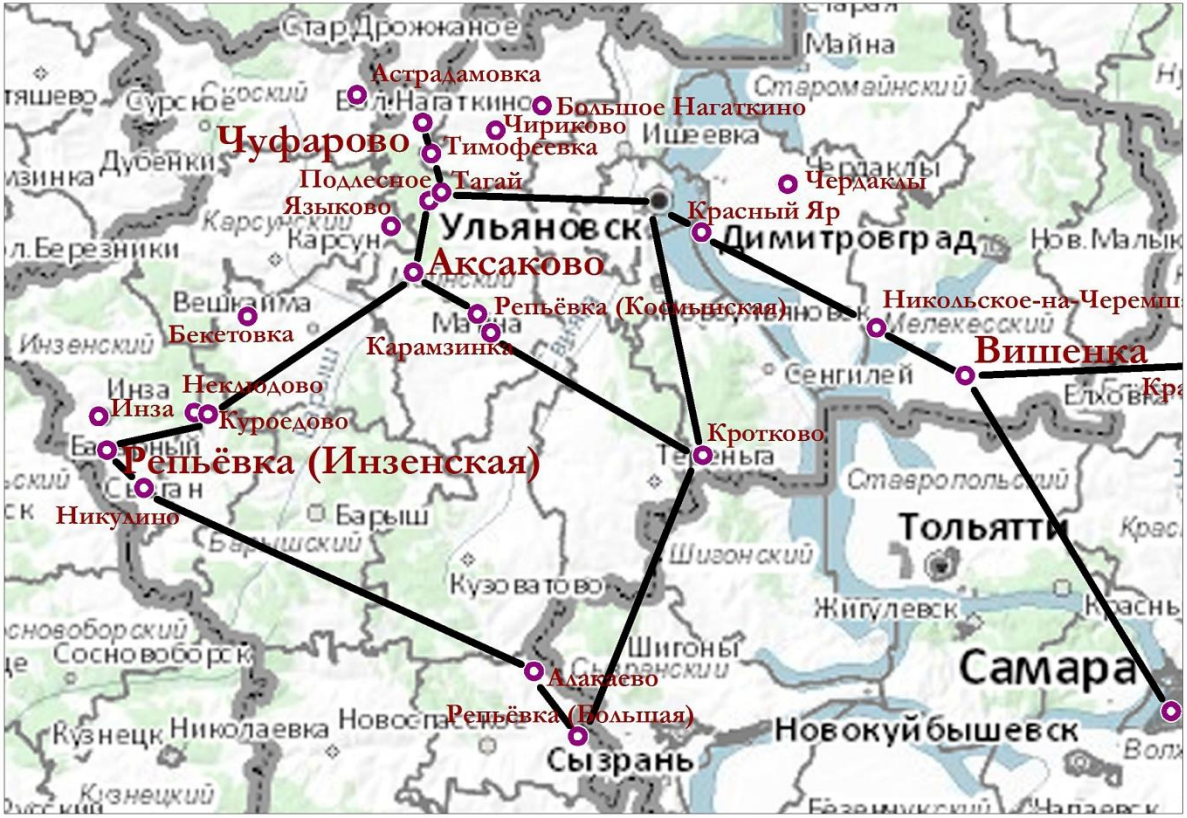
До 1864 года солдатских детей Борской крепости грамоте обучали священники в церковной сторожке при деревянной церкви. В 1864 г. открыли Борскую мужскую школу, в 1869 – женскую земскую. В 1887 году на средства земства и народные пожертвования в Борском построено двухэтажное каменное здание; на первом этаже размещалась трёхклассная земская школа для мальчиков, а на втором – двухклассное министерское мужское училище. По данным 1910 года, в Борском было две земских школы и две церковно-приходских.

В 1867 году в Борском открыли больницу и аптеку. Интересно отметить, что годы особенно заметного развития народного образования и медицинского обслуживания в селе приходятся на время губернаторства Григория Сергеевича Аксакова.

С 1924 г. главным врачом Борской больницы был Панарин П.М., крестьянин с.Усманка, первым в районе получившим высшее медицинское образование, заслуженный врач РСФСР. В августе 1941 года на базе районной больницы и медицинского училища был образован военный госпиталь; позже из г. Днепропетровска вместе с медперсоналом прибыл эвакогоспиталь №1790, который действовал до конца 1945 года.

В 1877 году построили и сдали в эксплуатацию железную дорогу Батраки – Оренбург и через станцию «Неприк» прошел первый поезд. Крупные купцы благодаря железной дороге развернули широкую хлеботорговую деятельность. Торговое сословие села сформировали купцы Мжельские, Лыковы, Фроловы, Незнаевы и др. Всего в Борском насчитывалось 85 купцов и торговцев.

Славная история села бережно хранится в Борском краеведческом музее, который располагается

АКСАКОВСКИЕ МЕСТА УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В Симбирской губернии находились родовые вотчины Аксаковых, земли, дарованные его предкам за службу. Маршруты симбирских (ульяновских) аксаковских мест проходят по двум направлениям – северному и юго-западному.

Северное направление включает в себя дорогу в Чуфарово, а от него в самарские и оренбургские земли: *Аксаково – Языково – Подлесное – Тагай – Чуфарово – Тимофеевка – Чириково – Большое Нагаткино – Симбирск – Красный Яр – Чердаклы – Никольское-на-Черемшане – Вишенка и далее по самарской земле.*

В юго-западном направлении находятся имения родных и знакомых аксаковых: *Репьёвка (Космынская) – Карамзинка – Кротково – Алакаево – Репьёвка (Большая) – Никулино – Репьёвка (Инзенская) – Неклюдово – Куроедовские выселки – Бекетовка.*

СИМБИРСК

«Мы приехали на ночевку в деревню Красный Яр, в двенадцати верстах от Симбирска и в десяти от переправы через Волгу. Проснувшись рано поутру, я увидел, что наша карета отпряжена и стоит на отлогом песчаном берегу. Солнышко только что взошло. Было очень прохладно. Двухверстная быстро текущая ширина Волги поразила меня, и я с ужасом смотрел на то пространство, которое надобно нам переплыть... По берегам тянулись, как узоры, следы сбежавших волн... Симбирск со своими церквами и каменным губернаторским домом на высокой горе, покрытой сплошными плодовыми садами, представлял великолепный вид...»

«Я стал понемногу открывать глаза и с радостью заметил, что гора с Симбирском приближалась к нам. Мы вышли на крутой берег и сели на толстые бревна, каких там много лежало. Около нас, по крутому скату, были построены лубочные ла-

вочки, в которых продавали калачи, пряники, квас и великое множество яблок. Мать, которая их очень любила, пошла сама покупать, но нашла, что яблоки продавались не совсем спелые».

В годы детства Аксакова Симбирск был большим губернским городом, центром обширной Симбирской губернии.

Во время поездок с родителями из Уфы и Оренбургской вотчины в Симбирскую губернию они останавливались на отдых в собственном доме богатой двоюродной бабушки писателя Надежды Ивановны Куроедовой. Этот дом в Симбирске был большой, содержался в полном порядке, но сама Куроедова в нём не жила, а бывала наездами. Здесь же она скончалась 21 января 1806 года и похоронена на кладбище мужского Покровского монастыря, которому много жертвовала при жизни.

Седьмого февраля 1806 года в Симбирске родилась сестра С.Т. Аксакова Софья.

В 1846-50 гг. должность симбирского губернского прокурора исполнял сын С.Т.Аксакова – Григорий, который восьмого января 1848 года в Спасо-Вознесенском соборе обвенчался с Софьей Александровной Шишковой, а 26 декабря у них родилась дочь Ольга, крещенная в этом же соборе.

Подолгу проживал в Симбирске Николай Тимофеевич Аксаков. Он был крупным симбирским землевладельцем. По воспоминаниям дочери писателя Веры, на коронации в Кремле Николай Тимофеевич с депутатами из Симбирской губернии был представлен императору Александру II как губернский предводитель (1850-1858). С 1852 по1854 г. в городе служил его сын Александр Николаевич Аксаков.

АКСАКОВО (Троицкое)

«Из Вишенок приехали мы в село Троицкое... Там был полуразвалившийся домишко, где жили некогда мои дедушка с бабушкой, где родились все мои тетки и отец. Я заметил, что

Музей С.Т. Аксакова в селе Аксаково (Троицкое)

отец чуть не заплакал, войдя в старые господские хоромы ... и увидя, как все постарело, подгнило, осело и покосилось».

«Матери моей очень не понравились эти развалины, и она сказала: "Как это могли жить в такой мурье и где тут помещались?". В самом деле, трудно было отгадать, где тут могли жить пять дочерей. Видно, небольшие были требования на удобства в жизни. "Это, Сережа, наше родовое имение, – говорил мне отец, – жалованное нам от царей, да теперь половина уже не наша".»

«Мы приехали поутру, а во время обеда уже полон был двор крестьян и крестьянок. Не знаю отчего, на этот раз, несмотря на мороз, мать согласилась выйти к собравшимся крестьянам и вывела меня. Мы были встречены радостными криками, слезами и упреками: «За что покинули вы нас, прирожденных крестьян ваших!» Мать моя, не любившая шумных встреч и громких выражений любви в подвластных людях, была побеждена искренностью чувств наших добрых крестьян – и заплакала; отец заливался слезами, а я принялся реветь».

В произведениях С.Т. Аксакова село именуется Старым Багровым, Старым Аксаковым и Симбирским Аксаковым, Троицким. Симбирская земля – родовая отчина Аксаковых. И орен-

бургское Новое Аксаково, и уфимское Надеждино – всего лишь симбирские выселки.

Расположеная в десяти километрах к северо-западу от районного центра – посёлка Майна – на правом притоке реки Майна родовая вотчина Аксаковых была жалована его предкам «от царей московских». Село основано около 1677 года Алексеем Аксаковым. Документы свидетельствуют, что в 1678 году здесь числится восемь дворов с 24 душами крепостных. К концу XVII века здесь было уже 94 двора, и над домами крестьян и барской усадьбой возвышался купол построенной церкви, освященной в честь Животворящей Троицы. Троицким стало называться и село. Два названия еще долго сосуществовали.

Большое село имело несколько владельцев. Проведенное в 1795 году межевание подтверждает, что помимо Аксаковых (им принадлежало 28 дворов, почти 200 душ) значится «артиллерии-майорша» Екатерина Никоноровна Воейкова (57 дворов) и коллегии иностранных дел переводчик Николай Ильич Татаринов (9 дворов); да еще владелец соседней Сущевки подпоручик Иван Петрович Сущов имел здесь землю без крестьян. Это и стало одной из причин переселения деда писателя с частью крепостных на приобретённые им по реке Большой Бугуруслан целинные земли.

После смерти отца писателя, имение перешло по наследству младшему брату Аркадию Тимофеевичу (91 крестьянский двор с 708 душами крепостных). Его сын, Николай Аркадьевич, предпринял большие работы по возрождению и благоустройству родового гнезда. По свидетельству одного из краеведов, «он возвел огромные каменные постройки, проявив в этом деле изобретательность и оригинальность. Соседи приезжали полюбоваться и подивиться постройкам. На фоне окаймлявшего с трех сторон густого леса, за пышно раскинувшимся садом, имение казалось каким-то полуфеодальным замком». Николай Аркадьевич до конца жизни жил в Аксакове и умер в 1886 году.

Сергей Тимофеевич бывал здесь несколько раз. В письме Ивана Аксакова к родителям от 10 июня 1848 г. есть строки: «А я, едучи по Симбирской губернии, думал, что хорошо бы Вам приехать сюда, милый отесинька! Здесь-то, посреди мест, родных Вашей душе, посреди этого богатства природы и благодатного простора, вдали от Москвы, можно успокоиться душою. Когда я ехал, мне так хотелось перенесть вас всех с собою в эти чудные края».

В течение многих лет сюда приезжали не только члены семьи писателя и он сам, но и такие видные деятели русской культуры, как Д.А. Валуев, П.В. Анненков.

Крестьянской реформой 1861 г. в Аксакове были освобождены от крепостной зависимости 354 ревизские души (119 дворов) с земельными наделами более четырех десятин на душу. В пореформенное десятилетие село разрослось, и в 1903 г. в нём было более одной тысячи человек населения; развивались народные ремёсла и промыслы. Наиболее состоятельные сельчане стали создавать мелкие предприятия по производству кирпича и добыче торфа.

Первая церковь построена в XVII в., последняя – в 1888 г. В 1873 году открыли школу. Незадолго до революции в селе Аксаково было 199 дворов, 1100 жителей, 6 ветряных мельниц, земское училище, Троицкая церковь, винокуренный завод.

Ныне село небольшое. В нём есть школа, Дом культуры, а жителей осталось совсем немного. От бывшей усадьбы сохранился пруд и парк. В 1994 году был построен небольшой дом, отданный под музей С.Т. Аксакова. Ежегодно, в третье воскресенье сентября в селе Аксаково проходит Аксаковский праздник.

Недалеко от села находится принадлежавшая Аксаковым деревня *Безымянка*, расположенная на притоке реки Майна.

В произведениях писателя немало живописных картин села и его окрестностей.: «*Троицкое некогда сидело на прекрасной речке Майне, вытекавшей версты за три от селения из-под Моховых озер, да сверх того вдоль всего селения тянулось хотя не-*

широкое, но длинное, светлое и в середине глубокое озеро, дно которого состояло из белого песка; из этого озера даже бежал ручей, называвшийся Белый ключ… от него давно и следов нет». Сегодня эти строки читаются с чувством горечи за утраченную красоту и природные богатства

В окрестностях Аксакова имеется много интересных памятников природы, истории и культуры. Майнские леса исключительно красивы во все времена года. Здесь есть старое село Жеребятниково с деревянным храмом, построенным и расписанным дедом известного советского художника А.А. Пластова.

ЧУФАРОВО

«Еще засветло приехали в знаменитое тогда село Чурасово…совсем не то, что я видел прежде…две каменные церкви с зелеными купалами, одна по меньше, а другая большая, еще новая неосвещенная, красные крыши огромного господского дома, флигелей и всех надворных строений с какими то колоколенками – бросались мне в глаза и удивили меня».

Село получило название по фамилии Леонтия Лукьяновича Чуфарова. Знаменитый Симбирский краевед П.Л. Мартынов в книге «Селения Симбирского уезда» (Симбирск, 1904) приводит такие сведения: «Синбиренину Леонтию Лукъяновичу Чуфарову пожалована была Царем Алексеем Михайловичем, в 1671 году…за Синбирское осадное сидение при Стеньке Разине, земля (130 четвертей) в Синбирском уезде, по Белому Ключе». Чуфаров в то же время поселил на этой земле крестьян, основал «слободу Чуфаровскую», а в 1678 году здесь существовало уже село Чуфарово в 15 дворов (53 человека), принадлежавшее дочери Леонтия Чуфарова Прасковье и оставленное ей в приданое.

Прасковья Леонтьевна Чуфарова была бабушкой Надежды Ивановны Куроедовой (по материнской линии), которая и унаследовала это богатое село от своей матери.

Жизни в этом селе посвящено несколько глав в «Детских годах Багрова-внука». Приезжая с родителями в гости «к тётеньке», как велела называть себя Н.И. Куроедова, тогда ещё маленький Серёжа Аксаков сравнивал чуфаровский усадебный дом с «дворцом Шехерезады» – так великолепно выглядели расписанные диковинными сюжетами его стены, роскошная обстановка. Да и сама окружающая усадьбу местность была на редкость живописной.

Надежда Ивановна Куроедова – одна из самых богатых и именитых симбирских помещиц. К ней в Чуфарово считал необходимым приехать и лично познакомиться каждый новый симбирский губернатор.

Здесь собирался цвет симбирского просвещённого дворянства, чьи имения находились поблизости. Это – Александр Михайлович Карамзин с женой, урожденной Бестужевой; Никита Никитич Философов с женой, урожденной Карамзиной; П.И. Миницкий и его жена Варвара Степановна, урожденная Плещеева (как отмечал писатель, очень красивая пара). По данным П.Л. Мартынова, в Чуфарове в гостях у Куроедовых в 1774–1775 годах бывал великий А.В. Суворов, руководивший тогда боевыми действиями по окончательному разгрому остатков войск Е.И. Пугачёва. Аксаков упоминал, что М.М. Куроедов – муж Надежды Ивановны – «был родня нашему бессмертному Суворову», и в его бумагах он находил «несколько писем гениального полководца, которые начинались так: «Милостивый государь мой, братец Михаил Максимович» и оканчивались: «С достодолжным почтением к вам и милостивой государыне сестрице Надежде Ивановне, четь имею быть и проч.».

Кстати, совсем недалеко от Чуфарово находилось имение Дмитрия Борисовича Мертваго Астродамовка, вокруг которого проходили трагические события пугачевского бунта, описанные им, и не раз рассказанные его матерью Марией Михайловной маленькому любознательному Серёже Аксакову.

М.М. Куроедов, получив Чуфарово в качестве приданого жены, взялся за активное обустройство поместья. Он оказался очень деятельным и хозяйственным человеком. В Чуфарове «*выстроил он, по-тогдашнему, великолепный господский дом со всеми принадлежностями, отделал его на славу, меблировал отлично, расписал весь красками изнутри и даже снаружи; люстры, канделябры, бронза, фарфоровая и серебряная посуда удивляли всех; дом поставил на небольшом косогоре, из которого били и кипели более 20-ти родниковых ключей. Дом, косогор, родники, – все это обхватывалось и заключалось в богатом плодовитом саду, на 12-ти десятинах, со всевозможными сортами яблок и вишен. Внутреннее хозяйство дома, прислуга, повара, экипажи, лошади,- все было устроено богато и прочно».*

Поражало убранство и меблировка комнат. Аксаков описывает залу, кабинет, диванную, столовую, несколько спален в доме Куроедовых. Диваны и кресла, «обитые шелковой синей материей», столы с бронзовыми решеточками и инкрустациями из разноцветного дерева. Какие на них были набраны птицы, звери и даже люди! Богатые сельские усадьбы обязательно украшались произведениями мастеров искусств, а за неимением картин столичных мастеров их заменяли полотнами талантливых крепостных самоучек. Например, в соседней Нижегородской губернии, до которой ближе, чем до Симбирска, в селе Карпово у управляющего графа Миниха – крепостного Тропинина – был сын Василий, ставший впоследствии великим русским художником.

Еще один обязательный атрибут усадебного дома – библиотека. Сама Надежда Ивановна книг особо не читала, но библиотеку собрала «изрядную». Она заботилась о том, чтобы ежегодно самые последние новинки московских типографий пересылались ей, потому как очень любила слушать чтение вслух. Юный Серёжа, попавший в это царство книг, принялся читать всё подряд: «*Я сказал уже, что в Чурасове была изрядная библиоте-*

ка; я не замедлил воспользоваться этим сокровищем и, с позволенья Прасковьи Ивановны, по выбору матери, брал оттуда книги, которые читал с великим наслаждением. Первая попавшаяся мне книга была «Кадм и Гармония», сочинение Хераскова, и его же «Полидор, сын Кадма и Гармонии». Тогда мне очень нравились эти книги, а напыщенный мерный язык стихотворной прозы казался мне совершенством. Потом прочел я «Нума, или Процветающий Рим», тоже Хераскова, и много других книг в этом роде. Я заглядывал также в романы, которые особенно любила читать Александра Ивановна; они воспламеняли мое участие и любопытство, но мать не позволяла мне читать их, и я пробегал некоторые страницы только украдкой, потихоньку, в чем, однако, признавался матери и за что она очень снисходительно меня журила. Таким образом мне удалось заглянуть в «Алькивиада», в «Графа Бальмонта, или Заблуждение рассудка» и в «Достопамятную жизнь Клариссы Гарлов». Не скоро потом удалось мне прочесть эти книги вполне, но отрывки из них так глубоко запали в мою душу, что я не переставал о них думать, и только тогда успокоился, когда прочел. Наконец, тут же попались «Мои безделки» Карамзина и его же издание разных стихотворений разных сочинителей под названием «Аониды». Эти стихи уже были совсем не то, что стихи Сумарокова и Хераскова. Я почувствовал эту разницу, хотя содержание их меня не удовлетворяло, несмотря на ребячий возраст».

Непременным атрибутом усадьбы считался сад. Он был предметом особой гордости Куроедовой: «*яблони, в бесчисленном количестве обремененные всеми возможными породами спелых и поспевающих яблок, блиставших яркими красками, гнулись под их тяжестью; под многие ветви были подставлены подпорки, а некоторые были привязаны к стволу дерева, без чего они бы сломились от множества плодов. Сильные родники били из горы по всему скату и падали по уступам натуральными каскадами, журчали, пенились и потом текли прозрачными, красивыми*

ручейками, освежая воздух и оживляя местность. И между камешками у этих родников было множество так называемых чертовых пальцев необыкновенной величины. В саду имелись свои оранжереи и грунтовые сараи».

Давно была известна история о «невыполненном завещании Н.И. Куроедовой», которая добавляет очень важные черты к облику любимой тётушки писателя. Вот как описал её ульяновский журналист и краевед В.К. Кузьмин:

«Имение Чуфарово, было получено Н.И. Куроедовой в качестве приданого её матерью Еленой Михайловной Бекетовой. Потому и законным наследником после смерти Надежды Куроедовой стал майор Иван Леонтьевич Бекетов (внучатый брат умершей). Он был очень богатым человеком: имел значительный денежный капитал, был единственным владельцем двух сел в Симбирской губернии, в Саратовской и Оренбургской губернии, владельцем рыбной ловли близ Астрахани. Скорее всего, Надежда Ивановна очень не хотела оставить наследство ему. И вот что она решила.

Двадцатого февраля 1803 г. вышел указ, ставший первым шагом на пути знаменитой реформы 1861 года, в котором был определен порядок отпуска крестьян помещиками в свободные земледельцы. Отпуск мог был осуществлен только по взаимному условию, совершенному на основании правил, оговоренных на сей случай в специальном руководстве, данном министру внутренних дел.

А третьего октября 1805 года в дополнительном указе оговаривалось, что «ежели прежде совершения дела помещик умрет, то за смертью его увольнения не прерывать, если условия на месте заключены и надлежащими сведениями удостоверены». Но и не будучи знакома с новым дополнением Надежда Ивановна 28 марта 1805 г. «учинила домовое завещание» в котором определила «написанных за мною по пятой ревизии, Симбирского уезда, в селе Троицкое, Чуфарово тож, крестьян 264 мужского пола, со всеми их семействами и во всеми при-

надлежащими к оному землями, отныне и навсегда вечно и потомственно оставляю вольными хлебопашцами, с тем, чтобы они, сверх обыкновенных податей, платили ежегодно, с каждой души по 2 рубля, в Симбирский Приказ Общественного Призрения на содержание существующей в Симбирске Александровской больницы». Им же завещала она две мукомольные мельницы, луга, два каменных флигеля и разведенный ею большой фруктовый сад в самом Чуфарове. Господский дом, – указывала она, – на слом и своз племяннику своему титулярному советнику Тимофею Степановичу Аксакову – отцу будущего писателя. Заметьте: и ничего Бекетовым!

Незадолго перед смертью она пригласила к себе Т.С. Аксакова и выдала ему для предоставления симбирскому гражданскому губернатору письмо ее и завещательный домовой акт. Посмертная воля стала известна и чуфаровским крестьянам. Что и говорить, по тем временам, решение революционное.

И понятно неприятие такого решения Бекетовым. Он старался уточнить все неисполненные покойной формальности. Основным из них явилось то, что она не заключила взаимного условия с крестьянами, будучи уверенной, что крестьяне будут согласны получить свободу.

Гражданский губернатор, ознакомившись с завещанием Куроедовой, сообщил о сути дела министру внутренних дел, последний затребовал об имении надлежащих сведений, имение же было взято в собственный присмотр дворянской опеки. Тем временем по высочайшему повелению поступила к министру просьба от крестьян покойной помещицы. Несколько лет их прошение рассматривалось в Сенате.

В 1813 г. Бекетов умер, оставив подробное завещание трем дочерям и пяти сыновьям. Одна из дочерей, Любовь Ивановна, в замужестве Кашперова, мать известного композитора и музыкального деятеля Владимира Никитовича Кашперова, стала владелицей Чуфарова.

В Чуфарове же дело принимало уголовный характер: «335 душ оказали неповиновение и буйство». Исправник Милонов, прибыв в село Чуфарово, собрал полный сход и потребовал от крестьян подписки в том, что они будут находиться у наследниц Бекетовых в полном повиновении. На это все крестьяне «с азартностью единогласно кричали: во владение ни к каким наследникам идти не хотим».

Ничем окончился визит в Чуфарово уездного предводителя дворянства Самойлова. Крестьяне заявили ему, что они повиноваться госпожам Бекетовым теперь не могут, по той причине, что отправили в Петербург поверенного, который подал прошение Государю Императору о новом рассмотрении дела.

Губернатор не стал ожидать результата на поданное крестьянами прошение, а «по таковой их упорности и явной ослушности законной власти» одиннадцать человек предал суду, а в село Чуфарово послал военную команду. Земский суд приговорил четырех крестьян «наказать плетьми и сослать их на поселение», семь человек «наказать также плетьми и оставить в жительстве, для всегдашнего напамятования и вразумления крестьянам, какие могут происходить следствия от подобных возмущений; остальным же, как и всем села Чуфарова крестьянам, сделать строжайшее подтверждение, чтоб они впредь от дерзостных и буйственных поступков воздержались».

Среди четырех высеченных и сосланных крестьян был управляющий Куроедовой – Михайлушка, очень колоритно описанный СТ. Аксаковым. О его судьбе упомянули в своих воспоминаниях Н.В. и Л.П. Щелгуновы и М.Л. Михайлов. Последний из авторов – Михаил Ларионович Михайлов – поэт, переводчик, сотрудник «Современника» был внуком чуфаровского Михайлушки. Вот что пишут авторы: «Замечательно умный и деловой человек, известный всем и каждому в двух губерниях (Симбирской и Уфимской. – *В.К)* был дедом М.Л. Михайлова, но он умер не потому, что спился на воле, а вот почему. После смерти (ба-

Церковь в Чуфарово, 2009 г.

рыни) Михайлушка был отпущен на волю, но вольная была сделана не по форме. Этим воспользовались наследники и всех уволенных, в том числе и Михайлушку, опять закрепостили. Дед протестовал, за что его заключили в острог, судили и высекли как бунтовщика. Вот отчего он умер».

На сегодняшний день в усадьбе сохранились остатки липовой аллеи и несколько родников на территории бывшего барского сада, а у въезда в Чуфарово стоят две полуразрушенные каменные церкви. Одна из них – во имя Святителя и Чудотворца Николая – была построена в 1737 г. М.М. Куроедовым. А вторая – в честь Святой Троицы – в 1789 г. – его вдовой Н.И. Куроедовой. Барский дом – замечательный образец классической архитектуры, разрушен полностью.

Чуфарово связано не только с Аксаковыми, но и с именем композитора Владимира Никитича Кашперова – замечательного деятеля русской культуры. Ученик великого М.И. Глинки, он является автором нескольких опер – «Цыгане», «Мария Тюдор», «Гроза», «Боярин Орша», «Тарас Бульба», причем «Мария Тюдор» впервые была поставлена в Италии, в Милане, а в Ницце её слушала сама императрица Александра Фёдоровна – супруга Николая I, после чего вся оперная труппа была приглашена на вечер

к императрице, пожелавшей ещё раз послушать наиболее взволновавшие её оперные арии.

В Ульяновской области в Вешкаимском районе (бывшем Карсунском уезде) находится еще одно Чуфарово. Скорее всего, это имение кого-то из братьев Чуфаровых – родственников Н.И. Куроедовой.

В окрестностях Чуфарова, к северу от него, сохранился большой лесной массив, известный с XVII века как Кучаровский лес, а в западном направлении находится одно из удивительных мест Майнского района – урочище Еделево. Эти места, несомненно, были знакомы С.Т. Аксакову - охотнику.

ЯЗЫКОВО

Об этом селе и знаменитой усадьбе пока не встретилось упоминаний в документах Аксаковых. Но нет сомнений, что в этих местах бывал и сам писатель, и его сын Иван Сергеевич, и родной брат Николай Тимофеевич по-соседски и как человек одного круга интересов с хозяевами усадьбы.

Усадьба Языково находилась в 20 км от Аксаково (Троицкого). Это родовое имение поэта Николая Михайловича Языкова. Здесь он родился и провел детские годы. Н.М. Языков был большим другом Аксакова и его сыновей – Константина и Ивана. Сюда, в Языково, неоднократно приезжали его соратники и друзья: писатель А.С. Хомяков (его женой была младшая сестра Языкова – Екатерина Михайловна), фольклорист П.И. Киреевский, поэт и переводчик Д.П. Ознобишин, поэт Денис Давыдов, декабрист В.П. Ивашев. В 1833 г. здесь дважды – на пути в Оренбург и обратно – гостил А.С. Пушкин.

Первое документальное упоминание о Языкове относится к 1684 г. В 1770 г. в деревне была построена деревянная церковь и она стала считаться селом, получившим по названию церкви имя Богородское. В тот же год в имении Языковых был заложен парк, представлявший образец паркового искусства своего времени.

Усадебный парк в Языково

В 1827 году в стиле классицизма построили деревянный барский дом. Дворовый и парковый фасады были оформлены четырёхколонными портиками. Со стороны парка дом возвышался над каменной террасой с устроенным внутри гротом.

Выстроил дом старший брат поэта, известный русский геолог Петр Михайлович Языков. Он собрал уникальную для своего времени коллекцию окаменелостей, переданную впоследствии музею Горного института, где она и по настоящее время находится в кабинете его имени. В 1830-ые годы он изучал гомеопатию, бывшую тогда еще новинкой. Петр Михайлович известен также как собиратель древних рукописей, народных песен, сказок и как автор «Краткой истории городов Симбирской губернии». О нем оставил отзыв А.С. Пушкин в письме к жене: «Село Языково, 65 верст от Симбирска, 12 сентября. Пишу тебе из деревни поэта Языкова, к которому заехал и не нашел дома. Здесь я нашел старшего брата Языкова, человека чрезвычайно замечательного и которого готов я полюбить, как люблю Плетнева или Нащокина. Я провел с (ним) вечер... и оставил его для тебя, а теперь оставляю тебя для него».

Большим любителем и собирателем книг был и Н.М.Языков. Его библиотека, находившаяся в имении, славилась на всё Великое Поволжье (как называли тогда этот край). Проживая уже в Москве, поэт заботился о создании Симбирской город-

ской библиотеки. Буквально за две недели до кончины (12 декабря 1846 г.) он обратился к своему другу историку М.П. Погодину: «Провозгласить и пригласить русских писателей жертвовать свои сочинения Карамзинской библиотеке, открываемой в Симбирске». После смерти Языкова в 1847 г., братья, выполняя волю поэта, передали около пяти тысяч томов его книг в симбирскую Карамзинскую библиотеку.

В семье Языковых было шестеро детей: трое братьев и три сестры. Все они внесли вклад в развитие культуры Симбирска как собиратели народных песен. Сравнительно недавно отдельным изданием вышли записи русских народных песен, сделанные Языковыми в Симбирской и Оренбургской губерниях. П.В. Киреевский, издавая свое знаменитое собрание народных песен, признавался: «Богатые материалы, положившие основу моему собиранию, получил я из Симбирской и Оренбургской губерний от семьи Языковых». Помогали ему в этом даже жены братьев и их дети.

Языковская усадьба, отстроенная как образец русской дворянской усадьбы, действительно, была одним из славных литературных гнезд России XIX века. На всю округу она славилась своим радушием и любовью к наукам и искусствам.

В середине XIX века её унаследовал сын Петра Михайловича – отставной артиллерийский подпоручик В.П. Языков. В 1853 г. он основал здесь вотчинную суконную мануфактуру, на которой работали их крепостные, вырабатывавшие для казны на сорока ткацких ручных станках от 70 до 150 тысяч аршин армейского сукна по заказу военного интендантства. К 1861 г. мануфактура имела уже 30 прядильных «колёс» по 40 и 60 веретён, 70 ручных ткацких станков и 5 аппаратов, подключённых к водяному приводу.

На дочери В.П. Языкова был женат Г.Ф. Шишков. С молодой женой они поселились в деревне Богородской Самарской губернии на реке Кутулук, и, как мы уже отмечали, в память о родовом гнезде своей жены Шишков переименовал деревню в

Языково. И еще один интересный факт связывает Языковых и семью Григория Сергеевича Аксакова. Как пишет В. Филатова-Шишкова в статье «Неугомонный русопят», после венчания в Симбирске Григорий Сергеевич и Софья Александровна праздновали свою свадьбу в доме Н.М.Языкова, и «воспоминания о ней в Симбирске остались на долгие годы».

Сегодня в селе сохранились остатки усадебного парка. Дом Языковых сгорел в 1922 году, позднее была разрушена и церковь. На юго-востоке от руин церкви и кладбища стоит огромная, с раздвоенной вершиной ель, по преданию посаженная Пушкиным. Народ хранит её, называя «пушкинской». Раздвоенная вершина ели, по местным преданиям, – символ дружбы двух поэтов.

Принято решение о восстановлении усадьбы Н.М. Языкова на сохранившемся фундаменте дома, и тогда слова поэта станут пророческими:

«…бессовестная длань
Алтарь изящного разбила;
Но с праху рушенных громад,
Из тишины опустошенья,
Восстал – величествен и млад –
Бессмертный Ангел вдохновенья».

В заключение отметим, что в селе Языково родился историк и литератор, издатель «Синбирского сборника» Дмитрий Александрович Валуев (1820–1845).

ТАГАЙ

«Мы рано выкормили лошадей в слободе упраздненного городка Тагая и еще засветло приехали в знаменитое тогда село Чуфарово».

Село находилось по дороге в симбирское Аксаково. От Чуфарова до Тагая 18 км в направлении на север. Дорога шла мимо села Абрамовка и знаменитых Абрамовских прудов.

Тагай возник как острог приблизительно в 1650 году на Симбирской засечной линии. Название получил по недалеко расположенному древнему городищу, названному в честь хана Тагая (XIV век).

Сохранились отдельные фрагменты рва и вала. В Тагае в 1774 году останавливался отряд пугачёвцев во главе с атаманом Ф. Ивановым. После подавления пугачёвского движения в окрестных лесах ещё долго скрывались отдельные шайки, наводившие ужас на местных помещиков (не от них ли бежал С.М. Аксаков сначала в Самару, а потом в Саратов и даже в Астрахань?).

В 1780 году по новому административному делению, утверждённому Екатериной II, Тагай стал называться уездным городом Симбирского наместничества. У него появился даже свой герб: в зелёном поле река, по которой плывёт рыба сельдь. Но в этом статусе Тагай недолго пробыл.

Император Павел I перевёл городок в число «заштатных». Вот почему Аксаков называет его «упраздненным». К середине XIX века Тагай становится просто удельным селом с тремя тысячами жителей, базарной торговлей по четвергам, крупной почтовой станцией на Московском тракте и пересыльной тюрьмой на этапной дороге в Сибирь. В эти годы и проезжала Тагай семья Аксаковых.

В городе сохранилось старое одноэтажное здание этапной тюрьмы, в которой в июне 1847 года несколько дней по пути в ссылку находился великий украинский поэт Тарас Шевченко.

ПОДЛЕСНОЕ

«Павел Иваныч Миницкий, недавно женившийся на Варваре Сергеевне Плещеевой; ... это была прекрасная пара, как все тогда их называли, и Прасковья Ивановна их очень любила: оба молоды, хороши собой и горячо привязаны друг к другу. Через несколько дней Миницкие сделались друзьями с моим отцом и

матерью. Они жили в двадцати пяти верстах от Чурасова, возле самого упраздненного городка Тагая, и потому езжали к Прасковье Ивановне каждую неделю, даже чаще. Миницкие в этот день, вместе с моим отцом, приходили к нам в комнаты и очень нас обласкали. Мы полюбили их, как родных.»

«Я обратился к детскому обществу милой моей сестрицы, от которого сначала удалялся. Ей было не скучно в это время, потому что в Чурасове постоянно гостили две дочери Миницких, с которыми она очень подружилась. Старшая из них, А.П., была мне ровесница и так же, как я, очень любила читать книжки. Она привезла с собой тетрадку стихотворений князя Ив.М. Долгорукова. Она очень любила его стихи и предпочитала всем другим стихам, которые слышала от меня. Я горячо вступался за своих, известных мне стихотворцев, выученных мною почти наизусть, и у нас выходили прежаркие споры.»

Супруги Миницкие – друзья родителей Аксакова и Н.И. Куроедовой – жили в селе Подлесное, которое граничит с Тагаем и находится к северу от него. Павел Иванович Миницкий был Симбирским уездным предводителем дворянства в течение двух трехлетий (1811–1816 гг.), а впоследствии занимал пост Архангельского, Олонецкого и Вологодского генерал-губернаторов и умер в тридцатых годах XIX столетия в чине адмирала. Он всю жизнь собирал старинные документы и привез в имение много замечательных рукописей из хранилищ Соловецкого монастыря; у него в Подлесном была прекрасная библиотека. В начале XIX столетия он устроил при усадьбе винокуренный завод «по паровой методе», который долгое время был в полном ходу, но к 1860 году уже бездействовал. Особую заботу Миницкий проявлял о сохранении великолепного каменного Христорождественского храма – редкого у нас образца архитектуры барокко. Он был сооружён в центре слободы в 1771 году богатым местным помещиком Алексеем Савичем Кандалаевым с отступлениями от право-

славных канонов: престол в алтаре храма был утверждён не на столбах, а на четырёх резных вызолоченных скульптурных изображениях ангела, льва, орла и тельца – символах четырёх Евангелистов. Миницкий, защищал храм от посягательства местных церковных властей, ссылался на завещание строителя храма А.С. Кандалаева, «желавшего видеть в своём имении дом Божий, как единственное утешение и пристанище для всех вообще христиан в мире сём».

Их усадьба стоит чуть севернее самого села Подлесное, на опушке уникального лесного массива. В советское время там располагался пионерский лагерь. Местность исключительно живописная. Здесь находится 200–300-летний высокоствольный сосновый бор, а вблизи посёлка – такие древние дубы, что помнят приезд С.Т. Аксакова летом 1806 года, когда он был студентом Казанского университета. Так что в древнем сосновом бору, близ Подлесного, растут ещё в полную силу могучие Аксаковские деревья. В трех верстах от села Подлесное в лесу сохранились остатки древнего городка.

ТИМОФЕЕВКА

«Потом съездили мы к друзьям нашим Миницким, к двоюродной сестре моей А.И. Веригиной, бывшей воспитанницы Н.И. Куроедовой, жившей теперь уже своим домом, в своей деревеньке…»

Деревенька Тимофеевка находится недалеко от села Старое Никулино, почти на полдороги от Тагая к Чуфарову. Она расположена на левом берегу реки Бирюч, в самом её верховье.

В те времена Тимофеевка (на территории современного Цильнинского района) – небольшая деревня, принадлежавшая двоюродной сестре Сергея Тимофеевич Александре Ивановне Веригиной (по данным П.Л. Мартынова). Здесь С.Т. Аксаков, будучи студентом Казанского университета, во время летних каникул 1806 года по заданию профессора Фукса занимался собира-

нием бабочек. Это установил Ульяновский краевед А. Авдонин-Бирючевский.

ЧИРИКОВО

В сорока километрах от Старого Аксакова находилась усадьба известного литературного критика и публициста, первого пушкиниста Павла Васильевича Анненкова. Литературные и общественные интересы Павла Васильевича не раз сближали его с Иваном Сергеевичем Аксаковым. В своём письме к родным Иван Сергеевич, рассказывая о пребывание в Петербурге в 1853 году, пишет, что тамошнее общество называет его самого и Н.Грановского «московскими пророками», а «над Анненковым смеются, что он поклоняется пророкам». Заключая этот рассказ, Иван Аксаков с горечью пишет: «Словом, всякий не мирящийся с подлостью и называющий подлость подлостью, а не «практичностью», называется зараженным московским пророчеством».

С 1848 по 1852 год П.В. Анненков жил в Чириково постоянно. Здесь у него была большая личная библиотека. Итогом его жизни в Симбирске и Чириково стали записки «Две зимы в провинции и деревне...», впервые опубликованные в журнале «Былое» в 1922 (№18). В записках дана характеристика общественно-политической и культурной жизни края.

БОЛЬШОЕ НАГАТКИНО

Село Симбирского уезда (ныне Цильнского района) Большое Нагаткино принадлежало Борису Ананьевичу Нагаткину – второму мужу Аксиньи Степановны Аксаковой, тётки писателя. Основано около 1675 года. В Большом Нагаткине сохранились остатки старинной усадьбы и парка, территорию которого занимала не так давно районная больница.

Нагаткины, очевидно, по примеру и вслед за С.М. Аксаковым, перебрались в Заволжье и приобрели земли по реке Малый Кинель. Они переселили сюда своих крепостных и со-

здали на берегу реки новую деревню – Новонагаткино (Оренбургская область).

В «Археологической карте Симбирской губернии» В.Н. Поливанова, изданной в 1900 г., рассказывается, что «в четырех верстах к юго-западу от села Большого Нагаткина близ ключа, называемого "Святой Колодец", на котором явилась местная чудотворная икона "Божьей Матери всех скорбящих радости", начинаются так называемые "шанцы" – следы ям, замечаемые на пространстве 30–40 десятин. Ямы расположены иногда по две и по три в ряд, но больше по одиночке. Некоторые из них и теперь еще глубиною до сажени и шириною до полуторы сажени, но большая часть из них значительно меньших размеров. Между местными крестьянами сохранилось предание, что эти насыпи остались после битвы с одной из шаек Пугачева».

КРАСНЫЙ ЯР

«Мы же в это самое время приехали на ночевку в деревню Красный Яр, в двадцати верстах от Симбирска и в десяти от переправы через Волгу. Мы должны были поспеть на перевоз на солнечном восходе, чтоб переправиться через реку в тихое время, потому что каждый день, как только солнышко обогреет, разыгрывался сильный ветер».

Село Красный Яр находится на крутом берегу Волги и свое название получило от крутого обрыва – яра и красноватого цвета песчаников, слагающих берег. Первое упоминание о селе относится к 1681 году. Первые поселенцы Красного Яра – старообрядцы жили в нескольких десятках деревянных домов. По обычаю носить белую одежду их называли «белорищами» и сектантами. У них не было даже колодцев, и воду возили и носили из Волги. Село славилось ветряными мельницами.

Недалеко от села находилось имение декабриста и общественного деятеля Николая Ивановича Тургенева. В своем дневнике он приводит зарисовку пути мимо Красного Яра: «21

июля. Воскресенье. Вчера, при закате солнца приехал в Тургенево. Здесь чувства мои необъяснимо были сильнее, нежели в Симбирске. Переправляясь через великолепную Волгу, попал в село Красный Яр. Я ехал сперва лесом, потом степью, потом хлебами. Я часто вставал в коляске и любовался Волгой, видом Симбирска, и был всем доволен: был, одним словом, счастлив». На противоположном от Красного Яра берегу стояло село Киндяковка (Винновка). Усадьба Киндяковых в Винновке была одним из центров культурной жизни Симбирска. По преданию, она описана в романе И. А. Гончарова «Обрыв». Ныне это пригород Ульяновска.

НИКОЛЬСКОЕ-НА-ЧЕРЕМШАНЕ

«*На другой день, выехав не так рано, мы кормили на перевозе через чудную, хотя не слишком широкую реку Черемшан, в богатом селе Никольском, принадлежащем помещику Дурасову.*»

«*Посередине большой площади, с двух боков застроенной порядками крестьянских изб, стояла каменная церковь, потогдашнему новейшей архитектуры. Каменный двухэтажный дом, соединяющийся сквозными колоннадами с флигелями, составлял одну сторону четырехугольного двора с круглыми башнями по углам. Все надворные строения служили как бы стенами этому двору; бесконечный старый сад, с прудами и речкою, примыкал к нему с одного бока; главный фасад дома выходил на реку Черемшан. Я ничего подобного не видывал, а потому был очень поражен и сейчас приложил к действительности жившие в моей памяти описания рыцарских замков или загородных дворцов английских лордов, читанные мною в книгах.*

Любопытство мое возбудилось, воображение разыгралось, и я начал уже на все смотреть с ожиданием чего-нибудь необыкновенного. Мы въехали на широкий четвероугольный двор, посреди которого был устроен мраморный фонтан и солнечные часы: они были окружены широкими красивыми цветниками с песчаными дорожками. Великолепное крыльцо с

фонарями, вазами и статуями и еще великолепнейшая лестница, посередине устланная коврами, обставленная оранжерейными деревьями и цветами, превзошли мои ожидания, и я из дворца английского лорда перелетел в очарованный замок Шехеразады. В зале встретил нас хозяин, самого простого вида, невысокий ростом и немолодой уже человек. После обыкновенных учтивостей он подал руку моей матери и повел ее в гостиную.»

«Обитая бархатом или штофом мебель из красного дерева с бронзою, разные диковинные столовые часы то в брюхе льва, то в голове человека, картины в раззолоченных рамах – все было так богато, так роскошно, что чурасовское великолепие могло назваться бедностью в сравнении с Никольским дворцом.»

Николай Алексеевич Дурасов (1760-1818) – бригадир, действительный статский советник, кавалер ордена Святой Анны. По материнской линии был внуком и наследником миллионера И.С. Мясникова, известного московского богача и оригинала.

В Никольском-на-Черемшане Дурасов бывал наездами. Но именно при нём имение стало ярким образцом усадебной культуры эпохи классицизма со всевозможными «барскими затеями»: крепостным театром (одним из первых в губернии), экзотическими растениями или таким, например, чудачеством, как собственные дома для огромных свиней. Николай Алексеевич был небольшого роста, но любил и желал иметь все огромное. Как хлебосольный и радушный хозяин он на свои никольские пиршества созывал знатное дворянство чуть ли не со всей Симбирской губернии. Считалось невозможным проехать Никольское, не заехав к хозяину. В противном случае камердинер Дурасова догонял с приглашением вернуться, что и случилось с родителями С.Т. Аксакова: «*...едва мы успели расположиться на песчаном берегу, отвязали удочки, достали червей и, по рассказам мальчишек, удивших около парома, хотели было идти на какое-то диковинное место, «где рыба таки хватает, даже*

берут стерляди», как явился парадно одетый лакей от Дурасова с покорнейшею просьбою откушать у него и с извещением, что сейчас приедет за нами коляска. Дурасов был известный богач, славился хлебосольством и жил великолепно; прошлого года он познакомился с нами в Чурасове у Прасковьи Ивановны. Отец и мать сочли неучтивостью отказаться и обещали приехать. Боже мой! Какой это был для меня удар, и вовсе неожиданный!».

«*Скоро приехала щегольская коляска, заложенная четверкой, с форейтором и с двумя лакеями. Мы с отцом довольно скоро переоделись; мать, устроив себе уборную в лубочном балагане, где жили перевозчики, одевалась долго и вышла такою нарядною, какою я очень давно ее не видел. Как она была хороша, как все ей шло к лицу! Перебирая в памяти всех мне известных молодых женщин, я опять решил, что нет на свете никого лучше моей матери!»*

В усадьбе «радушный» хозяин до устали водил семью Аксаковых по саду с оранжереями и теплицами, показывал парковые «затеи», а потом – огромный дом. Но маленького Серёжу больше всего поразил домашний крепостной оркестр, который он увидел впервые.

«*Только что подали стерляжью уху, которою заранее хвалился хозяин, говоря, что лучше черемшанских стерлядей нет во всей России, как вдруг задняя стена залы зашевелилась, поднялась вверх, и гром музыки поразил мои уши! Передо мною открылось возвышение, на котором сидело множество людей, державших в руках неизвестные мне инструменты. Я не слыхивал ничего, кроме скрипки, на которой кое-как игрывал дядя, лакейской балалайки и мордовской волынки. Я был подавлен изумлением, уничтожен. Держа ложку в руке, я превратился сам в статую и смотрел, разиня рот и выпуча глаза, на эту кучу людей, то есть на оркестр, где все проворно двигали руками взад и вперед, дули ртами и откуда вылетали чудные, восхитительные*

волшебные звуки, то как будто замиравшие, то превращавшиеся в рев бури и даже громовые удары... Хозяин, заметя мое изумление, был очень доволен и громко хохотал, напоминая мне, что уха простынет. Но я и не думал об обеде. Матери моей было неприятно мое смущение, или, лучше сказать, мое изумление, и она шепнула мне, чтоб я перестал смотреть на музыкантов, а ел... Трудно было мне вполне повиноваться!»

Об изысканном хлебосольстве Н.А. Дурасова шутили на все лады. П. Вяземский писал: «Я вижу отсюда Дурасова, который представителем древней столицы въезжает по Красному крыльцу верхом на стерляди и подносит двору от московского дворянства кулебяку». Василий Львович Пушкин в этом же письме сделал приписку: «Вяземский утверждает, что я в Москве заступил место покойного Николая Алексеевича Дурасова, что у меня за обедом птицы райские и рыбы заморские, но это шутка».

Н.А. Дурасов слыл истинным театралом. По сути, у него было три крепостных театра: в Никольском-на-Черемшане, в Симбирске и основной – в подмосковном селе Люблино. Кроме театра в этой усадьбе в начале XIX века действовала театральная школа. Для обучения актеров и музыкантов Н. А. Дурасов приглашал известных деятелей искусства того времени. Самим театром в Люблине руководил известный актер и писатель Петр Алексеевич Плавильщиков (1760-1812). Впоследствии многие крепостные актеры, получив вольную, перешли на подмостки Императорской сцены в Санкт-Петербурге и Москве.

Люблинский театр пользовался среди москвичей особой популярностью. Современники отмечали, что свыше ста крепостных актеров слыли «весьма порядочными исполнителями», среди которых было немало и талантливых. Лучшим среди крепостных театров был признан люблинский хор певчих. Репертуар театра был различным. Например, исполнялись «Кум Иван» (Аладьева), «Сивильский цирюльник» (Бомарше), «Горе от ума» (Грибоедова) и многие другие. Представления давались два раза в

неделю. Радушный хозяин сам размещал гостей. В октябре 1806 года англичанка Вильмонт, посетив Люблинский театр Дурасова, оставила такую запись: «Между большой и малой пьесами актеры проплясывали балет. Все шло как нельзя лучше. Сам театр и декорации были очень нарядны. В антрактах разносили подносы с фруктами, пирожками, лимонадом, чаем...». В Никольском спектакли ставились не так часто, но съезжались на них гости со всей округи.

Известен торжественный прием, устроенный Дурасовым в Люблине в честь императрицы Марии Федоровны. Позднее один из залов господского дома был украшен бронзовым бюстом императрицы с надписью на пьедестале: «В память посещения Люблина императрицей Марией Федоровной. Майя, 23 дня 1818 года». Это было одно из последних торжеств Н.А. Дурасова; в июне того же года он, залеченный врачами от обычной простуды, умер от случайного заражения крови.

Всю жизнь Н.А. Дурасов прожил холостяком и не имел прямых потомков. После него Люблино унаследовала сестра Аграфена Алексеевна Дурасова (ум. 1835), вышедшая замуж за родственника генерал-лейтенанта М.З. Дурасова и сохранившая, таким образом, родовую фамилию. Сестра Степанида Алексеевна была замужем за графом Фёдором Толстым; её дочь Аграфена Закревская – знаменитая в своё время красавица, в которую был влюблён Пушкин.

После Дурасовых селом Никольское-на-Черемшане владела мать писателя Владимира Соллогуба. В юные годы он и сам здесь жил. Семья новой владелицы приезжала в Никольское только в летнее время, а всеми делами богатого имения (18 тысяч десятин) заправлял В. Григорович – отец писателя Дмитрия Григоровича.

Владимир Соллогуб в своих «Воспоминаниях» немало страниц посвятил жизни в усадьбе Никольское и её прежним владельцам. А об отце писателя Григоровича Соллогуб писал: «Наш

управляющий Василий Ильич был, что называется, мастер своего дела; он был не велик ростом, сухопарый, крепко сложенный, гладко выбритый и подстриженный, во всей его фигуре проглядывал отставной кавалерист, чем он и был в действительности. Здоровья он был изумительного и деятельности необычайной. Едва займется заря, уж он на коне скачет на работы, приказывает, распоряжается, журит. Крестьяне его побаивались, но обращались к нему за советом по своему собственному хозяйству, что для крестьянского упрямого самолюбия образует высшую степень уважения. Он имел непреодолимую страсть к сельскому хозяйству; он любил агрономию, как музыкант любит музыку и живописец живопись».

Новые владельцы Никольского были людьми рачительными и образованными. При них усадьба оставалась таким же радушным и гостеприимным уголком. Но не было в усадьбе ни школы, ни больницы в отличие от многих других поместий. Владимир Соллогуб вспоминает в связи с этим забавный случай. «Добрейший отец мой особенно огорчался этим последним и решил немедленно этому горю помочь. Для больницы был очищен деревянный удобный дом, служивший до того времени вотчинной конторой. Больница распределилась на две половины – мужскую и женскую, посредине возникла аптека с должными принадлежностями. Из Симбирска выписаны были кровати и вся нужная утварь. Устройством больницы орудовал наш домашний доктор Кельц. Скоро все пришло в надлежащий порядок. Больницу освятили и привезли первого больного. При этом приключилось забавное обстоятельство, характеризующее тогдашние нравы. Первый больной решительно не понимал, что хотят с ним делать, стал чего-то страшиться и тосковать. Когда мой отец посетил его, он вскочил с кровати на пол и повалился отцу в ноги.

– Батюшка, ваше сиятельство, – завопил он, – будьте отцом родным, прикажите за себя вечно Бога молить! Позвольте меня домой отправить, человек я женатый, хозяйка моя горюет,

ребятишки мои плачут. А я на свое место пришлю меньшого брата, парень он еще холостой, здоровый!

Должно предполагать, что этот диковинный больной видел в больнице новый вид барщины».

Иван Сергеевич Аксаков в 1848 году лечился на Серных водах. Там же с ним был некоторое время и Владимир Соллогуб, который приглашал Аксакова заехать к нему в Никольское на обратном пути с Серных вод. Но эта поездка не удалась, и Иван Сергеевич послал Соллогубу шутливое стихотворение.

ГР. В.А. СОЛЛОГУБУ
Ответ на послание его
и приглашение посетить его в деревне

Увы! пространство скользкое
Взъерошили дожди,
И ты меня в Никольское,
Писатель мой, не жди!
Затем, что здесь лечение
Едва окончил я,
Откинув попечение
О выдержке себя, —
Спешу, не медля долее,
Не мешкая в пути;
Хоть день в Москве, не более,
Желал бы провести,
Покуда службой тяжкою
Не занят каждый час...
Лети ж, с тройной упряжкою
Мой легкий тарантас!
И вправо не сворачивай,
Пыли себе, пыли,
Качай себе, укачивай,
Видений мне пошли!

Твой скрип с дорожной тряскою,
Я знаю, даровит,
Устроен ты коляскою,
И барин не лежит
Помещиком, с прислугою
Подушек и перин!..
Хорош и зимней вьюгою
Он, мерзлою белугою
Лежащий дворянин!
А от тебя, я думаю,
Нельзя мне не попасть
Туда, где, на беду мою,
Холера просто страсть,
Там, в Вишенках!.. Но с шутками
Довольно, и поверь:
Нельзя мне даже сутками
Пожертвовать теперь;
К тому ж, и время скверное,
Частехонько дожди,
А у тебя, наверное,
Денек-другой пожди!..
Прощай же ты, целебная,
Холодная струя!
Забота здесь служебная
Не мучила меня,
И многое отрадное
Мне в память залегло,
И, наблюденья жадное,
Спокойно ты могло,
Души живое зеркало,
Всё отразить извне...
Любовью ж не коверкало
Ума и сердца мне!..

А письма что? а драма-то?
Пускай о том твоя
Рифмованная грамота
Уведомит меня.
Пускай тебе Никольского
Свободные утра
Дадут влиянья польского
И нравов до Петра
Списать картину верную...
Но знать хотят мечты:
Чем эту не химерную,
Чем Иппокрену серную
Ознаменуешь ты?
Июнь или июль 1848

В 1952-1954 гг. в связи со строительством Куйбышевской ГЭС имени В.И. Ленина село перенесли на новое возвышенное место, усадебный комплекс ушёл под воду. В двух километрах к северо-востоку от нового положения села находится памятник истории – средневековое городище Лысая Гора.

ВИШЕНКИ

«Он купил степь в Симбирской губернии (теперь Самарской), в Ставропольском уезде, около семи тысяч десятин, землю отличную, хлебородную, чернозём в полтора аршина глубиною, ровную, удобную для хлебопашества, по речке «Берля», в вершинах которой только рос по отрогам небольшой лесок; да был еще заповедный «Медвежий Враг», который и теперь составляет единственный лес для всего имения. Там поселил он триста пятьдесят душ. Это вышло имение отменно выгодное, потому что находилось в ста верстах от Самары.»

«Мы останавливались на целый день в большой деревне Вишенки, принадлежащей той же Прасковье Ивановне Куроле-

совой. Там был точно, такой же теплый и удобный флигель для наезда управляющего, как и в Парашине. Селение Вишенки славилось богатством крестьян, и особенно охотою их до хороших, породистых лошадей, разведенных покойным мужем Прасковьи Ивановны. Многие мужики приходили с разными приносами: с сотовым медом, яйцами и живою птицею. Отец ничего не брал, а мать и не выходила к старикам. Очевидно, что здесь на нас смотрели как на будущих господ, хотя никого из багровских крестьян не было. Из Вишенок мы переехали в село Троицкое.»

Село Вишенки (Куроедово тож) Ставропольского уезда (ныне Мелекесского района Ульяновской области) было основано в 1760-е годы М.М. Куроедовым. После его смерти принадлежало Н.И. Куроедовой, затем Тимофею Степановичу Аксакову, где у него было 538 душ крестьян с 4152 десятинами земли. По полюбовному разделу с братьями Николаем и Аркадием С.Т. Аксаков получил в Вишенках 374 души крестьян и дворовых людей. Летом 1851 года по дороге в Надеждино он побывал в селе с сыновьями Константином и Иваном.

Церковь в Вишенках была построена в память Сергея Тимофеевича его женой Ольгой Семёновной и освящена в январе 1860 года. На освящении церкви присутствовал сын писателя – Григорий, который в 1867 году стал самарским губернатором. До сих пор на том месте растет бывший церковный сад с кустами сирени; еще остались очертания фундамента церкви.

В 1910 г. в селе Вишенки (Куроедово) было 1626 жителей (русские), 281 двор, церковь, церковно-приходская школа, волостное правление, а в 1996 г. – 242 человека населения (русские, татары).

Местные жители хранят немало легенд об этих местах, а Медвежий овраг до сих пор среди них считается местом загадочным, якобы там можно встретить лешего.

Из окрестных достопримечательностей следует выделить великолепные рукотворные лесные насаждения из сосны и дру-

гих древесных пород в районе бывшего заповедного «Медвежьего Врага», которые посадили Ульяновские лесоводы в 50-60-ых годах XX столетия.

В соседнем селе Александровка находится местный краеведческий музей с прекрасным макетом дворянской помещичьей усадьбы. В селе Рязанове при сельскохозяйственном колледже сохранились здания XIX века и фрагменты старинного парка с вековыми соснами, липами и дубами.

До середины XIX века Самарской губернии не существовало. Самара и Ставрополь на Волге были уездными городами Симбирской губернии. В 1851 г. огромный Ставропольский уезд отошел Самарской губернии, а вместе с ним и село Вишенки (Куроедово).

На юго-западном направлении находятся имения братьев Сергея Тимофеевича, приобретённые или доставшиеся в наследство.

РЕПЬЁВКА (Космынская)

Это одно из владений Николая Тимофеевича Аксакова. Оно называлось Малая Репьевка, Голодяевка и располагалось в глубоком овраге вдоль русла речки Космынка. Н.Т. Аксакову принадлежало здесь 2002 десятины земли и 114 душ крестьян.

КАРАМЗИНКА

«У меня был в соседстве, верстах в двадцати, такой пруд, (принадлежавший А.М. Карамзину и называвшийся Карамзинским) на который кроншнепы прилетали перед своим отлётом осенью ежедневно в полдень; этот прилёт повторялся постоянно каждый год в исходе июля или в начале августа и продолжался недели две. По счастию, именно вдоль того самого берега, плоского и открытого, на который обыкновенно садилась вся стая, тянулся старый полусгнивший плетень, некогда окружавший конопляник, более десяти лет оставленный; плетень

обрастал всегда высокою травою, и мне ловко было в ней прятаться. Около полдён садился я в свое скрытное убежище и ожидал прилета кроншнепов. Плавно и беззаботно налетала на меня огромнейшая станица степных куликов всех трех пород; не только шум ветер слышал я от их тяжелого полета; надо мной неслась темная туча, вся составленная из длинных крыльев, ног, шей и кривых носов... В первый раз я так оторопел, что пропустил стаю и выстрелил уже вдогонку в одного отставшего кулика и поранил его в крыло…. Испуганная стая, взволновавшись, с шумом улетала, но, сделав круг и не видя нигде присутствия человека, возвращалась назад и нередко вновь опускалась на прежнее место единственно потому, что я не выходил из своего убежища и не подбирал убитых или подстреленных кроншнепов; последнее обстоятельство очень важно, потому что к раненой птице почти всегда опустится стая. Вторичный выстрел доставлял мне новую добычу, и кроншнепы улетали окончательно до следующего дня.»

Село Карамзинка находится на р. Карамзинка в 26-и км к юго-востоку от районного центра Майна. Родовое село Карамзиных. Известный исследователь землевладельцев Симбирского края П.Л. Мартынов приводит следующий документ: «21 октября 1704 года отказано синберенину Егору Петрову сыну Карамзину поместной земли в Синбирском уезде за валом... между речек Космынки и Каменки, вверх речки Гущи». После смерти Егора Петровича владельцем стал его сын Михаил – отец будущего историка.

Село называлось «Знаменское, Карамзино тож». В Знаменской церкви крестили родившегося здесь Николая Михайловича Карамзина (по одной из версий). Здесь же прошли его детские годы. Он уехал из Знаменского в 14-летнем возрасте, но неоднократно возвращался «под ветви сих зелёных ив».

«Я жил тогда в деревне, близ Симбирска, был еще ребенок, но умел уже чувствовать как большой человек. Там воспитывался дух мой в простоте естественной. Здесь меня ничто не

стесняет; я всегда сам себе господин, я могу делать всё, что хочу; могу забываться в мечтах, курить мою трубку, хранить молчание целыми часами, читать или марать бумаги…», – писал Карамзин в 1794 году.

Николай Михайлович отказался от своей доли отцовского наследства – части села Знаменское – в пользу брата Василия, который многие годы жил там с большой семьей, вел хозяйство. Василий был старшим братом, и после смерти родителей именно он стал опекуном своих малолетних братьев и сестры, взяв на себя нелёгкие труды по их воспитанию и определению. К этому времени Василий Михайлович занимал уже высокий пост прокурора. Как пишет краевед Ж. Трофимов, «лучшая часть симбирского общества уважала Василия Михайловича за безукоризненную честность, презрение к карьеризму, постоянное стремление к самообразованию и независимый образ жизни. Для младшего же брата он служил примером высокого уровня умственного и нравственного развития, старшим товарищем, у которого было чему поучиться в овладении историей, литературой, географией, философией, французским и немецким языками».

В звании поручика Василий ушел в отставку. (Известно, что он служил в гвардейском полку в столице и в 1770 был в звании подпоручика). Несмотря на существенную разницу в возрасте братьев сплачивала редкостная дружба до самых последних дней младшего. Знаменательно, что свою первую книгу, – перевод поэмы А. Галера «О происхождении зла» – выпущенную в 1786 году, Н.М.Карамзин посвятил старшему брату: «Родство и дружба соединяют сердца наши союзом неразрывным. Всегда почитаю я то время счастливейшим временем жизни моей, когда имею случай излить перед Вами ощущения моего сердца.., когда имею случай сказать Вам, что я Вас люблю и почитаю...». Письма, опубликованные в собрании сочинений историка, хранят удивительное тепло семейной привязанности, неподдельный интерес братьев к занятиям. Образ старшего брата во многом просматри-

вается в главном герое романа Н.М. Карамзина «Рыцарь нашего времени».

У Василия Михайловича Карамзина было четверо детей от горячо им любимой крепостной женщины, служившей в доме экономкой. Дети считались его воспитанниками. Фамилию Карамзиных в силу недворянского происхождения матери они иметь не могли, потому, как это нередко случалось, были записаны на фамилию отца без первого слога – Рамзины. Василий Михайлович любил своих детей и приложил немало усилий к их воспитанию, образованию и устройству. Поэтому после его смерти согласно завещанию родовая деревушка с 58 душами крестьян перешла к дочери Ольге, бывшей к тому времени замужем за Дмитрием Михайловичем Ниротморцевым. Всего по завещанию ей отошло 112 душ крестьян, 1832 десятины земли и дом на Театральной площади близ Петропавловского спуска в Симбирске. Остальные воспитанники были наделены деньгами.

История с завещанием села получила своё неожиданное продолжение. Сводный брат Н.М. Карамзина Александр Михайлович опротестовал завещание, доказывая, что родовое имение не может быть передано чужеродным. Рассмотрением тяжбы занимался Сенат. И лишь после смерти Ольги Васильевны её муж как опекун малолетних детей подал прошение в Госсовет о пересмотре дела в их пользу, и «последовало Высочайше утвержденное Мнение Государственного Совета, по которому спор разрешался окончательно в пользу малолетних».

Ольга Васильевна Ниротморцева была талантливой художницей. Ею был написан портрет отца – Василия Михайловича Карамзина, почти не известный широкому зрителю, который хранится в Ульяновском областном художественном музее.

На могиле отца она поставила четырёхгранный гранитный памятник. На трёх гранях были высечены слова эпитафии. Первая – центральная грань – сообщала: «В ужасный для меня день 24 апреля 1827 года в 2 часа по полунощи пресеклась дра-

гоценнейшая жизнь мудраго старца Василия Михайловича Карамзина».

Вторая грань содержала обращения к внукам: «Дети! Здесь покоится священный прах благодетеля нашего, придите поклониться ему с благоговением и пролить слёзы горести».

На третьей грани можно прочесть: «Отцу и другу благодетелю, Ангелу покровителю своему посвящает сей памятник его Ольга, желая, чтобы и её бренные останки были сокрыты под сим же камнем».

Через четыре года после отца скончалась сама Ольга Васильевна, и уже её муж заказал эпитафию на четвёртую грань памятника: «Дети! здесь покоится безценный прах достойнейшей матери вашей, единственнаго и несравненно милаго сердцу моему друга Ольги Васильевны Ниротморцевой, драгоценнейшая жизнь для нас ея пресеклась на 32 году, по полунощи в 8 часов 40 минут 20 ноября 1831 года».

В 1827 году село Знаменское было переименовано в Карамзино (Карамзинку) в память братьев Николая Михайловича и Василия Михайловича Карамзиных.

В 1903 году председатель Симбирской архивной комиссии В.Н. Поливанов посетил Карамзинку и оставил её описание: «В сорока верстах от Пензенского коммерческого тракта среди черноземных полей живописно приютилось около пруда с большими ветлами небольшое сельцо Знаменское, более известное под названием Карамзинка…

Помню хорошо господскую усадьбу, сад с липовыми аллеями, с искусственно вырытым водоемом, с кустами по берегам сирени, бузины, тополей, всякой другой зелени. Незатейливо выглядело это деревенское затишье, но оно носило характер безмятежной не причудливой деревенской обстановки, созданной на почве труда и любви к сельскому хозяйству…».

К началу XX века усадьба изменилась. В описании 1903 года Поливанов отмечает: «На месте старого дома построена

настоящею владелицею хорошенькая в русском стиле дача, а через дорогу от нее на доброхотные пожертвования сооружена небольшая церковь. Пожалел я старый дом, но порадовался, что на родине Карамзина воздвигнут Божий Храм».

Сегодня это село вымирает, в нём почти не осталось жителей, сохранилась лишь полуразрушенная церковь. В 90-е годы XX века было принято решение о перевозке в Ульяновск остатков храма из села Знаменское (Карамзинка). В 1995году по благословению архиепископа Прокла трудами протоиерея Георгия Халимонова это было осуществлено. И сегодня в дальнем Засвияжье Ульяновска среди лабиринта улиц, застроенных типовыми многоэтажками, рядом с громадой куба из стекла и бетона, где разместился строительный рынок, расцвел островок исторической России. Здесь создан один из самых красивых храмовых комплексов Симбирской митрополии с храмом Благовещения Пресвятой Богородицы.

В некрополь Симбирского Покровского монастыря была перенесена и могила Василия Михайловича с надгробным четырёхгранным гранитным памятником.

По материалам Ульяновского литературно-краеведческого журнала «Мономах»

КРОТКОВО

Село Кротково, основанное во второй половине XVIII века, принадлежало Анне Степановне Кротковой – жене Аркадия Тимофеевича Аксакова, гвардии прапорщика, а затем коллежского секретаря. С.М. Загоскин – сын писателя М.Н.Загоскина – вспоминал: «Аксаков, брат Сергея Тимофеевича, был хороший человек, и хотя не имел замечательного ума своего брата, но был схож с ним бесконечною добротою, честностью и благородством, качествами, присущими вообще всему поколению старых и молодых Аксаковых того времени. Он был женат на Анне Степановне Кротковой, премилой и прелюбезной женщине».

Тесть Аркадия Тимофеевича – поручик Степан Степанович Кротков (1779-1848) – был богатым симбирским помещиком. Он владел селом Ишеевка и прекрасной усадьбой в нём, а в 1802 году построил первую в уезде суконную фабрику. Но были в роду Кротковых и помещики «со странностями».

Так, дядя Анны Степановны – Дмитрий Степанович Кротков отличался нелепыми барскими привычками, граничащими с самодурством. О нём оставил воспоминания Владимир Соллогуб: «Сосед наш Дмитрий Степанович Кротков принадлежал ко второму разряду, то есть самодуров, и в доме его происходили разные безобразия. Он был человеком уже преклонных лет, старшим братом Степана Степановича и Ивана Степановича, как и он сам, богатых симбирских помещиков. Дмитрий Степанович слыл хорошим хозяином и был по природе человеком не дурным, семейным, чадолюбивым, хлебосольным, но оборотная сторона медали была отвратительная. Имение его Городище отстояло от Никольского всего в двух верстах и представляло для помещичьей усадьбы несравненно более удобства, чем наше поместье. Дом, хотя и деревянный, стоял весело на холме, его окружала почва растительная, твердая. Вблизи зеленела роща с пчельниками, сзади темнел бор, внизу извилисто текла речка Черемшан. На дворе торчали кривые серые амбары. Лаяли гончие собаки. Суетились с бельем прачки, шлепали истоптанными башмаками комнатные девушки и в числе их самоварщица, исключительно приставленная к самовару. Весь обиход скорее походил на цыганский табор, чем на господский двор. В доме, направо от прихожей, располагалась половина барина. В первой комнате, сколько мне помнится, без мебели, шевелилась на полу какая-то уродливая масса, безобразная, страшная. Это лежала в убогих отрепьях, едва прикрывавших ее голые ноги, старая, грязная, смуглая, широколицая, сумасшедшая калмычка Стешка. Подле нее на полу стоял ушат с квасом. Как пойманный хищный зверь, она водила вокруг комнаты озлобленными глазами, что-то

бешено мурлыкала и поминутно встряхивала нечёсаными и еще черными, как смола волосами, висевшими клочьями вокруг ее огромной головы. Около нее егозила и подпрыгивала другая дура Аришка с бельмом на глазу и в чепчике, украшенном вербными цветочками; грязное ее платье отличалось претензиями на щегольство и моду. Она болтала без умолку, перемешивая французские слова с русскими площадными. Была еще третья дура, имени которой не припомню, и два дурака. Днем они служили потехою, а ночью несли службу нелегкую. От беспрерывного своего возбуждения спиртными напитками барин мог спать, только урывками, беспрестанно просыпаясь и волнуясь. У кровати сидели дураки и дуры с обязанностью говорить, шуметь, ссориться и даже драться между собой, тут же сидел и кучер с арапником. Как только от усталости и дремоты шум утихал, кучер должен был «поощрять» задремавших арапником, – гвалт начинался снова, и барин опять засыпал. Таковы бывали барские ночи».

АЛАКАЕВО

«Одна старая помещица, жившая по делу в Уфе, Алакаева, которая езжала в дом к Зубиным, дальняя родственница Алексея Степановича, принимала в нём всегда особенное участие.»

В «Семейной хронике» упоминается Марфа Павловна Алакаева, сыгравшая в 1787–1788 гг. важную роль в женитьбе Тимофея Степановича Аксакова на Марии Николаевне Зубовой. А случилось ей поучаствовать в сватовстве потому, что в это время она проживала в Уфе, поближе к начальствующим лицам (Уфа в то время была центром огромного Уфимского наместничества, куда входили и симбирские земли), ожидая разрешения своего «дела».

Алакаевы – одни из первых помещиков в Симбирском Поволжье. По данным краеведа А.С. Сытина, дворянин Василий Алакаев поселился в Сызранском уезде в 1723 году. Около 1780 г. в

уезде проживали три брата – сыновья Абрама Алакаева. Сведения о симбирских Алакаевых имеются вплоть до конца XIX века.

«*Ключница Пелагея была в своем роде замечательная женщина…, жила внаймах по купеческим домам и в том числе у купцов персиян, соскучилась, проведала как-то, что она досталась другим господам, именно моему дедушке, господину строгому, но справедливому и доброму, и за год до его смерти явилась из бегов в Аксакове. Дедушка, из уважения к такому добровольному возвращению, принял ее очень милостиво, а как она была проворная баба и на все мастерица, то он полюбил ее и сделал ключницей».*

Симбирские помещики Алакаевы были хозяевами знаменитой аксаковской героини – ключницы Пелагеи. Ею непростую историю рассказывает Аксаков на страницах «Детских годов Багрова-внука»: «в очень молодых годах» крепостная девушка вместе с отцом бежала «от прежних господ своих Алакаевых» в Астрахань, где прожила «с лишком двадцать лет». По сведениям литературоведа Ю.К. Бегунова, этот побег произошел в 1773-75 годах, т.е. во время Крестьянской войны под предводительством Емельяна Пугачева. Дед С.Т. Аксакова скончался, предположительно, в 1797-98 году. Следовательно, Пелагея пришла из Астрахани в Аксаково около 1796-97 года. С ней Сережа Аксаков тесно общался не менее трех лет. Пелагея «...*принесла с собою необыкновенное дарование сказывать сказки, которых знала несметное множество».*

Мальчик десятки раз прослушал сказки «Царь-девица», «Змей-Горыныч», «Иванушка-дурачок», «Жар-птица», варианты сказок из «Тысячи и одной ночи», но более других – «Аленький цветочек». «*Образ здоровой, свежей и дородной сказочницы с веретеном в руках за гребнем неизгладимо врезался в мое воображение, и если бы я был живописец, то написал бы её сию минуту, как живую».* А сказка «Аленький цветочек» навсегда вошла в русскую литературу как сказка Сергея Тимофеевича Аксакова.

БОЛЬШАЯ РЕПЬЁВКА

В Симбирском крае было очень много Репьевок, и принадлежали они разным хозяевам. Большая Репьевка находилась в Сызранском уезде (ныне Новоспасский район) и владели ею рачительные и просвещенные хозяева Бестужевы. Им принадлежали еще три Репьевки, в которых проживало несколько поколений Бестужевых, прославившихся на симбирской земле как губернской деятельностью, так и своими хозяйственными достижениями.

Большая Репьевка вошла в историю России как родина бестужевской породы крупного рогатого скота. По некоторым сведениям, выведение этой породы началось при Борисе Макаровиче Бестужеве. В 1786 году, решив улучшить свое стадо и следуя веянию времени, он завез из Европы шортгорнскую (мясную), голландскую (молочную) и симментальскую (смешанную) породы коров. Путём скрещивания их со своим стадом, которое менялось в результате длительного отбора лучших образцов, и нового скрещивания с местным и привозным скотом сформировалась «бестужевская» порода, незаменимая в степной и лесостепной местности. Нетребовательная к корму, с большим весом и высокой молочностью, устойчивая к болезням, особенно к туберкулезу, она быстро снискала себе популярность во всем Среднем Поволжье.

До революции Бестужевы и их родственники (Буторовы, Давыдовы, Толстые, Мертваго и другие), живщие во многих имениях Сызранского и других уездов Симбирской губернии, прилагали все усилия для сохранения породы. В 1910 году «бестужевками» заинтересовалось губернское земство, закупив племенных коров у потомков Бестужевых. Их стали разводить на опытных станциях губернского земства; разводят эту породу и в наши дни.

В первой половине XIX века в Большой Репьевке жил Петр Александрович Бестужев, женатый на сестре поэта Н.М. Языкова. К их дочери Софье сватался Константин Аксаков в апреле 1852 года, но получил отказ. Поверенным в делах был А.С. Хомяков. В их усадьбе часто гостили герой-партизан Д.В.

Давыдов, братья П.М. и А.М. Языковы, родной брат Н.М. Карамзина – А.М. Карамзин с женой Натальей Борисовной Бестужевой, поэт Д.П. Ознобишин, литераторы П.В. Киреевский, П.И. Бартенев.

Это был единый круг родственников-знакомых, единомышленников, хозяйственников с похожими интересами. Дружили домами, ездили в гости, на крестины и именины. Обсуждали вопросы посевов, продаж. В гостиной дома не смолкали споры о политике и литературе, звучал русский фольклор, собирателями которого были П.В. Киреевский, А.М. Языков и его сестра П.М. Бестужева. Вместе они исколесили все села Сызранского уезда, записывая лучшие образцы русского устного народного творчества. Напоминанием о семье П.А. Бестужева в Большой Репьевке служит лишь полуразрушенный надгробный памятник его сыну Сергею Петровичу Бестужеву, чудом уцелевший на сельском кладбище.

Одной из владелиц дома в Большой Репьевке была Анна Павловна Тихменева, в замужестве Толстая,-приемная дочь А.В. Бестужева. Сохранились описания дома времен Толстых: «Верхний этаж дома наследники приспособили для детской, гостевых комнат и библиотеки, насчитывающей несколько сот томов. Комнаты нижнего этажа с высокими потолками занимали большой зал, гостиная, кабинеты и другие помещения. Как вспоминали внуки Толстых, при них в зале стоял длинный стол, стулья, обитые кожей, большой дубовый буфет, высокие с гирями английские часы, которые каждые 15 минут играли какую-нибудь мелодию. На всех восьми окнах висели деревянные гардины с гербами родственных дворянских семей, выпиленные собственноручно А.В. Толстым. Здесь же находился и мраморный бюст прежнего хозяина дома А.В. Бестужева.

Из зала дверь вела в зимний сад, который был детищем хозяйки дома Анны Павловны. Там она разводила пальмы и разные виды тропических растений. Пол в этом месте дома был по-

сыпан красным песком, стояли каменные резные креслица. Садоводы из Петербурга приезжали смотреть на ее диковинные рододендроны. В большой гостиной со старинной мебелью на стенах висели семейные портреты, картины с итальянскими пейзажами. Стояли шкафы-горки с разными редкостями, привезенными А.В. Толстым из путешествий и с археологических раскопок.

Рядом с домом разбит большой сад с прудом и плавающими лебедями. Посреди пруда на маленьком островке, по преданию, находился семейный склеп Бестужевых. Вокруг дома росли душистые кусты персидской сирени, а на большой клумбе перед окнами стояли каменные солнечные часы.

В таком виде дом дожил до революции, но в 1918 году его хозяйку А.А Мертваго (наследница Толстых) и ее дочь Екатерину застрелили красноармейцы, дом же был разграблен и сожжен. Не сохранились и другие усадьбы многочисленных представителей семьи Бестужевых».

Зато в двадцати км от Репьевки, в селе Тепловка Николаевского района (бывшее село Теплый Стан Сызранского уезда), и сейчас стоит, доживая свои последние дни, роскошный особняк с гербом Бестужевых на фронтоне.

По материалам Ульяновского
литературно-краеведческого журнала «Мономах»

СТАРОЕ НИКУЛИНО

«Мешкать не стали, опасаясь, чтоб слухи не дошли до Степана Михайловича; созвали соседей, сделали помолвку, обручили жениха с невестой, заставили поцеловаться, посадили рядочком за стол и выпили за их здоровье. Невеста соскучилась было длинной церемонией, множеством поздравлений и сиденьем на одном месте, но когда позволили ей посадить возле себя свою новую московскую куклу, то сделалась очень весела, объявила всем гостям, что это её дочка, и заставила куклу кланяться и вместе с ней благодарить за поздравления. Через неделю жениха

с невестой обвенчали с соблюдением всех формальностей, показав новобрачной вместо пятнадцатого, семнадцатый год, в чём по её наружности никто усумниться не мог.»

Есть версия, что описанная С.Т. Аксаковым в «Семейной хронике» скандальная история тайного венчания несовершеннолетней Н.И. Аксаковой с майором М.М. Куроедовым, могла произойти в старой деревянной церкви села Старое Никулино.

Оно было основано в середине XVIII века дворянином Никулиным и располагалось в верховье реки Бирюч у дороги, соединяющей Чуфарово с Тагаем (в 10-ти км от обоих населённых пунктов). В селе сохранилась полуразрушенная кирпичная церковь, построенная в начале XIX века на месте древней деревянной.

В настоящее время в Старом Никулине можно увидеть остатки старины: полуразрушенный остов храма с куполом и крестом; недалеко от храма – следы некогда находившейся здесь усадьбы и остатки старинного парка с 200-летними соснами и липами.

РЕПЬЁВКА (Инзенская)

«Я нигде не встречал таких обширных и отлично удобных болот, как в Симбирской и Пензенской губерниях, особенно на границе и той, и другой, по реке Инзе. Охотники собирались тоже отличные, и охоты бывали баснословно удачные. В одно поле, на двуствольное ружье, лучшие охотники убивали до 60-ти штук бекасов, дупелей и вальдшнепов: ибо осенью и последние сваливаются из лесов в болота и держатся в больших кустах около реки Инзы.»

«У него, Николая Тимофеевича Аксакова, в деревне, в Симбирской губернии, болотные куры водили детей несколько лет сряду около одних и тех же озерков, обросших вокруг камышом и поросших лопухами и водяными кувшинчиками.»

Село Репьёвка расположено на реке Инзе в восьми км к юго-востоку от районного центра. Принадлежало оно симбирскому губернскому предводителю дворянства (1850-1859), статскому советнику Николаю Тимофеевичу Аксакову, а досталось ему в наследство от отца.

По некоторым историческим сведениям, село основано в 1721-1725 годах подполковником Гавриилом Никитичем Репьёвым и поручиком В.Д. Неклюдовым. В XIX веке оно относилось к Городищенскому уезду Пензенской губернии и называлось «Благовещенское, Репьёвка тож».

Сразу после женитьбы Николай Тимофеевич вышел в отставку и поселился в своём родовом поместье. Он прослыл замечательным хозяином и просвещенным человеком; занимался благоустройством дорог, построил мост через Инзу; оказывал помощь крестьянам во время засухи, покупал книги для народных училищ.

Частыми гостями в усадьбе Аксакова бывали Н.М. Языков и его братья, В.И. Даль. Поэту и фольклористу Д.П. Ознобишину Николай Тимофеевич передал цикл русских песен, записанных им в селе Надеждино Белебеевского уезда.

Н. Т. Аксаков не был чужд литературной деятельности и в 1820–40 г. состоял в нескольких литературных кружках; находился в переписке с В.А. Жуковским, переводил и публиковался в журнале М.П. Погодина «Москвитянин» и др. Известны его статьи по общей литературе и естественной истории. В его поместье была собрана большая библиотека по этим направлениям науки.

Особой гордостью репьёвского имения Николая Тимофеевича была оранжерея, полная редкостных цветов и экзотических растений, разведением которых занимался он сам; также сам следил за поддержанием необходимой температуры, влажности и т.п. С удовольствием водил он в неё своих друзей и многочисленных гостей, поражавшихся этому уникальному са-

ду, в котором были собраны растения, необычные для нашего края. Неслучайно в 1860 году в Санкт-Петербурге Э. Регель издал «Каталог растений, находящихся в саду Николая Тимофеевича Аксакова в Пензенской губернии». Друг Н.Т. Аксакова поэт Д.П. Ознобишин посвятил ему стихотворение, выражающее восхищение его оранжереей:

ТУДА

(Н.Т. Аксакову)

Туда, где волны Инзы плещут,
Где, в их зеркальной тишине,
Цветные стёкла ярко блещут
В час полуночи, при луне;
Где сладко луч горит востока,
На лилиях снегов белей,
Где пальма с зеленью широкой,
Где астропея так высоко
Раскинулась в красе своей;
Где пышный сад зимой таится,
Растёт ваниль, цветёт банан;
Где ветерком не шевелится
Листок камелий южных стран,
Где с негой утопают взоры
В ползучих листьях пассифлоры;
Где купы роз, где фукций ряд
Унизан пышными серьгами,
И рододендр одет цветами,
золотистыми плодами
Лимоны дышат и горят...

В «Записках ружейного охотника Оренбургской губернии» С.Т. Аксаков не раз ссылается на брата как «настоящего охотника и образованного наблюдателя» и признаётся, что обязан ему многими сведения о повадках птиц и рыб. Но его любовь к природе иногда принимала причудливые формы. Так, Сергей Ти-

мофеевич вспоминал, что «*У Н.Т. Аксакова жила два года пара болотных кур в нарочно устроенной для того комнате с болотным полом. Кормили их мухами, червяками и тараканами. Петушок терял осенью свой гребешок и перевязки. Впрочем, и курочка, без гребня и перевязки, без всякой разноцветности перьев, очень хороша и миловидна».*

Умер Николай Тимофеевич в 1882 году в Петербурге. В некрологе о нём сказано: «Сегодня, 13 марта, в 4 часа утра на 85 году жизни скончался Н.Т. Аксаков, известный филантроп и последний из оставшихся в живых братьев автора «Семейной хроники» – С.Т. Аксакова. Жизнь его была славна трудами неустанными на благо Отечества... Мир праху благородного гражданина России».

В Репьевке у Н.Т. Аксакова родился сын Александр (27 мая 1832 года) – будущий писатель, первый исследователь паранормальных явлений в России.

Большими наделами земли около Репьевки владел великий русский химик А.М. Бутлеров – муж племянницы Н.Т.Аксакова Надежды Глумилиной (дочери Софьи Тимофеевны Аксаковой).

В Репьевке с женой Анной Николаевной жил дядька писателя, Ефрем Евсеич. Немало добрых строк в своих книгах посвятил Аксаков своему старшему другу и наставнику – незабвенному Евсеичу. Этот литературный образ очень роднится с пушкинским Архипом Савельичем – дядькой Петруши Гринёва из «Капитанской дочки».

В самом конце «Семейной хроники» С.Т. Аксаков вспоминает последние встречи со своим любимым дядькой: «*Евсеич (его звали всегда только по отчеству) впоследствии был дядькой её старшего сына, за которым ходил с отцовской горячностью. Я знал коротко этого почтенного старика. Лет пятнадцать тому назад я видел его уже слепого, доживавшего свой век в Пензенской губернии у одного из внуков Степана Михайловича*

Багрова. Мне случилось прогостить там целый летний месяц. Каждый день, рано поутру, приходил я удить в проточном пруде на речке Какарме, при впадении её в прекрасную реку Инзу; на самом берегу пруда стояла изба, в которой жил Евсеич. Каждый день, подходя к пруду, видел я этого, уже дряхлого, сгорбленного, седого как лунь старика, стоявшего, прислоняясь к углу своей избы, прямо против восходящего солнца; костлявыми пальцами обеих рук опирался он на длинную палку, прижав её к своей груди и устремив слепые глаза навстречу солнечным лучам. Он не видел света, но чувствовал теплоту его, столь приятную в свежести утреннего воздуха, и грустно-радостно было выражение его лица. Слух его был так чуток, что он издали узнавал мою походку, и весело, как старый рыбак приветствует молодого, приветствовал меня, хотя мне самому было уже пятьдесят лет. «А, это ты, соколик! (Так привык он звать меня в молодости.) Пора! Дай бог клёв на рыбу!».

Краевед из Башкирии Назаров В.Л., работая с ревизскими сказками села Троицкое (Аксаково), установил дату рождения Евсеича: «В ревизской сказке 3-й ревизии от 7 августа 1762г. по с.Троицкому за прапорщиком астраханского гарнизонного полка Степаном Михайловичем Аксаковым числилось 195 душ крестьян обоего пола. Среди этих крестьян встречаются имена хорошо известных персонажей книг С.Т. Аксакова – поверенного Пантелея Григорьевича и любимого слуги Сережи Аксакова – Евсеича и их ближайших родственников. В ревизской сказке указано, в 1760 году Евсеичу было 4 года. Значит, когда родился Серёжа, ему было 35 лет», так что на момент их последней встречи любимому дядьке писателя было за 80 лет.

Храм
в селе
Репьёвка

В селе в полуразрушенном виде стоит Михайло-Архангельская церковь. В архиве Пензенской губернии сохранилась запись, что в 1850 году «тщанием господина статского советника Н.Т. Аксакова построен в селе Благовещенское храм, один престол которого посвящён Архангелу Михаилу и второй – Александру Невскому».

Уникальность этого храма в том, что при его постройке не было использовано ни одного гвоздя. Храм являлся украшением села. Издалека были видны золочёные купола и два креста на маковках. Далеко разносился колокольный звон. Здание церкви обнесено железной оградой с большими шарами на кирпичных столбах. Внутри ограды устроено кладбище, где покоились бывшие служители церкви. Около церкви стояла сторожка. Живший в ней сторож каждый час звонил в колокола, и можно было узнать сколько времени. Зимой же в пургу или метель, заблудившийся путник по звону определял дорогу домой.

Последний иерей этой церкви в 1920-х годах о. Андрей (Андрей Михайлович Архангельский). Он проживал со своей семьёй в деревянном доме в центре села Репьёвка.

Церковь просуществовала вплоть до 30-х годов XIX века, до того времени, когда по всей стране прошла волна разрушений церквей, монастырей. Местные жители вспоминали, что в это же время был осквернён склеп, который находился в подвале церкви. В своё время там были похоронены молодая женщина, родственница Аксаковых (кто именно – неизвестно) и любимый слуга Аксаковых – дядька Евсеич. Местные ребятишки «обследовали» разрушенный склеп и видели косу, остатки разрушенного мраморного гроба. Они находили золотые крестики и другие.

Во времена коллективизации и в послевоенные годы церковь использовали как склад, куда ссыпали семенной фонд. В эти годы церковь была в довольно хорошем состоянии: роспись стен, печь-голландка, изгородь, стёкла, двери, лестница на колокольню, двери в алтаре.

В настоящее время от церкви остались одни стены, на которых видна поблёкшая, облупившаяся роспись. До сих пор пожилые люди иногда останавливаются напротив главного входа и крестятся; у полуразрушенной церкви останавливаются траурные процессии, певчие запевают молитвы.

Сохранились предания поселян о временах крепостного права. Они представлены на сайте села Репьёвки. О каком хозяине имения идет речь не совсем понятно, скорее всего, о владельцах рубежа XIX и XX веков. После Н.Т. Аксакова, по имеющимся историческим сведениям, владельцами села были: Степан Алексеевич Арапов, Андрей Иванович Нечаев, Василий Иванович Ульянин, Фёдор Иванович Ульянин, Андрей Иванович Языков.

ИМЕНИЕ ПОМЕЩИКА
(Из рассказов репьёвских поселян)

Первоначально дом владельца села находился в западной части Репьёвки. Сейчас на этом месте располагаются приусадебные участки, называется то место «поддым». По словам старожилов на том месте стояла целая улица. Но проигравшийся в карты барин отдал всех крестьян за карточный долг. Вскоре барский

дом по какой-то причине сгорел. Затем пожарище расчистили и стали использовать землю под огороды. При обработке земли на поверхности находили разные предметы: старинные металлические деньги, керамическую плитку с разноцветным стеклянным покрытием, которая употреблялась на отделку печи. Сохранился также полуразрушенный колодец.

Затем барский дом был построен в центре села напротив церкви. Сам помещик жил в Петербурге, но летом приезжал в своё имение на отдых. Добирался он по московскому тракту на лошадях до города Пензы через Городищи. Но затем с устройством в 1890-х годах железной дороги, до станции Инза, а оттуда на лошадях.

По его указу крестьяне прорубили через лес, именуемый «Бором», где стояли вековые сосны, просеку, по которой провели дорогу, ведущую прямо к церкви. С горы, по которой проходила просека, открывается вид всего села.

Со слов старожилов, однажды весной, когда разлилась полая вода в реке Инза, помещик подъехал к селу, но переправиться на другой берег оказалось невозможным. Под любопытными взглядами крестьян, столпившихся на другом берегу, кони были направлены в воду и, искупавшись в ледяной купели с головы до ног, помещик выбрался на нужный берег, где происходящее так же наблюдал и местный батюшка, который пригласил его к себе на чай.

Барский дом был деревянный, в нём жила экономка, которая руководила работами по дому, где были повара, прачки, садовники. Другими хозяйственными делами руководил управляющий. При барском доме находилась зимняя оранжерея, где выращивались всевозможные цветы и южные растения, так же имелись ананасы, которые давали урожай на третий год. За домом же, вдоль реки, располагался большой парк, где стояли вековые деревья. Служить в барском доме считалось престижно, это был надёжный кусок хлеба, так как платили жалованье.

Для работы в оранжерее выбирались самые красивые девушки села. Управляющий выстраивал девушек, одетых по такому случаю в нарядные сарафаны, в один ряд, и барин сам ходил вдоль ряда и выбирал понравившуюся девушку. Если же кто из работавших в доме был замечен в нерадении к работе, то на следующий день управляющий объявлял провинившемуся, чтобы тот на работу больше не приходил. На его же место принимали другого человека.

В хозяйстве помещика имелся спиртзавод, который находился за селом у пруда. Вдоль ручья Какорма находилась людская или барак, где жили принятые со стороны люди, работавшие на спиртзаводе. Имелась столовая, где работавшие на барина крестьяне за свой труд получали еду. Если же крестьянин отказывался кормиться в столовой, то получал каравай хлеба, который нёс домой, чтобы накормить свою многочисленную семью.

В верховье ручья Какорма, который протекает через село Репьёвка, имеются несколько родников, которые называются Поповскими. Славятся они своей чистой студёной водой, напившись которой, в любую погоду, не бывает никогда простуды. Специально для барина крестьяне возили воду в больших деревянных бочках на двор, где тут же ставился для него самовар.

У помещика была дочь, и однажды к ним приехал погостить молодой барин. Когда он гулял по саду с дочерью хозяина, неожиданно выстрелило ружьё, которое он держал в руках, и пуля повредило ногу девушке. После этого она осталась на всю жизнь калекой, а виновника, под угрозой тюрьмы, барин заставил жениться на ней. Но жить с молодой женой он не стал и куда-то уехал. После этого молодая хозяйка никуда не выезжала из села и, в основном, занималась хозяйством. Эта помещица надолго осталась в памяти крестьян, покорив их своей добротой. Никого она не оставляла без внимания. Около её дома часто можно было увидеть толпы нищих, которым она давала ночлег и хлеб. Если

же у кого из крестьян падёт корова или лошадь, то она давала тому денег на покупку новой скотины.

От усадьбы Н.Т. Аксакова остался большой пруд и практически в первозданном виде окрестная природа. В окрестностях Репьёвки есть интересные природные и культурно-исторические объекты. Так, в Панцыревке сохранился дворянский усадебный комплекс XIX века, остатки старинного парка, тополёвая аллея, церковь. Рядом с селом на правом берегу реки Инзы находится археологический памятник – стоянка неолита или раннего медно-бронзового века.

В окрестностях аксаковской Репьёвки много усадеб, принадлежащих прославленным людям. Все они были дружны между собой. Их объединяла общественная деятельность, литературные вкусы и хозяйские заботы.

Село Пятино – усадьба И.А. Анненкова, декабриста и политического деятеля. Анненковы принадлежали к числу богатейших людей Российской империи конца XVIII – начала XIX вв. И.А. Анненков принял активное участие в подготовке и проведении Крестьянской реформы и особо гордился тем, что ему довелось всё-таки исполнить главную задачу, которую когда-то определили для себя декабристы. В 1865-1868 гг. И. А. Анненков возглавлял нижегородскую земскую управу. В 1860 г. судьба Анненковых была настолько необычной, что великий французский романист А.Дюма-отец написал роман «Учитель фехтования». Он посетил Симбирск, Нижний Новгород, а, по некоторым данным, побывал и в Пятино – родовом имении Анненковых. В Нижнем Новгороде состоялась встреча писателя с уже состарившимися супругами Анненковыми. Отдельные эпизоды биографии Анненковых легли в основу фильма «Звезда пленительного счастья». В с. Пятино сохранился храм, построенный матерью декабриста, фрагменты усадьбы, парк. В лесу остался

реликтовый участок с елью – уникальный для данной местности памятник природы.

Усадьба Дмитрия Петровича Ознобишина.

Дмитрий Петрович Ознобишин (1804-1877 гг.) – талантливый поэт пушкинской эпохи, переводчик с восточных и западноевропейских языков, лингвист, полиглот, фольклорист, видный общественный деятель. Его имение располагалось в с. Троицком (в двух км от г. Инза). Сохранился парковый ансамбль усадьбы, пруды, фонтан. С родом Ознобишиных связано с. Юлово. В Карамзинской библиотеке Ульяновска находится часть богатейшей библиотеки Ознобишиных.

Усадьба Николая Платоновича Огарева в Проломихе.

На окраине села Проломиха Инзенского района стоит двухэтажный дом с мезонином, в котором в 1850-1855 гг. жил поэт и революционный демократ, близкий друг А.И. Герцена Николай Платонович Огарев. Здесь им были написаны одни из лучших произведений: лирическая поэма «Зимний путь», стихотворение «Искандеру», стихи «Заря-подруга муз», «Весною» и др. В окрестностях усадьбы Огарева – великолепная природа: рядом с домом речка Тала, сосновый реликтовый бор, родник, бьющий из подножия горы.

НЕКЛЮДОВО

Деревня Неклюдовка Барышского района и поселок Неклюдовский Инзенского района находились в бывшем Карсунском уезде, причём посёлок Неклюдовский был расположен на речке Неклюдовка, а Неклюдово – на реке Сюксюм. Возможно, они каким-то образом связаны с родом дворян Неклюдовых. Один из Неклюдовых – поручик В.Неклюдов - прадед С.Т. Аксакова по линии бабушки Ирины Васильевны, урожденной Неклюдовой, в первой четверти XVIII века был управляющим царским вотчинным селом Рождествено, расположенном на гористом пра-

вом берегу Волги, против Самары. Эти сведения приведены в «Самарской летописи».

КУРОЕДОВО И КУРОЕДОВСКИЕ ВЫСЕЛКИ

«…Приехал в Симбирскую губернию, в отпуск, молодой человек, лет двадцати восьми, родовой тамошний дворянин Михаил Максимович Куролесов, служивший в военной службе; он был, как говорится, молодец собой. Многие называли его даже красавцем, но иные говорили, что он, несмотря на свою красивость, был как-то неприятен… С пятнадцатилетнего возраста он находился в службе и в каком-то известном тогда славном полку и дослужился уже до чина майора. В отпуск приезжал редко, да и приезжать было не к чему, потому что у него родового имения всего было душ с полтораста, и то малоземельных, находившихся в разнопоместном селении Грачёвке.»

Куроедово и Куроедовские выселки Сызранского уезда ныне населённые пункты Николаевского района. Возможно, это и были те самые родовые вотчины Куроедова, называемые в «Семейной хронике» – «разнопоместное селение Грачёвка».

БЕКЕТОВКА

«*Старуха вытерпев первый поток самых крупных ругательств, приосанилась и, разгорячившись в свою очередь, сама напала на моего дедушку: «Да что ж это ты развоевался, как над своей крепостной рабой, сказала она, – разве ты забыл, что я такая же столбовая дворянка, как и ты, и что мой покойный муж был гораздо повыше тебя чином.»*

В «Семейной хронике» С.Т. Аксаков рассказывает о тщательно скрываемой от Степана Михайловича свадьбе его любимой двоюродной сестры 14-летней Надежды и 40-летнего М. М. Куроедова. Вопреки его воле этому браку способствовала родная бабушка девочки Бекетова (по книге Бактеева).

Село Бекетовка Сенгилеевского района расположено в 23 км к югу от г. Сенгилея на юго-восточных склонах Сенгилеев-

ских гор и является центром сельской администрации. Основано в 1680 году крещеными чувашами, получившими «за государеву пограничную охранную службу землю в 20 верстах от Сенгилея». В 1736 году всю землю (2220 десятин) скупил отставной полковник А.П. Бекетов (с его именем связано и название села). Первопоселенцы обосновались в окрестных чувашских селах, а на освободившуюся землю А.П. Бекетов перевел часть своих крепостных из с. Архангельского (Репьевки) Карсунского уезда. А.П. Бекетов был дедушкой Надежды Ивановны Куроедовой. В селе в целом сохранился архитектурный облик здания бывшей церкви Рождества Христова, выстроенной в 1842 г., хотя он и был существенно изменен при перестройке под сельский клуб.

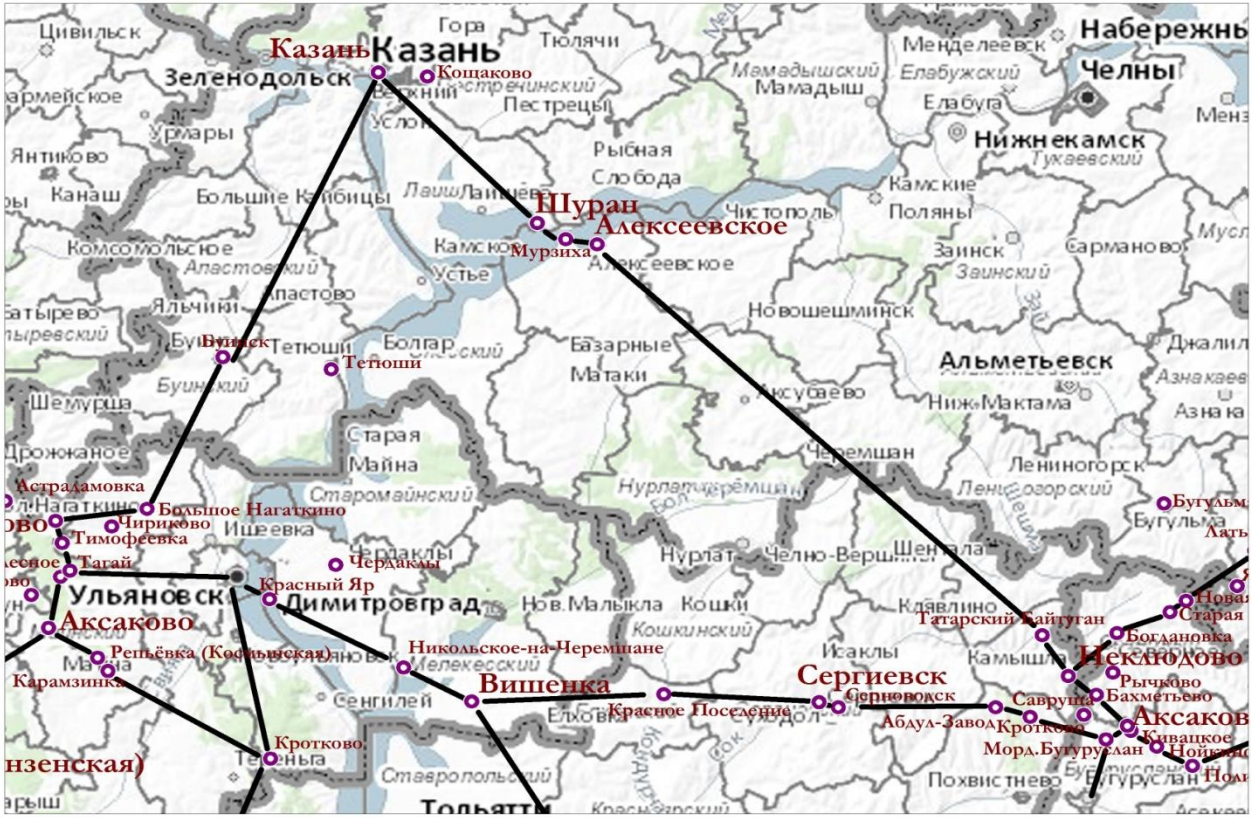
«Охота, милый друг, охота
Зовёт нас прелестью своей!»

Охоты в Симбирской губернии бывали у Сергея Тимофеевича не хуже оренбургских. Здесь его страсть разделяли братья и соседи.

«Вот и еще рассказ, не менее сомнительной вероятности для не охотников: я знаю Симбирской губернии ***в Корсунском уезде*** *один глубокий пруд, весь состоящий из запруженного сильного родника, называемого* ***Белый ключ****. Вода была превосходная, так что в ней жили насаженные голавли и даже стерляди. В пруду развелось такое, множество окуней и пескарей, что уженье вышло отличное и диковинное: рыбак закидывал удочку на червяка, сию минуту проглатывал его пескарь, и в непродолжительном времени проглатывал пескаря окунь. Сначала это был сюрприз для охотника, но потом мы все пользовались таким удобством, то есть самопроизвольной насадкой пескарей, и кто хотел удить именно окуней, тот не снимал только с крючка попавшегося пескаря».*

«Но лет двадцать тому назад в ***реке Свияге****, протекающей под самым Симбирском, вдруг появились сазаны; сначала средней величины и крупные, а впоследствии уже развелось и*

множество мелких. Не утверждаю за верное, но мне сказывали, что в верховье этой самой реки у какого-то помещика был огромный пруд, не уходивший лет сорок, в котором он развел сазанов (карпий) в изобилии; но вдруг этот пруд прорвало, сазаны ушли и распространились по всей реке. Конечно, всего ближе было зайти сазанам из Волги, в которую Свияга впадает; но п очему же они не заходили прежде? Как бы то ни было, но появление сазанов открыло новое превосходное уженье для симбирских рыбаков-охотников. Через несколько лет уже появились сазаны и в других небольших реках Симбирской и даже Пензенской губернии».

Казань
Казань
Кощаково
Зеленодольск
Набережные Челны
Челны
Менделеевск
Елабуга
Нижнекамск
Шуран
Алексеевское
Мурзиха
Мамадыш
Пестрецы
Рыбная Слобода
Камские Поляны
Чистополь
Заинск
Сарманово
Комсомольское
Камское Устье
Новошешминск
Альметьевск
Нижняя Мактама
Лениногорск
Бугульма
Тетюши
Базарные Матаки
Старая Майна
Астрадамовка
Большое Нагаткино
Чириково
Тимофеевка
Тагай
Ульяновск
Аксаково
Красный Яр
Димитровград
Чердаклы
Ишеевка
Нов.Малыкла
Кошки
Никольское-на-Черемшане
Вишенка
Сенгилей
Красное Поселение
Сергиевск
Исаклы
Кошкинский
Нурлат
Челно-Вершины
Шентала
Кряжлино
Татарский Байтуган
Богдановка
Некрасовка
Рычково
Бахметьево
Савруша
Кротково
Аксаков
Кивацкое
Морд.Бугуруслан
Бугуруслан
Похвистнево
Карамзинка
Репьёвка (Кокрыкская)
Кротково
Ставропольский
Тольятти

АКСАКОВСКИЕ МЕСТА ТАТАРСТАНА

В аксаковских местах Поволжья Казань и её окрестности занимают особое место. Здесь прошли годы учебы С.Т. Аксакова сначала в Казанской гимназии, а затем во вновь образованном университете. Об этом его книга «Воспоминания», которая завершает автобиографическую трилогию. По «Воспоминаниям» можно восстановить немало казанских адресов и близлежащих мест, где бывал юный Аксаков.

Из Казани он ездил к родителям на каникулы в двух направлениях (в зависимости от того, где в этот момент жила вся семья): **южном –** в симбирское Аксаково (Троицкое) и

юго-восточном – в оренбургское Аксаково (Знаменское).

КАЗАНЬ

«В середине зимы 1799 года приехали мы в губернский город Казань. Мне было восемь лет.»

История Казани насчитывает тысячу лет, и в 2005году эта дата была широко отмечена. Город появился как форпост государства Волжская Булгария на левом берегу Волги у впадения в нее реки Казанки. Он имел естественную защиту со всех сторон:с одной стороны это была река, а с других – болота. Сравнение крепости с котлом – казаном – и дало название городу.

В 1552 году войска Ивана Грозного штурмом взял неприступный город. Вместо деревянного вырос каменный Кремль, внутри которого появились Благовещенский собор и другие церкви. Вокруг Кремля быстро заселялись ремесленные слободы. Уже в начале XVIII века Казань стала губернской столицей. Под её началом оказались не только обширные земли Поволжья, но и Приуралье.

КАЗАНСКАЯ ГИМНАЗИЯ

«Здание гимназии (теперешний университет) стояло на горе; вид был великолепный: вся нижняя половина города с его Суконными и Татарскими слободами, Булак, огромное озеро Ка-

бан, которого воды сливались весною с разливом Волги,- вся эта живописная панорама расстилалась перед глазами».

Указ об основании Казанской гимназии был подписан императрицей Елизаветой Петровной 21 июля 1758 года. Она состояла из двух отделений: дворянского и разночинского.

Сначала в гимназии училось 14 учеников, потом – 25, а в следующем учебном году - уже 120. Первым директором назначили асессора Московского университета М.И. Веревкина - известного писателя-просветителя XVIII века, ставшего в 1785 году академиком. В середине 20-х годов XIX века гимназию недолгое время возглавлял И.И. Лажечников (1792-1869), будущий автор исторических романов. Это было первое учебное заведение, где с 1769 года преподавался татарский язык.

Оставаясь на протяжении почти полувека единственным учебным заведением подобного рода, гимназия способствовала развитию искусства, научной, общественной и литературной жизни города. В 1801 году в здании гимназии разместилась Азиатская типография. Она печатала художественную, учебную и религиозную литературу на татарском языке. Здесь же были созданы первые общественные музеи Казани — натуральный и физический кабинеты. С 60-х годов XVIII века в ней силами учащихся и любителей со стороны давались публичные театральные представления, положившие начало истории театра в Казани.

Одним из первых воспитанников гимназии был Г.Р. Державин. Вот как вспоминал он эти годы: «Преподавалось учение языкам: латинскому, французскому, немецкому; арифметике, геометрии, танцеванию, рисованию и фехтованию. Более всего старались научить читать, писать и говорить сколько-нибудь по грамматике и быть обходительным: заставляли сказывать на кафедрах речи, также представить на театре, танцевать и фехтовать, что делало питомцев хотя в науках не искусными, однако же доставило модность, некоторую развязность в обращении».

Из стен гимназии вышли: создатель неевклидовой геометрии Н. Лобачевский (учился с 1802 по 1807 г.), знаменитый химик А. Бутлеров (окончил в 1844 г.), замечательный художник-пейзажист И. И. Шишкин (учился с 1843 по 1848 г.), астроном и географ И.Симонов и многие другие известные всей России люди.

Первое собственное помещение гимназия получила в 1762 году. Это были два свежесрубленных двухэтажных дома в приходе церкви иконы Грузинской Богоматери. Но в 1774 году, когда город захватили пугачёвские повстанцы, они сгорели. В 1798 году гимназию перевели в губернаторский дом на Воскресенской улице (ныне улица Кремлевская). В этом здании и учился Сергей Аксаков. С 1805 года здесь же разместился Казанский университет, а для гимназии решили построить собственный дом.

В «Воспоминаниях» С.Т. Аксакова сохранились нерадостные строки о том, как трудно было ему вживаться в строгий распорядок гимназической жизни, как скучал он по домашним деревенским занятиям.

«…Огромное белое здание гимназии, с ярко зеленой крышей и куполом, стоящее на горе, сейчас бросилось мне в глаза и поразило меня, как будто я его никогда не видывал. Оно показалось мне страшным, очарованным замком (о которых я читал в книжках), тюрьмою, где я буду колодником. Огромная дверь на высоком крыльце между колоннами, которую распахнул старый инвалид и которая, казалось, проглотила меня; две широкие и высокие лестницы, ведущие во второй и третий этаж из сеней, освещаемые верхним куполом; крик и гул смешанных голосов, встретивший меня издали, вылетавший из всех классов, потому что учителя еще не пришли, — все это я увидел, услышал и понял в первый раз. Несмотря на то, что я жил в гимназии уже более недели, я не замечал ее. Только сейчас почувствовал я себя казенным воспитанником казенного учебного заведения. Целый день я удивлялся всему, как будто новому, невиданному, и боже мой!

Как все показалось мне противно! Вставание по звонку, задолго до света, при потухших и потухающих ночниках и сальных свечах, наполнявших воздух нестерпимою вонью; холод в комнатах, отчего вставать еще неприятнее бедному дитяти, кое-как согревшемуся под байковым одеялом; общественное умывание из медных рукомойников, около которых всегда бывает ссора и драка; ходьба фрунтом на молитву, к завтраку, в классы, к обеду и т.д.; завтрак, который состоял в скоромные дни из стакана молока пополам с водою и булки, а в постные дни — из стакана сбитня с булкой; в таком же роде обед из трех блюд и ужин из двух…».

Для юного Серёжи Аксакова это стало серьёзным испытанием. Привыкший к вольной деревенской жизни, всегда окруженный всеобщей любовью и вниманием Серёжа не смог привыкнуть к жесткому порядку закрытого учебного заведения; и главное, чего он был лишен здесь – постоянного общения с маменькой. У него случилось серьёзное нервное заболевание. Преданный слуга Евсеич тайно от надзирателей сообщил Марии Николаевне об отчаянном положении её сына. И весной 1801 года в распутицу она, невзирая на все трудности санного пути и опасности переправ, через уже «тронувшиеся» реки, рискуя жизнью, добралась до Казани из оренбургского Аксаково. Этот эпизод, описанный в «Воспоминаниях», Ф.М. Достоевский, высоко ценивший творчество С.Т.Аксакова, назвал настоящим подвигом материнской любви. Мария Николаевна с большим трудом, прибегая к вынужденной хитрости, смогла забрать больного сына обратно в деревню. Здесь среди любимых рощ и прудов юный Серёжа снова окреп и уже свыкся с мыслью о необходимости учёбы. В июне 1801 года он вернулся в Казань.

УНИВЕРСИТЕТ

«Все, что сохранилось во мне доброго, - писал Аксаков, – считаю себя обязанным гимназии, университету, общественному учению и тому живому началу, которое вынес я оттуда».

«Отец и мать очень обрадовались моему назначению в студенты, даже с трудом ему верили, и очень жалели, что Григорий Иваныч не оставил меня до акта, на котором было предположено провозгласить торжественно имена студентов и раздать им шпаги».

«Больница помещалась в третьем этаже, окнами на двор. Здание гимназии (теперешний университет) стояло на горе; вид был великолепный: вся нижняя половина города с его Суконными и Татарскими слободами, Булак, огромное озеро Кабан, которого воды сливались весною с разливом Волги, - вся эта живописная панорама расстилалась перед глазами. Я очень помню, как ложились на нее сумерки и как постепенно освещалась она утренней зарей и восходом солнца».

«Уже около года носились слухи, что в Казани будет основан университет. Слухи стали подтверждаться, и в декабре 1804 года получили официальное известие, что устав университета 5 ноября подписан государем. Попечителем был назначен действительный статский советник Степан Яковлевич Румовский, который и приехал в Казань. Это событие взволновало весь город, еще более гимназию и преимущественно старший класс».

«Мы с Александром Панаевым, прицепив свои шпаги, целое воскресенье бегали по всем городским улицам, и как тогда это была новость, то мы имели удовольствие обращать на себя общее внимание и любопытство. Более просвещенное лакейство,

сидя и любезничая с горничными у ворот господских домов, нередко острило на наш счет, говоря: «Ой, студено – студенты идут». В гимназии шли большие хлопоты о назначении студентам особых комнат, отдельно от гимназистов, помещавшихся в том же здании гимназии, об устройстве студентам особенного стола в другой небольшой зале и об открытии новых университетских лекций. Наконец, в исходе августа все было улажено, и лекции открылись…».

15 ноября 1804 г. император Александр I подписал Утвердительную грамоту и Устав Казанского императорского университета. Ныне одного из старейших в России.

Университет был открыт на базе Казанской мужской императорской гимназии и долгое время составлял с ней одно целое. И не только потому, что располагался с ней в одном здании на Воскресенской, но и потому, что административная власть была сосредоточена в одном лице: директор гимназии получил ещё необычный пост профессора-директора университета. К тому же, в первое время финансирование университета шло через гимназию.

С открытием университета главной задачей гимназии стала подготовка молодых людей к учёбе в нём. В феврале 1805 года первыми студентами университета стали самые успешные гимназисты. Кандидатом в студенты номер один был Петр Кондырев, впоследствии ставший профессором Казанского университета. Среди других стояли имена братьев Василия и Дмитрия Перевощиковых - будущих академиков, Александра Княжевича - будущего министра финансов России, Василия Тимьянского и Андрея Кайсарова, тоже будущих профессоров университета, а также Сергея Аксакова и братьев Панаевых.

Казанский университет в течение многих лет являлся самым восточным высшим учебным заведением России. Учебный округ, во главе которого стоял Казанский университет, включал Поволжье, Пензенскую и Тамбовскую губернии, Прикамье и

Приуралье, Сибирь и Кавказ. Уже в первые десятилетия своего существования университет стал крупным центром образования и науки. Здесь был сформирован ряд научных направлений и школ: математической, химической, медицинской, лингвистической, геологической, геоботанической и других.

С 1822 по 1842 года был выстроен новый университетский комплекс: главное здание, куда в перестроенном виде вошел и корпус гимназии, обсерватория, анатомический театр, библиотека, химическая лаборатория с физическим кабинетом, клиника, здания вспомогательных служб. Руководил работами однокашник С.Т. Аксакова Н.И. Лобачевский, занимавший в 1827-1846 гг. должность ректора университета.

В «Воспоминаниях» С.Т.Аксакова живо и ярко описываются первые годы университетской жизни. Ещё не устоялись организационные моменты, многие студенты продолжали обучение в высших классах гимназии, но необыкновенное воодушевление и подъем царили в учебном заведении.

«Нельзя без удовольствия и без уважения вспомнить, какою любовью к просвещенью, к наукам было одушевлено тогда старшее юношество гимназии. Занимались не только днем, но и по ночам. Все похудели, все переменились в лице, и начальство принуждено было принять деятельные меры для охлаждения такого рвения. Дежурный надзиратель всю ночь ходил по спальням, тушил свечки и запрещал говорить, потому что и впотьмах повторяли наизусть друг другу ответы в пройденных предметах. Учителя были также подвигнуты таким горячим рвением учеников и занимались с ними не только в классах, но и во всякое свободное время, по всем праздничным дням. Григорий Иваныч читал для лучших математических студентов прикладную математику; его примеру последовали и другие учителя. Так продолжалось и в первый год после открытия университета. Прекрасное, золотое время! Время чистой любви к знанию, время благородного увлечения!»

В Казанском университете сформировались главные направления всей последующей творческой жизни С.Т.Аксакова: литературное, театральное и натуралистическое.

В 1807 году он получил аттестат об обучении в университете. *«Накануне дня, назначенного к отъезду, пришёл я проститься в последний раз с университетом и товарищами. Обнявшись, длинной вереницей, исходили мы все комнаты, аудитории и залы. Потом крепко, долго обнимались и целовались. Прощаясь навсегда, толпа студентов и даже гимназистов высыпала проводить меня на крыльцо; медленно сходил я с его ступеней, тяжело, грустно было у меня на душе; я обернулся, ещё раз взглянул на товарищей, на здание университета – и пустился почти бегом… За мной неслись знакомые голоса: «Прощай, Аксаков, прощай!»*

Прощай, шумная, молодая, учебная жизнь! Прощайте, первые, невозвратные годы юности, пылкой, ошибочной, неразумной, но чистой и благородной! Ни свет, ни домашняя жизнь со всеми их дрянностями ещё не помрачили вашей ясности! Стены гимназии и университета, товарищи – вот что составляло полный мир для меня. Там разрешались молодые вопросы, там удовлетворялись стремления и чувства! Там был суд, осуждение, оправдание и торжество! Там царствовало полное презрение ко всему низкому и подлому, ко всем своекорыстным расчётам и выгодам, ко всей житейской мудрости – и глубокое уважение ко всему честному и высокому, хотя бы и безрассудному. Память таких годов неразлучно живёт с человеком и, неприметно для него, освещает и направляет его шаги в продолжение целой жизни, и куда бы его ни затащили обстоятельства, как бы ни втоптали в грязь и тину, – она выводит его на честную, прямую дорогу. Я, по крайней мере, за всё, что сохранилось во мне доброго, считаю себя обязанным гимназии, университету, общественному учению и тому живому началу, которое вынес я оттуда. Я убеждён, что у того, кто не воспитывался в публичном учебном

заведении, остаётся пробел в жизни, что ему недостаёт некоторых, не испытанных в юности, ощущений, что жизнь его не полна...»

Казанские адреса С.Т. Аксакова

С.Т. Аксаков прожил в Казани без малого семь лет (1800-1807). Проследить и восстановить точные адреса казанского периода – дело будущих исследователей. Мы же остановимся лишь на тех, что упомянуты Сергеем Тимофеевичем в произведениях, касающихся этого периода его жизни.

«В середине зимы 1799 года приехали мы в губернский город Казань. Мне было восемь лет. Морозы стояли трескучие, и хотя заранее были наняты для нас две комнаты в маленьком доме капитанши Аристовой, но мы не скоро отыскали свою квартиру, которая, впрочем, находилась на хорошей ***улице, называющейся Грузинскою****. Мы приехали под вечер в простой рогожной повозке на тройке своих лошадей (повар и горничная приехали прежде нас); переезд с кормежки сделали большой, долго ездили по городу, расспрашивая о квартире, долго стояли по бестолковости деревенских лакеев, – и я помню, что озяб ужасно, что квартира была холодна, что чай не согрел меня и что я лег спать, дрожа, как в лихорадке; еще более помню, что страстно любившая меня мать также дрожала, но не от холода, а от страха, чтоб не простудилось ее любимое дитя, ее Сереженька.*

Проснувшись на другой день, я был поражен движением на улице; до сих пор я ничего подобного не видывал. Впечатление было так сильно, что я не мог оторваться от окошка».

Казань конца XVIII – начала XIX века называли «восточной столицей» империи. Центром города по-прежнему оставался Кремль, от которого радиально отходили просторные улицы: Большая Проломная (ныне Баумана), Воскресенская (ныне Кремлевская), Арская (ныне К.Маркса).

Самой дворянской улицей считалась Грузинская. Она была очень протяженной. Начинаясь почти у самого Кремля, заканчивалась на Арском поле. Её название произошло от построенной в 1702 году на Арском поле сначала деревянной, а затем каменной церкви во имя иконы Грузинской Божьей Матери (сейчас на этом месте по улице К.Маркса находится дом №44).

На этой улице «в доме В-х» проживала и любимая тётка Серёжи Аксакова Н.Н.Зубова, к которой он часто захаживал в гости. Ныне на этом месте находится выставочный зал Государственного музея изобразительных искусств РТ.

По воспоминаниям писателя, совсем недалеко от дома капитанши Аристовой на улице Грузинской, где они с матерью поселились в первый приезд, находился **дом прокурора М.Д. Княжевича** – близкого знакомого семьи еще по жизни в Уфе. Максим Дмитриевич Княжевич служил в Уфе вместе с отцом Аксакова в Верхнем земском суде губернским прокурором. Из Уфы он переехал, также прокурором, на службу в Казань.

У него были старшие сыновья Дмитрий и Александр – ровесники Серёжи Аксакова. Они уже учились в казанской гимназии, куда ему еще предстояло поступить. Затем они вместе стали студентами Казанского университета и на многие годы сохранили крепкую студенческую дружбу.

Дмитрий и Александр пользовались большим уважением в среде студентов. С.Аксаков вспоминает, как в 1805 году, когда Дмитрий уже не учился в Казани и проживал в Петербурге, он посылал младшему брату письма со сведениями о ходе войны с Наполеоном. *«Княжевич же сообщал их нам скоро и подробно. Сверх того письма были проникнуты горячей любовью к славе русского оружия, а потому действовали на всех нас электрически. Бывало, только крикнет Александр Княжевич: «письмо от брата!», как все мы сейчас окружали его дружною толпою; лёжа друг у друга на плечах, в глубокой тишине, прерываемой вос-*

торженными восклицаниями, жадно слушали мы громогласное чтение письма; даже гимназисты прибегали к нам и участвовали в слушании этих писем».

И старший Дмитрий, и младший Александр стали выдающимися людьми во многом благодаря заложенным в университетские годы знаниям и сформированным литературным интересам. Братья были настолько успешны в высшей математике, что Александр заменял заболевшего профессора в университете и вел курс лекций по чистой математике.

Дмитрий Максимович Княжевич (1788-1846), по воспоминаниям Аксакова, был одним из лучших учеников и "считался красой гимназии". За протест против жестокой экзекуции инвалида, служившего при гимназии, в числе восьми своих товарищей - воспитанников старшего класса – Дмитрий Княжевич был исключен из гимназии "без аттестации в поведении". Но это не помешало ему впоследствии сделать блестящую карьеру, благодаря своим талантам и способностям как математическим, так и литературным. Служба Княжевича в министерстве финансов с трехлетним перерывом, когда он был петербургским вице-губернатором (1824-1827), продолжалась до половины 1837 г.; он исправлял должности директора Канцелярии министерства финансов, директора Департамента государственного казначейства, дослужился до чина действительного статского советника.

Такая серьезная служебная деятельность не мешала проявлению других интересов Дмитрия Максимовича, заложенных и развитых еще в студенческие годы. Он страстно любил литературу, поэзию, устное народное творчество.

Еще в 1805 году, прибыв в С.-Петербург, Д.Княжевич стал принимать участие в дружеском кружке любителей наук и литературы, куда входили также А. Е. Измайлов, А.П. Бениц-кий, М. Е Милонов и др. Позднее он сошелся с членами другого литературного кружка – арзамасцами - сторонниками карамзин-

ского направления в литературе и через них сдружился с А.С.Пушкиным.

Свои филологические исследования по русскому языку и прозе Д.М. Княжевич публиковал в столичных журналах: "Санкт-Петербургский Вестник", "Журнал Соревнователей Просвещения и Благотворения", "Благонамеренный", а также в "Полярной Звезде" за 1824 г. и "Невском Альманахе" за 1825 г.

В 1822 году он выступил как издатель и собиратель пословиц и напечатал "Полное собрание русских пословиц и поговорок, расположенное по азбучному порядку, с присовокуплением таблицы содержания оных для удобнейшего приискания". В том же году вместе с братьями Александром и Владиславом стал издавать "Библиотеку для чтения, составленную из повестей, рассказов, анекдотов и тому подобных произведений, по преимуществу переведенных с французского и немецкого" как литературное прибавление к популярнейшему изданию «Сын Отечества».

В какой бы области не проявлялись интересы Дмитрия Максимовича, он всё делал основательно и легко. Живя в Германии, он настолько изучил немецкий язык, что принял участие в нескольких венских изданиях с литературными заметками и путевыми очерками. Его литературные и филологические исследования были высоко оценены современниками. В 1837 г. Дмитрия Княжевича избрали в члены Российской академии, и участвовал в трудах по составлению словаря русского языка.

Многосторонность интересов, увлеченность работой и государственное мышление проявились у Дмитрия Максимовича в Одесский период жизни.

В 1837 г. был назначен попечителем Одесского учебного округа, и он с особенным усердием принялся за реорганизацию Ришельевского лицея, созданного по указу императора Александра I в 1817 году. Этот лицей был вторым в России по времени создания после Царскосельского.

Основная задача Д.М. Княжевича состояла в расширении курса наук в лицее, в преобразовании его в университет. Это было последней заветной мечтой, осуществленной только после смерти Княжевича. В 1865 году Ришельевский лицей преобразовали в Новороссийский Императорский университет.

Стараниями попечителя Д.М. Княжевича в лицее была учреждена новая кафедра сельского хозяйства и лесоводства, введено преподавание судебной медицины, политической арифметики, геодезии, сравнительной географии, русских древностей; образовано, наконец, целое особое отделение лицея под именем камерального, на котором изучались политическая экономия, финансы, торговля, коммерция, архитектура и обзор русских законов. На юридическом отделении были введены дисциплины: римская словесность, история правоведения и практическое судопроизводство, а на математическом добавлен курс чистой и прикладной математики. Кроме того, на обоих отделениях читались: философия, российская словесность, русская и всеобщая история и статистика. В бытность свою попечителем Одесского учебного округа Княжевич написал "Программы для преподавания всех предметов в гимназиях и в училищах уездных и приходских", что составило цельный педагогический труд.

В Одессе Дмитрий Княжевич не переставал заниматься литературной и издательской деятельностью. В 1839 и 1840 гг. он издал два прекрасных литературных сборника "Одесский Альманах" и "Новороссийский календарь".

Огромной заслугой Д. М. Княжевича стало основание в Одессе "Общества истории и древностей". Увлечение древностями в те годы было очень распространено в среде образованных людей. Активная деятельность Княжевича заряжала окружающих. В общество вступали новые солидные члены, принося в дар старинные вещи и документы. В 1841 г. он объехал с научными и учебными целями придунайские княжества, Трансильванию и Венгрию, Италию до Неаполя, восточный берег Адриатического

моря; заезжал в Сербию, Боснию. Результатом его путешествия стали богатые коллекции памятников старины, монет, рукописей и старопечатных книг. Он в одиночку составил и отредактировал «Первый том "Записок Общества истории и древностей в Одессе».

Семья Дмитрия Максимовича до конца жизни поддерживала дружеские отношения с семьей Аксаковых. С ним был дружен сын писателя Иван, который не раз посещал Княжевича; за одну из дочерей Дмитрия Максимовича жена С.Т.Аксакова Ольга Семёновна хотела сосватать своего первенца Константина.

Александр Максимович Княжевич (1792-1872) был на год младше Сергея Аксакова. Среди братьев Княжевичей именно Александр проявлял незаурядные математические способности. По складу ума и характера он тяготел к точным наукам и сухим фактам. Начиная служебную карьеру вместе со старшим братом Дмитрием в Министерстве финансов, он лишь на незначительное время увлекся изданием литературного сборника. Всю свою жизнь Александр Максимович связал с совершенствованием российской финансовой системы.

Он был директором Канцелярии министра финансов, потом директором Департамента государственного казначейства, директором Общей канцелярии Министерства финансов. В 1854 г. назначен сенатором, а в 1858 г. несмотря на его отказ, мотивированный возрастом, – министром финансов. Предреформенное время требовало принятия общих мер к улучшению финансов, так как с началом периода реформ вся предшествующая система оказывалась малопригодной. Под его руководством была разработана и проведена операция по финансированию крестьянской реформы 1861 года; при нем учрежден Эмиссионный государственный банк (1860) и точно определены его задачи. Александр Княжевич был сторонником гласного обсуждения финансовых мероприятий, так как, по отзывам современников, был честный и

добросовестный чиновник с хорошим образованием; гуманный, снисходительный к человеческим слабостям и недостаткам.

Несомненно, что стать успешным государственным чиновником-финансистом ему помогли знания, заложенные еще в Казанском университете преподавателем чистой и прикладной математики Григорием Ивановичем Карташевским, который первым распознал уникальные математические способности однокашника Александра Княжевича – Николая Лобачевского – создателя неевклидовой геометрии. ,

*«Доктор Бенис, который имел прекрасный дом на **Лядской улице**, принял нас очень учтиво и без всякого затруднения дал свидетельство о моем здоровье и крепком телосложении».*

Упоминаемая в «Воспоминаниях» С.Т. Аксакова улица Лядская – это современная улица Горького, на которой жил добрейший доктор Х.К.Бенис. Именно к нему на медицинское освидетельствование поехал Серёжа с отцом в первые дни приезда в Казань: *«… мать моя прискакала на почтовых,… и остановилась, у кого не помню, **на Проломной улице**, только это был не постоялый двор. Вбежав в комнату, я издали увидел, что мать моя, бледная и худая, сидит в теплом салопе, у затопленного камина, потому что комната была очень холодна. Эта минута свидания была такова, что невозможно дать о ней понятия! Подобного чувства счастия я не испытывал уже во всю мою жизнь. Несколько минут мы ничего не говорили, только плакали и радовались».*

Не раз встречается на страницах «Воспоминаний» и центральная торговая улица Казани тех лет – Большая Проломная (ныне улица Баумана). Своё название она получила ещё в 1552 году, когда во время осады Казани войсками Ивана Грозного после взрыва в городской стене образовался пролом. По описанию литераторов конце прошлого века, «летом на Большой Проломной целый день стоит шум и крик… Здесь лежит путь с пароходных пристаней и с Волги к центру города. Тот же беспрерывный

ряд телег, та же суетящаяся толпа. Те же продавцы и разносчики газет, ловящие прохожих и предлагающие местные газеты, уже давно навязанные их собратьями по профессии на пристани, чистильщики сапог... Те же нищие в большом количестве...». Улица была оживленная и многолюдная, на ней находился постоялый двор, питейные заведения, частные дома мещан.

С.Т. Аксаков вспоминает, что здесь остановилась на непродолжительное время маменька, когда неожиданно вернулась с дороги в Аксаково, чтобы еще раз обнять свое дитя перед первой долгой разлукой.

«Через месяц по приезде в Казань я получил письмо от отца приказанием приискать и нанять большой поместительный дом, где могло бы удобно расположиться все наше семейство, и нашлись бы свободные комнаты для двух родных сестер моей матери по отцу, которые жили до тех пор в доме В-х. Мать прибавила, что она намерена для них выезжать в свет и потому должна познакомиться с лучшею городскою публикой. Я очень этому обрадовался и за себя и за своих теток, которых искренно любил и с которыми не редко виделся. Я не медленно нанял большой каменный ***дом купца Комарова*** *и, в ожидании моего семейства, перебрался в него на антресоли и занял одну уютную комнатку».*

В Казани некоторое время жила вся семья Аксаковых. Это совпало с последним годом учебы Серёжи. Купеческий район города располагался вокруг Гостиного двора. Возможно, здесь же находился и дом купца Комарова, упоминаемый Аксаковым.

«На другой день поутру мы отправились ***в собор*** *и потом к Казанской Божией Матери и отслужили благодарственные молебны».*

В «Воспоминаниях» Аксаков упоминает казанские соборы, но не уточняет, какой из двух имеется в виду – кафедральный

Благовещенский собор, находящийся в казанском Кремле, или Петропавловский, который называли собором за величину и красоту. Поехать к «Казанской Божией Матери» означало доехать до Богородицкого монастыря, где хранилась эта почитаемая чудотворная икона. Монастырь располагался на улице Большой Красной в нескольких минутах ходьбы от Кремля. Петропавловский же собор от монастыря находился на значительном отдалении. Поэтому возможно предположить, что благодарственные молебны Серёжа с маменькой служили в кафедральном Благовещенском соборе.

«В Троицын день Панаев обедал у меня, а после обеда мы отправились гулять ***на Арское поле****, возле которого я жил и на котором обыкновенно происходило на троицкой неделе самое многолюдное народное гулянье»*

Арским полем во времена юности Аксакова называли городскую окраину, возле которой селились крупные помещики. Здесь строили не просто господские дома, а целые усадьбы, напоминавшие деревенские поместья. «В глубине участка располагался барский дом с колоннами, мансардами, многочисленными флигельками. Перед ним - сад с фруктовыми деревьями и декоративными кустарниками. На задворках размещались всевозможные хозяйственные строения: конюшни, псарни, каретники, людские избы и т.д.», - так описывает эту местность один из современников.

В примечаниях к своим рассказам о Казани первого десятилетия XIX века С.Т. Аксаков заметил, что *«Арское поле теперь почти не существует: оно все застроено улицами и домами; даже бывшее на нем стародавнее трехдневное гулянье, начинавшиеся с Троицына дня и продолжавщееся всегда дней пять, перенесено на другое место».*

Сегодня одна часть древнего Арского поля занята жилыми кварталами и Парком культуры и отдыха им. М. Горького, а другая – старым городским кладбищем.

«Фукс нанимал прекрасный ***дом Жмакина на Арском*** *поле».* В числе самых любимых университетских профессоров, несомненно, стоит отметить личность необыкновенного человека – Карла Федоровича (Фридриховича) Фукса. Он читал в университете курс естественной истории. Среди преподавателей гимназии, а затем и университета было около десятка выходцев из Германии. Это правовед И.Нейман, астроном И.Литтров, математик М.Бартельс и др. Иностранные преподаватели читали лекции на своих языках – немецком, французском. Но К.Ф.Фукс был первым из иностранных преподавателей, кто специально выучил русский язык.

Доброжелательный склад характера, широта интересов и увлеченность сделали Карла Федоровича любимцем студентов. Его дом всегда был открыт для них. Вместе с ним они совершали увлекательные «экскурсии за растениями, бабочками и букашками».

«Воспоминания» С.Т. Аксакова остаются единственным художественным источником, рассказывающим о личности этого незаурядного человека. Аксаков застал первые годы деятельности Фукса в Казани. Основные его труды и исследования, обширная и разнообразная деятельность, как научная, так и литературная и общественная развернулись в последующие годы, когда Аксаков покинул Казань.

Карл Федорович Фукс приехал в Казань в 1806 году и за сорок лет жизни здесь оставил по себе светлую память, а также научные и этнографические труды. Это был ученый энциклопедических знаний, человек редкой эрудиции. Зная в совершенстве французский и английский, латынь и греческий, в Казани он выучил ещё русский, татарский, чувашский и арабский языки.

Деятельность Фукса очень скоро из только преподавательской переросла в исследовательскую и общественную. В городе его узнали и как замечательного врача-диагноста. Тот факт, что татары приглашали его к себе лечить, был показателем большого уважения и доверия с их стороны к иноземцу. На его двери висела табличка с надписью «Табиб Фукс», и эта дверь всегда была открыта для нуждающихся, даже если сам врач-табиб был болен. Очень часто Фукс за свой счет выписывал бедным пациентам лекарства. Не случайно проститься с ним пришли тысячи людей.

Как практикующий врач он изучал истории болезней и на их основе публиковал заметки о здоровье казанцев. Один из его современников пишет, что « К.Фукс при обширной своей практике, глубоко изучил болезни, свойственные здешнему климату, с редкой проницательностью предсказывал появление эпидемии. …Вероятно, никто лучше его не знал быт нашего города».

К.Ф. Фукс живо интересовался жизнью и бытом татарского народа. Он много ездил по окрестным татарским деревням, собирая материалы для книги, и даже поселился в самом центре татарской слободы, на тогдашней Сенной площади (ныне ул. Московская). Результатом его изучений стала замечательная книга "Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении".

Также его пристальный интерес вызывало изучение казанских древностей. Основываясь на русских и татарских летописях, записывая устные рассказы и легенды, он написал «Краткую историю города Казани».

К.Фукс был страстным коллекционером. Многие знаменитости, бывавшие в Казани, восхищались его минералогической и нумизматической коллекциями. Дом Фукса был более похож на музей: всюду витрины с экспонатами, стеллажи с книгами. Книги хранились не только на антресолях, но и в кабинете и бельведере, ими были заполнены шкафы и сундуки. А коллекцию гравюр и

старинных рукописей он предпочитал показывать только из своих рук. Собрание картин и древних печатных листов составляли его особую гордость.

Не был лишен Карл Федорович и литературных талантов. Вместе с единомышленниками он издавал казанский журнал «Заволжский муравей». Его интерес к литературе поддерживала жена, Александра Андреевна, писательница и поэтесса, племянница поэта и переводчика Г.П. Каменева. Дом К.Ф.Фукса являлся своеобразным центром культурной жизни Казани два десятилетия, что было большой редкостью. Его спешили посетить все выдающиеся лица, приезжавшие в Казань. В сентябре 1833 года они принимали А.С. Пушкина. Познакомившись с А.А.Фукс, поэт составил о ней очень доброжелательное мнение. В 1820-е годы Карл Фукс был сначала деканом медицинского факультета, а затем четыре года ректором университета.

В Казани, на высоком берегу реки Казанки, находится Фуксовский сад, разбитый к пятидесятилетию кончины Фукса в целях увековечения его памяти. В 1996 году в нем был установлен бронзовый памятник ученому (авторы памятника – московские скульпторы Андрей Балашов и Игорь Козлов).

*«Немедленно наняли довольно хороший и поместительный **дом тех же самых Елагиных**… Сначала мать переехала туда со мною, устроила наше будущее хозяйство и, сдав меня, уже совершенно выздоровевшего, с рук на руки Григорью Ивановичу, исполненная самых приятных надежд, уехала в Оренбургское Аксаково к остальному своему семейству».*

*«Пришла весна 1804 года, и на страстной неделе Григорий Иваныч говел со мною, соблюдая пост и церковные обряды со всею строгостью. Приходская наша церковь св. великомученицы Варвары находилась у самой заставы, за так называемым **Арским полем**; мы, несмотря на весеннюю распутицу, ходили в церковь на все службы, даже к заутрене».*

Поскольку С.Т. Аксаков указал на принадлежность к Варваринскому церковному приходу, это позволило более точно определить, где же находился дом Елагиных, который сняли Аксаковы для проживания в нём Серёжи со своим воспитателем и преподавателем Г.И. Карташевским.

Мост у Сибирской заставы на Арском тракте около Варваринской церкви

Впервые имя Григория Ивановича Карташевского юный Аксаков услышал в Казани. Молодого преподавателя чистой математики в гимназии уважали за ум, ученость и скромное поведение. Маменька писателя со своей проницательностью сразу выделила Карташевского, хотя со стороны он производил впечатление очень гордого, сухого, строгого человека. Она уговорила Григория Ивановича стать воспитателем её сына. Согласился Карташевский только из уважения к Марии Николаевне, ум и образованность которой оценил тоже с первых же встреч.

«В эти пять месяцев я очень привязался к Григорию Ивановичу, хотя он не сказал мне ни одного ласкового слова и по наружности казался сухим и строгим. Я не мог тогда оценить достоинства этого человека и не мог бы его полюбить, если б мать не уведомляла меня потихоньку, что он меня очень любит и очень хвалит и не показывает этого только для того, чтоб я по молодости своей, не избаловался от его похвал. К сожалению, Григорий Иваныч держался этого ошибочного правила во все продолжение полезного, долговременного и важного служебного поприща, где приходилось иметь дело не с детьми, а часто со

стариками. Кто имел случай узнать его коротко, тот сохранял к нему глубокое уважение и преданность во всю жизнь, но зато были хорошие люди, которых он оттолкнул от себя благонамеренною сухостью обращения и которые сочли его за человека гордого и жесткого, что было совершенно не справедливо».

Григорий Иванович был не только замечательным лектором, постоянно совершенствующим свои знания. Он умел увлечь студентов своей наукой, и не случайно самыми блестящими его учениками были Николай Лобачевский, будущий гений математики и Александр Княжевич, будущий министр финансов. Григорий Иванович имел несомненные педагогические способности, которые в большей степени проявились в своеобразной образовательной системе, по которой он строил занятия со своим воспитанником Сергеем Аксаковым.

Внешней пылкости и восторженности юного Серёжи Григорий Иванович противопоставил строгость, сдержанность и обязательность. *«По молодости я не мог тогда понимать вполне, что его сухое обращение прикрывало глубокое участие и душевное расположение ко мне».* Не мог понять Серёжа, что это был один из педагогических приёмов Григория Ивановича, который хорошо понимал, что такой увлекающейся натуре, как у его воспитанника, более на пользу строгость, нежели эмоциональность. *«Он ни разу не приласкал меня, не польстил моему самолюбию какою-нибудь похвалою, не одобрил моего прилежания, и со всем тем я любил его так горячо, как не любил никого из посторонних»* – писал С.Т. Аксаков.

Григорий Иванович чувствовал эту привязанность и именно на ней построил систему своего воспитания. Он скоро понял, что Сергей не способен к математическим наукам, и разработал *«сообразно природным наклонностям и способностям план моего образования: общего, легкого, преимущественно литературного».*

Первым делом «он выписал множество книг» русских классиков и французских, причем в оригинале, две натуральные истории. Как пишет С.Аксаков, «натуральная история была для меня самой привлекательной наукой». Особое внимание уделил Карташевский занятиям языками, преимущественно французским. Занятия проходили по его собственной методе: «*Григорий Иванович брал книгу, заставлял меня читать и переводить словесно. Сначала я ровно ничего не понимал, и это было мне дико и скучно; но учитель мой упорно продолжал свою методу, и скорый успех удивил и обрадовал меня».* Устное чтение закреплялась письменными упражнениями: «*Неизвестные слова я записывал особо; потом словесный перевод, всегда повторенный два раза, писал на бумаге; при моей свежей памяти я, не уча, всегда знал наизусть на другой же день и французский оригинал, и русский перевод, и все отдельно записанные слова».* Причем набело переписывался поправленный воспитателем перевод. Результатом таких занятий стало то, что *«в три месяца я мог свободно читать и понимать всякую французскую книгу».*

Обучение русской словесности также шло по особому плану. Григорий Иванович строго отбирал произведения для чтения: они должны были воспитывать эстетический вкус и содержать поэтические достоинства. Как это было принято в старину, книги читались вслух и комментировались: *«Чтение русских писателей, преимущественно стихотворцев, сделалось главнейшим нашим занятием. Григорий Иванович так хорошо, так понятно объяснял мне красоты поэтические, мысль автора и достоинства выражений, что моя склонность к литературе скоро обратилась в срастную любовь».* Многие произведения из усвоенного Серёжа учил назусть: *«Без всяких усилий с моей стороны я выучивал все лучшие стихи Державина, Ломоносова и Капниста, которые выбирал для меня мой строгий воспитатель».*

Сам процесс обучения был так организован Григорием Ивановичем, что, скорее, походил на дружеские беседы, совмест-

ные занятия. Он не тяготел над ребёнком скучной обязательностью, а приносил радость взаимного общения со строгим, но любимым и уважаемым наставником. Григорий Иванович чутко следил за тем, чтобы процесс обучения не был утомительным для ребёнка: *«Надобно прибавить, что Григорий Иванович всегда был очень снисходителен в подобных случаях: как только он замечал, что я утомлялся или развлекался чем-нибудь, он приказывал мне идти гулять по саду или заняться механическим делом».*

Обязательные ежедневные прогулки по окрестностям также использовались для бесед и обсуждений каких-либо природных понятий и явлений. Даже время в пути и на отдыхе Григорий Иванович умел организовать с пользой: *«Вы боитесь, что я помешаю вам гулять, но не бойтесь. (Имелось в виду совместное проживание в оренбургском Аксакове во время каникул – прим. сост.) Я стану заниматься с вами тогда, когда вы сами будете просить о том. Вот теперь дорогой нечего нам делать, так мы будем что-нибудь читать…».*

Педагогический дар проявил Григорий Иванович, когда заметил, как сильно подействовало на воспитанника первое посещение театра. Страсть к театру сделала Сережу неспособным к обычным занятиям: «я грезил виденными мною спектаклями и день и ночь». Сделав «длинное поучение» о «вредных следствиях моей склонности к безмерному увлечению», он ненавязчиво стал воспитывать театральные вкусы Сергея Аксакова.

«С большим усилием я победил в себе вспыхнувшую страсть к театру, зерно которой давно во мне хранилось и высказывалось в моей охоте к декламации…я успокоился и с необыкновенным жаром принялся за ученье. Григорий Иванович был очень доволен. Через неделю он сам стал разговаривать со мною о театре и сценическом искусстве, дал об нём настоящее понятие и рассказал мне о многих славных актёрах, живых и мёртвых, иностранных и русских. Дня три продолжались у нас такие приятные для меня разговоры, в часы отдохновения от

серьёзных занятий». Более того, через какое-то время он повёз Серёжу на представление оперы «Колбасник». И в дальнейшем чутко следил за его театральными пристарстиями.

Годы, прожитые с Григорием Иванович, были благотворны не только с точки зрения воспитания эстетического вкуса, литературных и театральных привязанностей и развития природных способностей. Карташевский оказал на юного Сергея Аксакова, пожалуй, не меньшее влияние, чем горячо любимая маменька. Благодаря мудрому наставничеству и глубокой душевной привязанности, облаченной в сдержанные формы дружеского общения, Григорий Иванович способствовал формированию личности будущего писателя.

Карташевский покинул Казанский университет раньше, чем закончил его Аксаков. Но не потерял связи ни со своим воспитанником, ни с его семьёй. Мудрая Мария Николаевна, мать писателя, убеждала тогда Серёжу, что Григорий Иванович *«останется навсегда нашим истинным другом и что, перестав быть моим воспитателем, гораздо ближе сойдётся со мною и больше меня полюбит; что советы его, не отзываясь никакой властью, будут принимаемы мною с большею готовностью, с большим чувством… Она не ошиблась. Будущее оправдало проницательность её редкого ума».*

Так и случилось. Карташевский не только не отдалился от семьи Аксаковых, но и стал её членом, женившись в 1817 году на любимой сестре Сергея – Надежде, подруге всех его детских забав. Сергей Тимофеевич всегда относился к нему как к человеку, которому *«был обязан чистотою нравственных убеждений и стремлений».*

Уехав в Петербург, Григорий Иванович устроился на место помощника редактора в Комиссию по составлению законов, куда по его протекции был принят и С.Аксаков в 1808 году. В двадцатые годы (1824-1829) он занимал должность директора Департамента в Главном управлении духовных дел иностранных

исповеданий. Несколько лет - с 1829 по 1835- посвятил службе в Белорусском учебном округе в должности попечителя. В 1834 году по его инициативе была открыта Витебская учительская семинария, ставшая первым в Белоруссии учебным заведением, призванным готовить учителей для начальных школ при церковных приходах и подготовительных классов гимназий и уездных училищ. С чином тайного советника в 1835 году он был уволен со службы по болезни. За год до смерти Г.И. Карташевский был назначен сенатором. Умер в августе 1840 года. На гербе рода Карташевских начертано: «Блаженство всех и каждого» и, можно сказать, что Григорий Иванович прожил свою жизнь под этим девизом. Как писал о нём сам Аксаков, *«Григорий Иваныч принадлежал к небольшому числу тех людей, нравственная высота которых встречается очень редко и которых вся жизнь – есть строгое проявление этой высоты…».*

Рассказывая о студенческой жизни, С.Т. Аксаков упоминает несколько **казанских садов и парков**, некоторые из которых не сохранились, а какие-то видоизменились. Аксакову эти места хорошо запомнились потому, что привлекали его обилием всевозможных бабочек и других насекомых. Собирать и раскладывать их для коллекции, выращивать бабочек из гусениц – было страстным увлечением казанских студентов. Они даже соревновались между собой в искусстве составления этих коллекций. Сергей Аксаков с Александром Панаевым в поисках уникальных образцов исходили многие затаенные уголки тенистых казанских садов.

«При первой возможности мы с Панаевым отправлялись за город. Посетили сад Нееловской, Госпитальный и даже ***сад Чемесова****, который был в прочем, не за городом, а на краю города; бабочек в последнем мы нашли мало, но зато долго любовались на сотни кроликов, которым был отведен во владения довольно высоких пригорок и холмов (не умею сказать натуральный*

или искусственный), обнесенный круглым крепким забором. Кроликов развелось там невероятное множество; вся гора была изрыта норами; они бегали целыми стаями и очень забавно играли между собой, но при первом шуме или стуке, который время от времени мог нарочно производится, эти трусливые зверки пугались и прятались в свои норы».

Дом и сад Чемезова (ныне Катановский переулок, д.1). Этот дом конца XVIII в. перестроенном виде сохранился до сих пор. Со второй половины XIX века в нем располагалась Третья мужская гимназия, ныне Кадетская школа-интернат № 6. На ее территории частично сохранился и сад.

«Мы ходили с Панаевым также на пасеку и находящиеся по обеим ее сторонам гористые места, или лучше сказать глубокие овраги, обраставшие тогда молодым леском, за которым впоследствии утвердилось название ***Казанской Швейцарии****, данное нами, т.е. казанскими студентами. До сих пор эти места служат любимым местом для гуляний жителей Казани».*

На окраине Арского поля находилась липовая роща. Сама местность была холмистая и очень живописная, напоминавшая Швейцарию. Сегодня это территория Центрального парка культуры и отдыха им. А.Горького.

«Быстро побежали мы на ***Новую Горшечную улицу*** *и Арское поле. И вот он, наконец, перед ними, старый, заглохший сад, с темными, вековыми липовыми аллеями, со своими ветхими заборами, со своими цветистыми полянами, сад, назвавшийся тогда Болховским…****Сады Болховский и рядом с ним Нееловский*** *существуют и теперь, но прежних их имен никто уже не знает: они составляют сад Родионовского института благородных девиц».*

Улица Ново-Горшечная сегодня улица Маяковского, а остатки Болховского и Нееловского садов сохранились по улице

Л.Толстого. В здании Родионовского института благородных девиц располагается Казанское суворовское военное училище.

*«У Панаева, который жил **на Черном Озере** вместе с четырьмя братьями в собственном доме, был под руками тоже довольно большой сад, превращенный частью в огород, совершенно запущенный, что, однако, не мешало залетать туда бабочках».*

Во времена Аксакова это было действительно чистое рыбное озеро, наряду с Банным, Поганым и Серным образованное старым руслом речки Казанки. В 1829 году берега озера отделали уступами, обложили дерном и обсадили деревьями. А в 1847 году сад был обнесен красивой кованой чугунной оградой. Озеро постепенно заболачивалось и загрязнялось, и в 1889-1891 годах водоем был засыпан. Так возник сад "Черное озеро", ставший излюбленным местом отдыха горожан.

Здесь на Чёрном озере в собственном доме (ныне ул. Япеева, 2) жила большая и дружная семья самого близкого друга гимназических и студенческих лет Александра Панаева.

«С открытия университета дружба моя с Александром Панаевым, также произведенным в студенты, росла не по дням, а по часам, и скоро мы сделались такими друзьями, какими могут быть люди в годах первой молодости; впрочем, Александр Панаев был старше меня тремя годами, следственно восемнадцати лет. Григорий Иваныч одобрял нашу дружбу. Кроме любви к литературе и к театру, которая соединяла меня с Александром Панаевым, скоро открылась новая общая склонность: натуральная история и собирание бабочек; эта склонность развилась, впрочем, вполне следующею весною».

Познакомившись с Александром Панаевым еще в гимназии, Сергей укрепил свою дружбу с ним в студенческие годы. Неразлучные друзья то увлеклись собиранием бабочек и в поис-

ках уникальных экземпляров часами осматривали казанские сады и овраги; то страстно увлеклись театром и организовали студенческую труппу; они руководили постановками и сами исполняли главные роли. Когда же случился конфликт с однокашниками, Сергей и Александр вышли из студенческого театра и сделали домашний игрушечный механический театрик для младших сестер и братьев Панаевых. *«У нас с Панаевым был устроен механический театр с чудесными декорациями, машинами, превращениями, с грозою, с громом и молнией. Александр Пранаев был великий мастер на всякие такие штучки». «В духов день был у Панаевых спектакль, сошедший великолепно: дуб был раздроблен и сожжен молниений, месяц беспрепятственно выходил из облаков, водопад шумел и пенился, не останавливаясь. Зрители и хозяева были в восхищении».*

Интересно, что такую же затею в детстве устраивал другой русский писатель Д.В. Григорович. «У меня тогда была одна страсть, доходившая до мании: строить крошечные театры, вырезывать для них кулисы, разрисовывать декорации. Страсть эта, совершенно меня поглотившая, внезапно открылась после первого посещения театра, где давали «Фрейшюца» («Волшебного стрелка»). Стоило мне завладеть коробочкой,– будь она в три вершка,– я освобождал у нее бок, вырезывал в двух других боках узенькие полоски для вставки кулис и принимался тотчас же за декорации. К вечеру театр был уже готов, и происходило представление неизменно одного и того же содержания: «Пожар в деревне»,– продолжавшееся много три минуты и кончавшееся тем, что кулисы, декорации и часто самое здание предавались пламени. В классной комнате, где были также наши кровати, пахло горелым; входил г. Франсуа де Метраль, и я получал обыкновенно нахлобучку, но столь легкую, что на следующий же день воздвигал новый театр и снова представлял «Пожар в деревне».

Ещё одним большим увлечением друзей была российская словесность. *«Александр Панаев издавал тогда письменный жур-*

нал под название «Аркадские пастушки»…Панаев был каллиграф и рисовальщик, а потому сам переписывал и сам рисовал картинки к каждому нумеру своего журнала, выходившему ежемесячно». Через год Аксаков с Панаевым начали издавать совместный «Журнал наших занятий», в который Сергей помещал свои статьи, переводы и первые опыты стихосложения. Он даже сочинил эпиграф, которым открывался каждый номер журнала: «Многие пишут для славы, мы пишем для удовольствия; приятная улыбка на устах наших товарищей и друзей есть для нас драгоценный венок награды».

Александр Панаев(1788-1868) происходил из старинного дворянского рода. Согласно семейным преданиям их предки были новгородцами Паналимоновыми, переселенными Иваном Грозным на восток российских земель.

История дворянского рода Панаевых прослеживается с XVI века, но видное положение при дворе они стали занимать позже. Прадед писателя Иван Андреевич Панаев (1717–1796) женился на дочери екатерининского наместника Синельникова; был воеводой в Туринске. Его сын Иван Иванович Панаев-второй (1753–1796) двадцать лет прослужил в гвардии. Он сочинял нравственно-философские трактаты, увлекался театром, был близко знаком с писателем Я. Княжниным и актёром И. Дмитриевским. Попав в немилость к императрице, был сослан в Казань, где женился на двоюродной племяннице Г.Р.Державина Надежде Васильевне Страховой. Купил села Никольское и Скопино в Лаишевском уезде и начал строить дом в Казани на Черном озере.

По воспоминаниям родственников, брак Ивана Ивановича и Надежды Васильевны был счастливым, но недолгим; в 34 года Надежда Васильевна осталась вдовой с восемью детьми на руках и уехала в село Тетюши, родовое именье своих братьев Страховых.

Все сыновья Ивана и Надежды Панаевых: Николай (1785-1800), Иван (1787-1813), Александр (1788-1868), Владимир (1792-

1859), Петр (1796-1870) окончили Казанский императорский университет.

Сергей Аксаков не раз бывал в этой дружной семье в Казани. Все братья сочувственно относились к увлечению Александра и Сергея насекомыми, в особенности бабочками, а также театральными и литературными занятиями.

В дальнейшем Иван, Александр и Петр пошли по стопам деда и отца, выбрав для себя военную карьеру. Иван служил поручиком лейб-гвардии Уланского полка. Петр - ротмистром Ахтырского Кирасирского полка, в отставку вышел подполковником. После выхода в отставку Иван остался в Петербурге, а Александр и Петр вернулись в свое Лаишевское родовое именье, где и были похоронены.

Владимир унаследовал от отца увлечение литературой, которое и сделало его известным. После окончания университета и получения ученой степени он был направлен на службу в Министерство юстиции в Петербург, затем служил столоначальником в Комиссии духовных училищ. Стал серьезно заниматься литературой. Печатал стихи и прозу в "Сыне Отечества", "Вестнике Европы", "Благонамеренном". В 1820 году издал "Идиллии", после чего стал признанным литератором, попавшим в историю литературы как первый русский идиллик.

Университетский друг Сергея Аксакова – Александр, выбрав военную стезю, прошел героический путь. После окончания университета он служил офицером в Уланском полку его Императорского Величества Великого князя Константина Павловича; был участником войны 1812 года и заграничных походов русской армии. Его отметили Золотым оружием, которым награждали за личную храбрость и самоотверженность. В 1856 году за отличие в Крымской войне 1853-1856 гг. наградили «Аннинским» оружием - золотой саблей с надписью на эфесе «за храбрость», к которому прикреплялся знак ордена Святой Анны IV степени. В от-

ставку вышел в чине полковника. В 1834-1836 годах был Лаишевским уездным предводителем дворянства.

У Александра было пять сыновей и все они отличались разнообразными талантами и способностями.

Старший - Ипполит Александрович (1822–1901) - породственному помогал своему двоюродному брату Ивану Ивановичу Панаеву, владельцу и редактору литературного журнала «Современник», вести финансовые дела. По основной же специальности он, как и братья Валерьин, Аркадий, Кронид, был инженером-путейцем. Это была элитная для России того времени профессия. Вместе с братьями он тянул Николаевскую железную дорогу от Бологого до Москвы. Позже преподавал в железнодорожном институте. На основе рассказов братьев Панаевых Н.А. Некрасов написал свое знаменитое стихотворение «Железная дорога». Ипполит Александрович в 80-ые годы был известен как писатель-моралист, автор книг "Голос долга. Мысли о воспитании" (1885); "Еще о сознании как условии бытия" (1888); "Голос неравнодушного" (1888).

Валериан Александрович (1824–1899) был одним из родоначальников отечественной инженерно-технической школы. Анонимно публиковал у Герцена в «Колоколе» проекты освобождения крестьян от крепостного права. Пробовал себя в сочинительстве. Являлся членом Вольного экономического, географического и технического ученых обществ. Автор более 10 научных работ, а также замечательных "Воспоминаний".

В 1868 году после тридцатилетней инженерной деятельности Валериан Александрович вышел в отставку. Для своей дочери Александры он начал по собственному проекту строительство дома на Адмиралтейской набережной в Петербурге, известного под названием «Панаевский театр». На это ушла значительная часть его состояния. Театр был открыт только в 1887 году спустя тринадцать лет после приобретения участка под строительство. Театральный зал был встроен внутрь пятиэтажного до-

ходного дома. Он имел четыре яруса лож и лучшую по тем временам акустику и сценический механизм – машинерию и ресторан.

Разорившее Панаева здание театра почти сразу перешло в другие руки, но в народе сохранило имя строителя и первоначального владельца. В Панаевском театре выступали такие известные артисты, как Ф.И. Шаляпин, Н.И. Забела-Врубель.

Дочь Валериана Панаева – Александра (1854–1942) училась оперному искусству у самой Полины Виардо, стала первой Татьяной в концертном исполнении оперы «Евгений Онегин». Ее талантом и красотой восхищались многие знаменитости. Она вышла замуж за двоюродного племянника П.И.Чайковского - Георгия Павловича Карцова. Петр Ильич называл ее "Панашей" и посвятил ей лучшие романсы 1880-х годов, а поэт А.Н. Апухтин - большой цикл стихотворений. Она умерла от голода в блокадном Ленинграде.

Аркадий Александрович Панаев (1831–1889) окончил Кадетский корпус, служил на Дунайской флотилии, был управляющим царским имением в Ливадии, адъютантом Светлейшего князя Александра Сергеевича Меншикова в период с 1853 по 1867 годы, принимал участие в обороне Севастополя, о чем позже рассказал в своих воспоминаниях. Большой знаток кавалерийского дела. В конце 1860-х годов он участвовал в строительстве железной дороги Курск – Киев.

Героями Отечества стали его сыновья Борис, Лев и Гурий, которые геройски погибли на полях сражений первой мировой войны. Младшему брату Платону выпала доля похоронить останки героев в Павловске, где доживала свой век их мать Вера Николаевна. О трагедии семьи Панаевых тогда много писала русская пресса. А генерал А.А. Брусилов сказал о них крылатую фразу: «Панаевы – героическая семья, чем их больше, тем лучше». Мать героев была награждена знаком отличия Св.Ольги, который был учрежден незадолго до начала войны 1914 года и

предназначался исключительно женщинам. Вера Николаевна стала первым и единственным кавалером Знака отличия Святой Ольги, пожалованного ей как «матери героев, оказавших подвиги, достойные увековечения в летописях Отечества».

По военной стезе пошли и старший сын Александра Панаева Лиодор (1817-1887), и младший Кронид (1830-?). Оба служили в лейб-гвардии Уланском Его величества полку.

После выхода в отставку Лиодор поселился в Казани. Вот что о них пишет казанская исследовательница Коновалова С.А.:

«Лиодор Александрович в 70-х годах становится владельцем каменного двухэтажного дома, такого же флигеля и сада с постройками на общую стоимость 5790 рублей на Лядской улице14 (ныне Горького, 12). За домом расположился дивный сад, известный как Панаевский - любимое место отдыха горожан (ныне стадион "Динамо").

В конце 70-х годов в Панаевском саду возник летний театр. …Первыми артистами летнего театра была драматическая труппа Бельского. Потом были: французская комическая труппа, японские жонглеры, малороссийская труппа Г.О. Дергача, труппа артистов московского театра Корша.

С 1888 года после смерти отца владельцем имущества на Лядской становится Ахиллес Лиодорович (1863-1919). Получив хорошее образование, он целиком посвятил себя музыке, театру, настолько, что был даже суфлером во время гастролей артистов московских театров. Он был виртуозом-скрипачом, композитором, дирижером, педагогом, организатором казанского кружка любителей музыки. А.Л. Панаев руководил оркестром в казанской опере в товариществе оперных артистов под управлением М.Е. Медведева. Познакомившись с Шаляпиным, когда тот был уже известным артистом, посвятил ему несколько своих музыкальных произведений; написал музыку на стихотворение Н.А. Некрасова "Внимая ужасам войны" и балладу "Ганна" (из Л. Мея).

Судьбе Федора Шаляпина было угодно, чтобы сценическую деятельность он начал в городе, где родился - в Казани, а еще точнее - на сцене летнего театра в саду Панаева. Здесь в июле 1887 года состоялся первый, пусть и неудачный, дебют Федора Шаляпина на театральной сцене, когда он играл роль жандарма Роже в мелодраме "Бродяги". Через некоторое время, в апреле 1889 года он вновь выступал на сцене Панаевского театра в опереточной антрепризе В.Б.Серебрякова, где проработал до июля 1890 года в должности статиста с окладом 15 рублей в месяц».

Сегодня на месте Панаевского сада располагается спортивный комплекс.

Театр в Казани

«...но в это время приехал в Казань мой родной дядя А.Н. Зубов, он свозил меня два раза в театр, разумеется, с позволения моего воспитателя: в оперу «Песнолюбие» и в комедию «Братом проданная сестра». Эти два спектакля произвели на меня почти такое же впечатление, как и ружейная охота. Я питал особенное пристрастие к театральным сочинениям и по рассказам составил себе кое-какое понятие об их сценическом исполнении. Но действительность далеко превзошла мои предположения. Я грезил виденными мною спектаклями и день и ночь и так рассеялся, что совершенно не мог заниматься ученьем».

«Расставшись с Левицким, я нанял себе квартиру: особый флигелек, близехонько от театра, у какого-то немца Германа, поселился в нем и первый раз начал вести жизнь независимую и самобытную.»

Казанский русский драматический театр – один из старейших не только в Поволжье, но и в России. Ещё указом Петра I казанские семинаристы обязывались «давать регулярные комедийные представления...». В 1760 г. казанский драматург М.И.Веревкин писал графу Шувалову: «...вечером была пред-

ставлена пьеса "Школа мужей". Театр, ей-Богу, такой, что и желать лучше не можно".

В 1791 году князь С. М. Баратаев обратился в Дирекцию Императорских театров за разрешением на открытие постоянно действующего театра в городе Казани. Получив благоприятный ответ, он пригласил распорядителем в учрежденный городской театр придворного актера В. Р. Бобровского.

В труппе, собранной Бобровским, были, в основном, учителя и бывшие воспитанники гимназии, в которой на протяжении многих лет давались регулярные театральные представления. Театр активно занимал умы и сердца горожан. В 1802–1814 годах Казанский театр возглавлял местный помещик П. П. Есипов. Основу труппы городского театра составили воспитанные им крепостные актеры. В первые годы театр давал представления только зимой. Позже играли весной и даже летом. Обычно спектакли играли два раза в неделю – по воскресеньям и средам, а на масленичной и троицкой неделях – ежедневно.

«Воспоминания» С.Т.Аксакова остаются единственным литературным источником, описывающим театральную жизнь Казани первого десятилетия XIX века. Рассказывая о студенческом театре, он живо вписывает его в атмосферу городской театральной жизни.

Как-то на студенческий спектакль в университет пришёл актер Грузинов, который бы поражен слаженной игрой студентов, нахвалил их содержателю казанского театра П.П.Есипову. На премьерное представление, где Аксаков играл главную роль, Есипов пришёл вместе с другими актёрами. Спектакль был хорошо принят восторженными зрителями, среди которых было много приглашённых. Аксаков же особенно оценил *«похвалы П.П.Есипова и актеров, которых мнение, по справедливости, считалось сильным авторитетом».* После ещё одной премьеры комедии «Бедность и благородство души», в которой Аксаков также блеснул актёрским мастерством, *«содержатель публично-*

го театра П.П.Есипов подарил мне (С.Аксакову - прим.сост.) кресло на всегдашний свободный вход в театр».

В 1805 году Есипов пригласил в свой театр драматурга и теоретика театра, популярнейшего в столице артиста П.А. Плавильщикова, идеи которого позволили театру подняться на значительный для того времени уровень.

Этот факт также не остался без внимания С.Т. Аксакова, более того, он признаётся, что именно Плавильщиков открыл ему *«новый мир в театральном искусстве…Я почувствовал все пороки моей декламации и с жаром принялся за переработку моего чтения».*

Здание есиповского театра не сохранилось. Можно лишь обозначить место его нахождения в окружности современной площади Свободы (бывшей Театральной).

КОЩАКОВО

«Мы вдвоем провели время в Кощаково без хозяев, очень приятно; мы жили в небольшом флигеле на берегу широкого пруда, только что очищавшегося тогда от зимнего льда; мы постоянно читали что-нибудь и, несмотря на грязь, каждый день два раза ходили гулять».

В период учёбы в гимназии С.Т. Аксаков вместе со своим наставником Г.И. Карташевским часто ездили в село Кощаково, расположенное в 20 верстах от Казани. Оно принадлежало преподавателю физики Ивану Ипатьевичу Запольскому, который «получил его в приданое за своею женою» – одной из сестёр Елагиных. Карташевский любил увозить туда своего воспитанника, чтобы «на свободе погулять и поучиться».

Село Кощаково Пестречинского района РТ находится в 22 км от Казани, в окрестностях трассы на Набережные Челны. Оно известно ещё со времен Казанского ханства. Название происходит от собственного имени – оглана Кошака (Кушчака, Кушчака), выходца из Крымского ханства, приближенного царицы Сююм-

бике (середина XVI в.), казненного за отказ принять христианство. После присоединения ханства здесь появились русские переселенцы, построена церковь во имя св. Живоначальной Троицы. При Аксакове существовала деревянная церковь середины XVIII века, которая не сохранилась. В 1990-е годы в селе возведён новый храм.

Южное направление: Казань – Симбирск

В последние годы учёбы Сергею Аксакову на каникулы, или вакации, как их тогда называли, приходилось ездить не в любимое оренбургское Аксаково, а в «безводное Троицкое, Аксаково тож» в Симбирской губернии. Там в это время находилась вся семья Аксаковых, чтобы быть поближе к тётушке Н.И. Куроедовой, которая лежала при смерти.

В его прозе не указан прямой маршрут, и мы не знаем, через какие населённые пункты он пролегал. Можно предположить, что он шёл через Буинск и далее по симбирской губернии. Предельная скорость движения на почтовых дорогах того времени была 10 верст в час, а учитывая трудности малопроезжих дорог, необходимые остановки для отдыха лошадей, то можно предположить, что этот путь занимал от одних до двух суток.

В «Воспоминаниях» Аксакова сохранились необыкновенно красивые зарисовки ночёвок и дневных стоянок в пути.

«Мы уже отъехали тридцать верст от Казани, кормили четыре часа и пустились в дальнейший путь. Набежали тучи, загремел гром, дождь вспрыснул землю, и ехать было не жарко и не пыльно; сначала ехали шагом, а потом побежали такой рысью, что уезжали более десяти верст в час. Скоро небо прояснилось, и великолепное солнце осушило следы дождя; мы отъехали еще сорок верст и остановились ночевать в поле, потому что на кормежке запаслись всем нужным для ночевки. Опять множество новых удовольствий, новых наслаждений! Выпрягли, спутали лошадей и пустили их на сочную молодую траву; развели яр-

кий огонь, наложили дорожный самовар, то есть огромный чайник с трубою, постлали кожу возле кареты, поставили погребец и подали чай. Как он был хорош на свежем вечернем воздухе! Через два часа напоили остывших коней, разбили хребтуги с овсом, привязав их к дышлу и вколоченным в землю кольями, и припустили к овсу лошадей. Мы с матерью и с Парашей улеглись в карете, и сладко заснул я, слушая, как жевали кони овес и фыркали от попадавшей в ноздри пыли».

ТЕТЮШИ

«Наконец, все экзамены кончились. Надобно было ехать на летнюю вакацию: мне в Симбирскую губернию, в Старое Аксаково, где жило этот год мое семейство, а Панаевым - в Тетюшский уезд Казанской губернии, где жила их мать и сестры».

«Простились также со всеми товарищами, остававшимися в университете, и, напутствуемые их добрыми желаниями, отправились домой, сначала к Панаевым, где я простился с другом моим Александром и с его братьями. Лошади у них были давно запряжены; ждали только возвращения Александра и уж побранивали нас, особенно меня, за возню с червями и хризалидами, – так нетерпеливо хотелось им ехать в деревню! Да и как не хотеть, как не рваться после десятимесячной школьной жизни, летом, из города, пыльного, душного и всегда чем-нибудь вонючего, в чистое, душистое поле, в тенистые леса, в прохладу, к семейству, на родину или по крайней мере туда, где прошли детские, незабвенные года.

Панаевы при мне же уехали, поместившись все пятеро в старинной линейке, на присланных за ними своих лошадях. Александр сел с порядочным ящиком в руках, в котором находилось десятка два бабочек, собранных им из дубликатов: он вез их подарить сестрам, но двое меньших братьев, сидевших с ним рядом, громко возопияли на него, утверждая, что от ящика им бу-

дет тесно... стук и дребезжанье старой линейки, тронувшейся с места, заглушили их детские голоса.

Панаевы собирались и кормить и ночевать в поле; с ними были и удочки и даже ружье, – мне стало грустно и завидно. На этот раз приказано мне было приехать на почтовых, в простой ямской повозке; а главное, я должен был ехать не в милое и дорогое мне, богатое водами, лугами, болотами и отдельными рощами Оренбургское Аксаково, а в скучное, безводное, кругом лесное, старое Симбирское Аксаково, где и дома порядочного не было».

По дороге в симбирское Аксаково находился город Тетюши. Он расположен недалеко от Буинска. Возможно, Аксаков бывал здесь, так как в Тетюшах семья Панаевых – его ближайших друзей по гимназии и университету – имела свой дом.

Замечательные воспоминания о детских годах, проведенных в Казанской гимназии и Тетюшах, оставил однокашник С.Т. Аксакова писатель Владимир Панаев. Его описание даёт возможность увидеть эти места такими, какими их мог видеть Сергей Аксаков.

«Маленький город Тетюши, в котором одна только церковь, да и та построена предками моими с матушкиной стороны, расположен на прекраснейшем месте – на крутом нагорном берегу Волги, имеющем там высоты, по крайней мере, сажен шестьдесят от уровня реки, – там, где она делает крутой поворот, и где этот высокий берег, образуя обширный полукруг, открывает зрителю, на нем стоящему, живописные виды во все три стороны, на необозримое пространство. Прямо впереди стелется луговая полоса Волги, то с песчаными, то с зелеными берегами, с тенистыми рощами и озерами; вправо и влево, чертою полукруга, тянется гряда гор, то покрытая по скату диким, недоступным лесом, то проявляющая местами широкие пласты разноцветной глины, или узорочные утесы известкового камня. В весенние половоды, когда река разливается верст на 30 шириною, виды эти становятся

еще великолепнее. Все пространство луговой стороны представляется тогда морем со множеством больших и малых островов, осененных высокими деревьями, как бы выходящими прямо из воды. Мы часто всею семьею хаживали любоваться этою дивною картиною природы».

Воспоминания Владимира Панаева впервые были опубликованы в «Вестнике Европы» в 1867 году. Тем более интересно обратиться к ним, так как они воспроизводят тот же отрезок времени и почти те же события, что и в воспоминания С.Т. Аксакова о годах учебы. Владимир Иванович даёт интересные характеристики героям аксаковской книги – своим братьям.

«Четыре года провел я в обществе братьев моих, в казанском нашем доме, то есть, до тех пор, когда они поступили на службу, а я – в университет.

Нежнее всех их был во мне старший брат, Николай, юноша кроткий, не по годам благочестивый, знавший наизусть большую часть церковной службы, и чуждый всех шалостей, свойственных его возрасту. Он любил читать, рассказывать про батюшку; я любил его слушать. Зато, второй брат, Иван, добрейшего сердца, ловкий и сильный, предавался всякого рода ребяческим забавам и затеям. Побегать, побороться, показать свою силу, рубить топором, строгать, клеить ящички, отливать из свинца маленькие пушечки, стрелять из них, лазить на голубятню (заведенную моим дядькою), – все это было его делом; кроме того, в нем обнаружился талант к поэзии, и он писал очень порядочные, судя по летам, стихи. К нему привязался я более: любил находиться при его шалостях, работах, услаждать слух мой гармониею его стихов, всегда правильных по механизму, бегать с ним на голубятню. От этого вероятно и во мне пробудилась склонность к стихомаранью, а голубятником сделался я страшным. Охота эта была тогда в большом разгаре: ею занимались купцы, дворяне и приближенные к ним служители. В самом деле, есть, бывало, чем полюбоваться, когда стая пестрых и белых голубей, поднявшись

с крыши и делая правильные круги по воздуху, подымается все выше и выше, в пространство голубого неба, когда отделившиеся из среды ее, так-называемые турманы, быстро перекидываясь через голову, или опускаясь винтом, кажется, готовы удариться о крышу, и вдруг взлетают опять к верху на соединение с прочими. Стая эта, сверкающая на солнце, при каждом повороте, белизною крыльев и грудок голубей, так глубоко иногда уходит в небо, что надобно смотреть в таз с водою, чтобы видеть, где она находится: иначе закружилась бы поднятая голова и не достало бы утомленного зрения.

Третий брат, Александр, более степенный, отличавшийся необыкновенною красотою, мечтательностью и мнительностью, хорошо рисовал и также занимался литературою, преимущественно в прозе. Я почти не отходил от него, когда, в свободное утро праздничного дня, он садился за какой-нибудь рисунок. А когда, будучи уже студентом, начал он вместе с Аксаковым собирать бабочек, я присоединился к нему и чуть ли не сильнее, чем он, прилепился в этому занятию: наяву и во сне мне мерещились бабочки. Да признаться, я ловлю их теперь, здесь, в Пятигорске, что приятно развлекает меня и переносит в золотые дни детства. Таким образом, от каждого из моих братьев я невольно что-нибудь заимствовал. Не от этого ли, впоследствии оказалось во мне более разнообразия во вкусах и склонностях, чем в других членах нашего семейства?».

Владимира Панаева на страницах «Воспоминаний» упоминает и об Аксакове: «Еще в нижнем классе, сидя подле С.Т. Аксакова, я посвятил ему первые мои стихи: *Зима;* он был старее меня, и года за три прежде поступил в гимназию, но часто и надолго увозимый матерью в деревню подвигался не быстро».

В Тетюшах жил Николай Яковлевич Соколов (1891-1996), заслуженный врач РСФСР и ТАССР – представитель династии врачей Соколовых, потомков рода Аксаковых по линии Аксиньи Степановны Нагаткиной. После окончания Казанского универси-

тета он и его жена Акчурина Роза Каримовна (1921-1993) много лет проработали в городской больнице. В их честь улица Урицкого в Тетюшах была переименована в улицу Врачей Соколовых.

Юго-восточное направление:
Казань - оренбургское Аксаково

«Прекрасное, даже жаркое, весеннее утро настоящего майского дня обливало горячим светом всю природу. В окна кареты заглянули зеленые, молодые хлебные поля, луга и леса; мне так захотелось окинуть глазами все края далекого горизонта, что я попросил остановиться, выскочил из кареты и начал бегать и прыгать, как самое резвое пятилетнее дитя; тут только я вполне почувствовал себя на свободе. Мать любовалась, глядя на меня из кареты. Я обнял Евсеича и Федора, поздоровался с кучером и форейтором, который успел сказать мне, что рыба начинала шибко клевать, когда он уезжал из Аксакова. Я поздоровался также со всеми лошадьми: Евсеич взял меня на руки, поднял, и я погладил каждую из них. Это был славный шестерик бурой и караковой масти, такой породы лошадей, о какой давно и слуху нет в Оренбургской губернии; но лет двадцать помнили ее и говорили о ней. Лошади были крупные, четырехвершковые, сильные до невероятности, рысистые, не задушливые на бегу и не знавшие усталости. В тяжелых экипажах делали на них по 80 и по 90 верст в день. Боже мой, как было мне весело! Насилу усадили меня в карету, но я высунулся в окошко и ехал так до самой кормежки, радостными восклицаниями приветствуя все, что попадалось на дороге. Наконец сверкнула полоса воды – это была река Мёша, не очень большая, но глубокая и чрезвычайно рыбная; по ней ходил довольно плохой плот на веревке. Мы переправлялись долго: лошадей ставили только по одной паре, а карету едва перевезли; ее облегчили от сундуков и других тяжестей, и, несмотря на то, плот погружался в воду. Мы с матерью переехали прежде всех на другой берег; цветущая и душистая урема

покрывала его. Я не помнил себя от восхищения. Запасливый форейтор, страстный охотник удить, взял с собою из деревни совсем готовую удочку с удилищем, которая и была привязана под каретой к дрожине; ее сейчас отвязали, и покуда совершалась переправа, я уже удил на хлеб и таскал плотву. Кроме Дёмы, я не видывал реки рыбнее Мёши: рыба кипела в ней, как говорится, так брала, что только успевай закидывать. Мудрено ли, что после освобождения из гимназического плена эта кормежка показалась мне блаженством!»

Из Казани в оренбургское имение Аксаковы ездили по два раза в год. Путь занимал от пяти до девяти дней. Среди населенных пунктов, где делали вынужденные остановки, в книгах называются сёла Шуран, Мурзиха и Алексеевское. И хотя от переправы через Каму до Бугурусланского уезда нужно было пересечь огромное пространство, мерилось оно не остановками, а пересеченными крупными речками: Кама, Мёша, Сок, Черемшан.

ШУРАН

«…мы приехали в полдень на летний перевоз через Каму, напротив села Шурана».

«Из Шурана в двое суток мать моя доехала до Казани, остановилась где-то на постоялом дворе и через полчаса уже была в гимназии».

«На другой день поутру мы переправились, немного повыше Шурана, через Каму, которая была еще в разливе. Я боялся (и теперь боюсь) большой воды, а тогда дул порядочный ветер. На перевозе оказалась посуда (так называются завозни, дощаники, паромы и проч. – прим.авт.), большая и новая: на одну завозню поставили всех лошадей и карету; меня заперли в нее с Парашей, опустили даже гардинки и подняли жалузи, чтоб я не видал волнующейся воды; но я, сверх того, закутал голову платком и все-таки дрожал от страха во все время переправы; дурных последствий не был».

Село Шуран Лаишевском уезда (ныне Лаишевский район республики Татарстан) очень древнее. Ещё в писцовых книгах XVI в. под названием Шуран значится «селение Казанского ханства». Русское село основано во второй половине XVI в. помещиками Змеевыми. В первой половине XVII в. оно принадлежало Ивану Никитичу Девятовичу. В 1646 году во владении его вдовы Марфы числилось 80 крестьян. В 1735 году была построена сохранившаяся до настоящего времени церковь во имя Рождества Христова, вместо существовавшего ранее деревянного храма. Село Шуран имеет живописное расположение, находится на высоком правом берегу Камы.

В 1740-1770-е гг. владельцем Шурана был отставной капитан Андрей Петрович Нармацкий, имевший более 2000 крепостных. Он отличался удивительным даже для тех времен самодурством: жестоко обращался со своими крестьянами, в усадьбе у него была настоящая тюрьма; захватывал земли соседних помещиков, но всё сходило ему с рук, так как у Нармацкого были связи и в Казани, и в столице. Имея несколько речных судов, он выходил на них на Каму и собирал дань с проходящих мимо Шурана кораблей, иногда и грабил их. Все это продолжалось около 15 лет (Нармацкий вышел в отставку и поселился в Шуране в 1755 году). Один из владельцев соседних деревень – камердинер Екате-

Церковь Рождества Христова в селе Шуран

рины II Алексей Игнатьевич Сахаров добился ареста и осуждения Нармацкого, который был сослан в Сибирь. Известно, что в 1772 году он был утоплен в Иртыше. В к. XVIII-н. XIX вв. его деяния и прозвище "нормандский герцог" были известны по всей России, имя А.П. Нармацкого стало нарицательным. Шуранская история в романтизированном виде была описана декабристом А. А. Бестужевым-Марлинским в популярной в первой половине XIX в. повести «Латник».

Имения А.П. Нармацкого были поделены между его детьми. Шуран с усадьбой первоначально достались Петру Андреевичу Нармацкому, являвшемуся полной противоположностью своего отца. Он был человеком очень религиозным, огромные средства тратил на благоустройство церквей. Отлитые по его заказу колокола с надписями еще в начале XX в. были во многих храмах Казанского и Лаишевского уездов. Он отказался от крепостной прислуги, отпустил на волю дворовых, всерьез собирался освободить всех своих крестьян. В начале 1790-х годов, когда в стране стало жестко преследоваться инакомыслие, подобные действия были сочтены вольнодумством. П.А. Нармацкий был взят под опеку как душевнобольной, а его имения перешли к сестре Марии Андреевне Кудрявцевой.

История шуранского помещика-самодура очень напоминает события, описанные С.Т. Аксаковым в «Семейной хронике» и образ Михаила Максимовича Куроедова.

В повестях С.Т. Аксакова рассказано о многих талантливых представителях из простого народа. Это и любимый дядька Евсеич, и ключница-сказочница Пелагея, и певунья Матреша и многие другие. В сцене переправы через Каму в районе Шурана писатель вывел незабываемый образ своего дворового – русского богатыря Ивана Борисова.

«…на возвратном пути случилось со мной происшествие, которое произвело на меня сильное впечатление и следы которо-

го не изгладились до сих пор: я стал гораздо более бояться и теперь боюсь переправляться через большие реки. Вот как случилось это происшествие: мы приехали в полдень на летний перевоз через Каму, против села Шурана. На берегу дожидались переправы три крестьянских телеги с поклажей и возчиками и десятка полтора баб с кузовами ягод; бабы возвращались домой пешком на противоположный берег Камы. Перевозчиков на перевозе не было; куда разбрелись они, не знаю. Потолковав несколько времени, крестьяне и мои люди решились сами переправиться через реку, потому что один из крестьян вызвался править кормовым веслом, уверив, что он несколько лет был перевозчиком.

Итак, выбрали лучший дощаник, поставили три крестьянские телеги с лошадьми, мою кибитку и всех трех наших лошадей; разумеется, взяли и всех баб с ягодами; мнимый перевозчик стал на корме, двое крестьян, мой кучер и лакей Иван Борисов (молодец и силач, один стоивший десятерых) сели в весла, и мы отчалили от пристани. Между тем черная туча взмывала на западе и мало-помалу охватывала край горизонта; ее нельзя было не приметить, но все думали: авось пройдет стороной или авось успеем переехать. Пристань находилась против самого Шурана, и для того, чтоб не быть снесенным быстротою течения сердитой Камы и чтобы угодить прямо на перевоз, надобно было подняться вверх по реке, на шестах, с лишком версту. Это производилось очень медленно, а гроза быстро начала приближаться. Чтобы ускорить переезд, поднялись вверх только с полверсты, опять сели в весла и, перекрестившись, пустились наперебой поперек реки; но лишь только мы добрались до середины, как туча с неимоверной скоростью обхватила весь горизонт, почерневшее небо еще чернее отразилось в воде, стало темно, и страшная гроза разразилась молнией, громом и внезапной неистовой бурей. Кормщик наш в испуге бросил кормовое весло и признался, что он совсем не перевозчик и править не умеет; вихрь

завертел наш паром, как щепку, и понес вниз по течению; бабы подняли пронзительный вой — и ужас овладел всеми. Я так испугался, что не мог промолвить ни одного слова и дрожал всем телом. Вихрем и быстротой течения снесло наш дощаник несколько верст вниз по реке и наконец бросило на песчаную отмель, по счастию, саженях в пятидесяти от противоположного берега. Иван Борисов спрыгнул в воду, она была ему по пояс; он дошел бродом до берега, глубина воды нигде не доставала выше груди. Он воротился тем же путем на паром, стащил с него одну из наших лошадей посмирнее, посадил меня верхом, велел крепко держаться за гриву и за шею лошади и повел ее в поводу; Евсеич шел подле и поддерживал меня обеими руками. Мутные и огромные волны хлестали через нас и окачивали с головой; по несчастью, Борисов, идя впереди, сбился с того броду, по которому прошел два раза, и попал на более глубокое место; вдруг он нырнул в воду, лошадь моя поплыла, и Евсеич отстал от меня; тутто я почувствовал такой страх близкой смерти, которого я не забыл до сих пор; каждую минуту я готов был лишиться чувств и едва не захлебнулся; по счастью, глубина продолжалась не более двух или трех сажен. Борисов плавал мастерски, лошадь моя от него не отставала, и, не выпуская повода из рук, он скоро выплыл на мелкое место и благополучно вывел на берег моего коня, но Евсеич, не умевший хорошо плавать, едва не утонул и насилу выбился на берег. Меня, мокрого до последней нитки, сняли с лошади почти без памяти; пальцы мои закоченели, замерли в гриве моего коня, но я скоро опомнился и невыразимо обрадовался своему спасенью. Евсеич остался со мной, а Борисов пустился опять к дощанику, с которого бабы с криками и воплями, не расставаясь с кузовьями ягод, побросались в воду; мужики постолкали своих лошадей и телеги, и все кое-как по отмели, удачно отыскав брод помельче, добирались до берега. Дощаник, облегченный от большей части груза, поднялся, и его начало тащить водою вниз по течению. Вот тут-то пригодилась сила Ивана Борисова; он

удерживал дощаник до тех пор, покуда наш кучер столкнул на отмель лошадей и нашу повозку; Борисов перестал держать паром, и его сейчас унесло вниз по реке.

Стоя в воде по пояс, заложили лошадей, и повозка моя, подмочив все в ней находившееся, выехала на берег. Мы сели, мокрые и озябшие, и поскакали в Шуран; там обогрелись, обсушились, напились горячего чаю, и холодная ванна не имела для нас никаких дурных физических последствий. Но зато напугалась моя душа, и я во всю мою жизнь не мог и не могу смотреть равнодушно на большую реку даже в тихое время, а во время бури чувствую невольный ужас, которого не в силах преодолеть».

МУРЗИХА

«В десять дней дотащилась моя мать до большого села Мурзихи на берегу Камы; здесь вышла уже большая почтовая дорога, крепче уезженная, потому ехать по ней представлялось более возможным, но зато из Мурзихи надобно переехать через Каму, чтоб попасть в село Шуран, находящееся, кажется, в 80 верстах от Казани».

«...весенняя пристань находилась еще в Мурзихе; летом она спускалась несколько верст ниже».

Село Мурзиха располагалось напротив Шурана, на левом пологом берегу Камы. В конце 1950-х годов попало в зону затопления Куйбышевского водохранилища и оказалось под водой. Во времена Аксакова это было имение Толстых (с начала XX века они назывались Толстыми-Милославскими), одного из самых известных дворянских родов Казанской губернии.

АЛЕКСЕЕВСКОЕ

«Евсеич рассказал нам, что барыня воротилась одна из села Алексеевского, в девяноста верстах от Казани по почтовому тракту, что барин остался там с барышней, которая нездо-

рова, и что мать моя прискакала на почтовых, в лёгкой ямской повозке, с одной горничной и одним человеком».

Село имеет древнюю историю. В начале XVIII века им владел сподвижник Петра I Казанский и Астраханский губернатор П.М. Апраксин, при котором оно и получило свое название по приделу Воскресенского храма, освященному в честь святителя Алексия, Митрополита Московского. Владельцами села было несколько поколений крупнейших русских заводчиков и землевладельцев Демидовых, сенатор А.И.Сахаров и его потомки.

Одной из главных святынь этих мест является Ахтырский источник, место обретения чудотворной иконы Ахтырской Божией Матери (1816 г.), чествование которой всегда собирает множество народа. В конце 90-х годов прошлого века заложили первый камень в строительство Воскресенского собора, а освящен он был в конце 2008 года. С тех пор на Соборной площади ежегодно проходит фестиваль колокольного звона с участием звонарей со всей России.

БУГУЛЬМА

«Эта последняя необыкновенная охота особенно в употреблении у оренбургских татар, живущих по берегам Большого и Малого Зая, протекающих и сходящихся в одну реку в Бугульминском уезде. Проезжая из Бугульмы в Казань, на одной станции знакомый мне ямщик, татарин, попросил у меня на несколько зарядов пороху и крупной дроби; я охотно дал ему и того и другого, но спросил, какую птицу он стреляет. Татарин отвечал мне, что он стреляет рыбу, именно лохов. Разумеется, я расспросил обо всех подробностях этой необыкновенной охоты и даже сам сходил посмотреть места по Малому Заю, на которых он стрелял красуль, водящихся в этой реке в большом изобилии: берега были высоки и удобны для того, чтоб за ними притаиться, а перекаты так мелки, что и небольшую рыбку было нетрудно застрелить».

Уездный город Бугульма находился совсем недалеко от оренбургских аксаковских имений. Вокруг были земли и деревни, принадлежавшие его родственникам.

Основание города относят к 1736 году. В 1806 году из Уфимского наместничества он был переведен в Оренбургскую губернию. По сведениям П.И.Рычкова, в середине XVIII века в Бугульме было около пятисот домов, две деревянные церкви, богодельня для ссыльных, неспособных работать. Население занималось кустарным промыслом: овчинно-шубным, кожевенным, гончарным, кузнечным.

В городе сходились два главных тракта в Казань: из Уфы и Оренбурга, поэтому проходила бойкая торговля. В год проводилось три ярмарки: в марте, в июле, а главная – Крестовоздвиженская – 14-21 сентября (по старому стилю). На ней бывало людей больше, чем проживало в городе. Товаров сбывалась на сотни тысяч рублей.

КРОТОВКА (Александровка)

«Дорога к Каратаевым, которые жили почти в таком же расстоянии от Багрова, как и Нагаткина, то есть немного более пятидесяти верст, шла совершенно в противоположную сторону, прямо на север. С половины пути местность делалась гористою и лесною».

«Молодые отправились после раннего завтрака, и как дорога была не ездовита и тяжела, то на полдороге, между Новой и Старой Мертовщины (куда на возвратном пути им надо было заехать), они покормили в поле часа два и к вечернему чаю приехали в Каратаевку… Деревня Каратаевка была поселена вдоль по скату, на небольшой, из родников состоящей, речке, запруженной в конце селенья и поднимавшей мельницу на один постав».

Деревня Каратаевка, о которой говорится в «Семейной хронике», на самом деле называлась Кротовка по фамилии мужа одной из тётушек писателя – Александры Степановне. В повести

он сохранил имена её и мужа, изменив только фамилию. Из всех свадебных визитов молодых Багровых (Аксаковых) этот запомнился особенно, так как невзлюбившая Марию Николаевну золовка уложила молодых в комнате с крысами, не предложив полог для кровати. Интересно, что Аксаков замечает, что «*невероятное множество крыс продолжало водиться в Каратаевке лет сорок спустя. Я сам испытал их наглые ночные нападения».*

Эта деревня в разные годы называлась по-разному: то Кротовка, то Александровка. По V ревизии (проводилась в 1795 году) в Бугульминском уезде в деревне Александровка подпоручику Ивану Кроткову принадлежало 33 души крепостных обоего пола, его супруге Александре Степановне – 58. По VII ревизии (1816 года) в этой же деревне они являлись владельцами соответственно 82 и 97 душ. По сведениям из Списка населенных мест Самарской губернии за 1859 год, в четвёртом стане Бугульминского уезда (на почтовом тракте Бугульма – Уфа) находилась владельческая деревня Кротовка (Александровка).

Иван Петрович Кротков в повестях С.Т. Аксакова представлен как башкиролюбивый помещик со странностями: *«Каратаев вел жизнь самобытную: большую часть лета проводил он, разъезжая в гости по башкирским кочевьям, и каждый день напивался кумысом допьяна; по-башкирски говорил как башкирец; сидел верхом на лошади и не слезал с неё по целым дням… стрелял из лука, разбивая стрелой яйцо на дальнем расстоянии, как истинный башкирец; остальное время года жил он в каком-то чулане с печью прямо из сеней, целый день глядел, высунувшись в поднятое окошко, даже зимой, в жестокие морозы, прикрытый ергаком, насвистывая башкирские песни и попивая от времени до времени целительный травник или тавленый башкирский мед».*

Столь своеобразный образ жизни не мешал Ивану Петровичу оставаться совсем не бедным помещиком. Аксаков писал, что его тетка Александра Степановна *“нашла себе столбового*

русского дворянина, молодого и с состоянием". Сохранились архивные документы, из которых видно, что в молодые годы подпоручик Иван Петрович Кротков делал значительные земельные приобретения в тогдашней Оренбургской губернии. В 1778 году он купил земли недалеко от Уфы у капитана С.Ф. Каловского по речкам Малому и Большому Юрмашу. В 1779 году за небольшую цену купил у башкир огромный участок по рекам Ик, Сюнь и Усень. Приобретенные земли располагались на современной территории Бавлинского (Татарстан), Туймазинского и Шаранского районов Башкирии. На земле, принадлежавшей когда-то И.П. Кроткову, через полтора с лишним столетия вырос город Октябрьский.

Иван Петрович помог приобрести земли и другим своим родственникам, например, сестре жены – Евгении Степановне.

В «Семейной хронике» Аксаков не упоминает детей супругов Кротковых, но отмечает, что в отличие от тётки Александры Степановны Иван Петрович *«нас с сестрой очень любил».*

Деревня Александровка существует до сих пор. В ней сохранился Спиртзавод, построенный в 1908-1911 гг. на средства землевладельцев Бутлеровых, а также здания начала XX века.

ЛАТЫ

«У Евгении Степановны в 7 верстах от ее сестры Александры Степановны находилась деревушка из 25 душ, при ней маленький домик, сплоченный из двух крестьянских срубов на родниковой речке Бавле, кипевшей форелью (уголок очаровательный!) и, и достаточное количество превосходной земли со всякими угодьями, купленной на ее имя у башкирцев за самую ничтожную цену, о чем хлопотал деверь ее, сам полубашкирец, И.П.Кротков. И такое ничтожное именьице казалось заслуженному воину спокойной пристанью, куском хлеба на старость».

«Увы! земля эта отошла после многолетней тяжбы с соседственной Бавлинской тюбой башкирцев, которые доказали,

что они настоящие вотчинники. Бедная тетка моя купила неподалеку девятьсот десятин и должна была перевесть свою деревушку и перенесть усадьбу».

Евгения Степановна – самая меньшая сестра отца писателя представлена С.Т. Аксаковым в нескольких произведениях. Её позднее замужество (а вышла она замуж в сороколетнем возрасте) совпало с приездом в оренбургское Аксаково Сергея-студента с воспитателем Карташевским. Жених Евгении Степановны, отставной подполковник Василий Васильевич Угличининов, был человеком смирным и тихим, уже в годах, с небольшим увечьем, полученным в боевых действиях. Родня невесты *«потихоньку подсмеивалась над старым кривым женихом, кроме моей матери, отца и Григория Ивановича, которые обходились с ним с уважением и приветливо…Григорий Иванович находил сверх того особенное удовольствие в разговорах со старым больным инвалидом, и Василий Васильевич, до крайности неразговорчивый с другими, охотно отвечал на его вопросы и рассказывал очень много любопытного».*

Семейная жизнь Угличининых, между тем, сложилась очень счастливо. И Сергей Тимофеевич Аксаков, уже будучи взрослым, бывая в тех местах на охотах, любил заезжать к ним в гости и наслаждаться особым семейным миром, где всё дышало любовью и покоем. *«Она любила нежно и горячо своего инвалида-полковника, который также очень нежно и глубоко любил её… При других они были далеки между собой, всегда говорили друг другу вы и вообще обходились очень учтиво».* Аксаков вспоминает, что это был особенный дом: *«всё у них было как-то на своём месте, как-то лучше, чем у других: собаки и кошки жирнее и опрятнее, певчие птички веселее и голосистее, растения зеленее. Подарят, бывало, им горшок каких-нибудь засыхающих цветов, – они у них оживут, позеленеют и необыкновенно разрастутся, так что прежний хозяин выпросит их назад».*

В повестях Аксаков не приводит названия той деревни, где «особым миром» жила чета Угличининых. По приведенным описаниям, можно только предположить, что имение Евгении Степановны так же находилось в Бугульминском уезде. Поисками аксаковских владений занималась уфимский краевед Я.Свице. Её удалось разыскать данные о неизвестном до сих пор имении. «По сведениям из Окладной книги по Бугульминскому уезду V ревизии (1795 г.) в деревне *Александровке* (той же, где проживали супруги Кротковы) девица Евгения Аксакова была владелицей 14 душ крестьян обоего пола.

По VI ревизии, проходившей в 1811 году, в деревне Александровке крепостные Евгении Степановны уже не значились. Но называлась «вновь заведенная деревня» *Латы.* И в ней у полковницы Евгении Угличининой было 20 душ крепостных мужского пола (в эту ревизию учитывалось только мужское население), в 1813 г. сюда были переведены ещё 20 душ крестьян из Симбирской губернии, и в 1815 году 19 душ из Бугурусланского уезда».

На современных картах этого населенного пункта нет. Нет его и на карте Бугурусланского уезда Самарской губернии 1912 года. И лишь на карте Генерального межевания 1790-1822 гг. между Александровкой и Бавлами обозначен очень небольшой населенный пункт Латы. Эту деревню и посещал Сергей Тимофеевич уже в 30–40-е годы XIX века.

ЯКОВЛЕВКА

«Часа в 4 после обеда приехали мы к Софье Тимофеевне... Места, окружающие ее деревню, очаровательны: везде липовые и дубовые рощи, не увидите вы ни ели, ни сосны, везде горы и долины и ручьи, бегущие из каменных расселин... Софьи Тимофеевны и никого не было дома, они все уехали удить; им тотчас дали знать, а мы между тем переоделись и встретили их в саду. Прием был самый простой и радушный, какого я и не ожидал».

Из писем к родным Ивана Сергеевича Аксакова

Родная сестра писателя – Софья Тимофеевна Аксакова вышла замуж за надворного советника Михаила Васильевича Глумилина. В Бугульминском уезде он владел деревней Яковлевка, куда и заехали по пути из Надеждино Сергей Тимофеевич с сыновьями Константином и Иваном в 1851 году. В письмах к матери и сёстрам Иван очень трогательно описывал семью своей тётушки.

«Кроме Софьи Тимофеевны, здесь все народ молодой и живой, веселый и беспечный... Все моложе (даже годами), живее, веселее и беспечнее нас! Право, смотреть завидно, особенно когда подумаешь, что и никогда и в их лета не имел такой молодости!.. Бутлеров нам всем чрезвычайно понравился; ему всего 23 года, с обширными знаниями (по своей части) он соединяет в себе такую детскость, такое простое, чистое сердце, что редко встречаешь подобные явления. Нет в нем ни претензий, ни умышленных движений; напротив, совершенная свободность всего его обхождения может происходить только от чистоты и простоты сердечной. Надинька, хотя и смотрит совершенным ребенком, однако ж очень мила, проста, говорит нам "ты" и требует от нас того же. Прощайте, милая маменька и милые сестры, будьте здоровы. Завтра мы едем отсюда опять к Аркадию Тимофеевичу».

В семье Софьи Тимофеевны было пять детей. В 1851 году им было: Марии 26 лет, Михаилу 21 год, Надежде 19, Екатерине 17, а самой младшей Юлии – 7. Это была большая и дружная семья. У них был дом в Казани, в котором некоторое время после тяжелой утраты – смерти отца – жил тогда ещё малоизвестный Александр Михайлович Бутлеров (1828-1886). Здесь он познакомился со своей будущей женой – Надеждой Михайловной Глумилиной. Великого русского химика, создателя теории химического строения, основателя казанской (бутлеровской) школы химиков-органиков, профессора А.М. Бутлерова ценили и любили в семье Аксаковых. Он был частым гостем в Абрамцево, у Николая Ти-

мофеевича в инзенской Репьёвке. Вместе с племянником писателя Александром Николаевичем Аксаковым увлекался спиритизмом и даже печатался в его журнале «Психические исследования». Сохранилась дружественная переписка А.М. Бутлерова и С.Т. Аксакова.

У Надежды Михайловны и Александра Михайловича было двое сыновей: Михаил и Владимир. Михаил Александрович Бутлеров стал известным зоологом. Очевидно, семья Бутлеровых была очень дружна с семьёй Николая Тимофеевича Аксакова, потому что Владимир Бутлеров владел 381 десятиной земли в с. Репьёвка (Инзенская), а Михаил в 1912 году владел земельной дачей в 493 десятины в деревне Сергеевка (Никольское) под Уфой, – всё это бывшие владения брата С.Т.Аксакова – Николая Тимофеевича.

«Прощайте, мои светлые и темные образы,
мои добрые и недобрые люди, или, лучше сказать,
образы, в которых есть и светлые и темные стороны,
люди, в которых есть и доброе и худое!
Вы не великие герои, не громкие личности;
в тишине и безвестности прошли вы свое земное поприще
и давно, очень давно его оставили: но вы были люди,
и ваша внешняя и внутренняя жизнь так же
исполнена поэзии, так же любопытна и поучительна для нас,
как мы и наша жизнь, в свою очередь,
будем любопытны и поучительны для потомков.

Вы были такие же действующие лица великого
всемирного зрелища, с незапамятных времен
представляемого человечеством, так же добросовестно
разыгрывали свои роли, как и все люди, и так же
стоите воспоминания. Могучею силою письма и печали
познакомлено теперь с вами ваше потомство.
Оно встретило вас с сочуствием и признало в вас братьев,

когда и как бы вы ни жили, в каком бы платье ни ходили. Да не оскорбится же никогда память ваша никаким пристрастным судом, никаким легкомысленным словом!»

С.Т. Аксаков «Семейная хроника»

РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ АКСАКОВЫХ

АКСАКОВ ИВАН ПЕТРОВИЧ (? – 1753)
и его жена Бекетова Елизавета Михайловна (?–1750)

Их дети:

Надежда Ивановна Куроедова (1747–1806),
муж – М.М. Куроедов (ок.1721–1792)

АКСАКОВ МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ и его жена ?

Их дети:

Степан Михайлович Аксаков

АКСАКОВЫ СТЕПАН МИХАЙЛОВИЧ (ок. 1724 – ок. 1798)
и его жена Ирина Васильевна, урожд. Неклюдова (ок. 1725 – 1799)

Их дети:

1. **Анна Степановна Веригина** (род. ок. 1752–?),
муж – И.Т. Веригин
2. **Ксения (Аксинья) Степановна Нагаткина** (род.ок.1754–?),
первый муж – И.А. Коптяжев (ум. ранее 1788),
второй муж – Б.А. Нагаткин
3. **Александра Степановна Кроткова** (1755–?),
муж – И.П. Кротков

4. **Елизавета Степановна Ерлыкова** (1756 – ?),
муж – И.П. Ерлыков
5. **Евгения Степановна Угличинина** (1773–?),
муж – В.В. Угличинин
6. **Тимофей Степанович Аксаков** (1759–1837)

АКСАКОВ ТИМОФЕЙ СТЕПАНОВИЧ и его жена Мария Николаевна (1769–1833), **урожд. Зубова**

Их дети:

1. **Сергей Тимофеевич Аксаков** (1791–1859)
2. **Надежда Тимофеевна Карташевская** (1793–1887),
первый муж – Николай Иванович Мосолов
(ум. в 1813),
второй муж – Григорий Иванович Карташевский
(1777–1840)
Александр (1817–1894)
Василий (?–1901)
Николай (1820–1889)
Дмитрий
Фёдор
Яков
Мария (1818–1909)
Юлия (1823–1895)
Надежда (?–1890),
муж Маркович А.Н. (1830–1907)
3. **Николай Тимофеевич Аксаков** (1797–1882),
жена – Е. А. Панова
Александр (1832–1903)
4. **Анна Тимофеевна Воейкова** (1799–1850),
муж – В. И. Воейков
Александр
Николай
Алексей

Аркадий

Мария (1826–?)

5. **Аркадий Тимофеевич Аксаков** (1803–1862), жена – А. С. Кроткова

Сергей (1837–?), жена Х. А. Киреева(1855–?)

Николай (1838–1887)

Надежда (1839–1907),

муж А. П. Безобразов (1828–1905)

Александр (1842–1880)

6. **Софья Тимофеевна Глумилина** (1806–1866), муж М. В. Глумилин

Михаил

Василий

Надежда, муж –

русский ученый-химик А.М. Бутлеров

Юлия, муж – Юм

Екатерина, муж – Н.А. Аристов

Мария, муж – А.С. Россоловский

СЕРГЕЙ ТИМОФЕЕВИЧ АКСАКОВ и его жена Ольга Семёновна (1793–1878), **урожд. Заплатина**

Их дети:

1. **Константин Сергеевич Аксаков** (1819–1860)
2. **Вера Сергеевна Аксакова** (1819–1864)
3. **Григорий Сергеевич Аксаков** (1820–1891), жена С.А. Шишкова
4. **Ольга Сергеевна Аксакова** (1821–1861)
5. **Иван Сергеевич Аксаков** (1823–1886), жена А. Ф. Тютчева
6. **Михаил Сергеевич Аксаков** (1824–1841)
7. **Надежда Сергеевна Аксакова** (1829–1869)
8. **Любовь Сергеевна Аксакова** (1830–1867)

9. **Мария Сергеевна Томашевская** (1831–1906), муж Е.А. Томашевский

10. **Софья Сергеевна Аксакова** (1835–1885)

ГРИГОРИЙ СЕРГЕЕВИЧ АКСАКОВ и его жена Софья Александровна (1830–1883), **урожд. Шишкова**

Их дети:

1. **Ольга** (1848–1821)
2. **Сергей** (1861–1910),

жена Серафима Ивановна Свешникова

Мария(1885–?)

Елизавета (1886–1888)

Константин (1888–1950)

Сергей (1890–1968):

первая жена –

Вера Евгеньевна Уссаковская (1891–1991)

Вера (1916–1996)

вторая жена **– Клавдия Степановна Иванова-Колударова** (1905–1996)

Ирина (1939–2007)

Ольга (1942–1987)

ИРИНА СЕРГЕЕВНА АКСАКОВА, муж В.С. Полицаев (1938 г.р.)

Их дети:

Сергей Витальевич Аксаков (1963)

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА АКСАКОВА, муж В.Б. Зайцев (1941–1982)

Их дети:

Наталья (1966)

Катерина (1974)

СЕРГЕЙ ВИТАЛЬЕВИЧ АКСАКОВ,
жена **М.М.Тихомирова** (1969)
Их дети:
Сергей (1995)
Иван (2004)

НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЕВНА АКСАКОВА,
муж. **О.А. Сташевский** (1964)
Их дети:
Ольга (1991)

ЕКАТЕРИНА ВАЛЕРЬЕВНА АКСАКОВА
Их дети:
Валерия (1994)

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА С.Т. АКСАКОВА

(Все даты приводятся по старому стилю)

20.09. 1791	Родился в Уфе
1800-1801	Приезд в Казань. Сергей Аксаков поступает в Казанскую гимназию. Болезнь. Отъезд из Казани в деревню.
1802	Лето в Аксакове (Знаменском). Возвращение в Казань, продолжение учения в гимназии.
1802-1804	В гимназии. Преподаватель русской словесности И.М. Ибрагимов, преподаватель математики Г.И. Карташевский, воспитатель гимназиста

	Сергея Аксакова. Знакомство с литературой русской и французской. Любовь к поэзии и театру. Первая охота с ружьем и увлечение ею.
1804	Открытие Казанского университета. С. Аксаков – студент старшего отделения.
1807	Просьба об увольнении из университета «для определения к статским делам».
1808–1813	Петербург. Служба переводчиком в «Комиссии составления законов». Знакомство с А.С. Шишковым, актерами Я.Е. Шушериным, И.А. Дмитриевским.
1811	Выход в отставку.
1812–1826	Жизнь в Аксаково (Знаменском). С 1821 в селе, Надеждино, Белебея, с наездами в Петербург и Москву.
1815	Знакомство в Петербурге с Г.Р. Державиным.
1816	Женитьба на дочери суворовского генерала Ольге Семеновне Заплатиной.
1827-1832	(с перерывом) Цензор Московского цензурного комитета, затем председатель этого комитета.
1827	Участие в «Московском вестнике» М.П. Погодина, театральные статьи и рецензии.
1832	Увольнение со службы за пропуск баллады «Двенадцать будочников».
1832	Знакомство с Н.В. Гоголем и Н.М. Языковым.
1833	Смерть матери.
1833-1838	Инспектор Константиновского землемерного училища, преобразованного вскоре в Межевой институт, первым директором которого стал С.Т. Аксаков.

1834	Опубликован очерк «Буран».
1837	Смерть отца.
1841	Смерть младшего, семнадцатилетнего сына Миши.
1843	Приобретение подмосковного имения Абрамцево.
1845	Частичная потеря зрения. Диктовки «Записок об уженье рыбы».
1846	Приступы мучительной болезни. Первый отрывок «Семейной хроники» опубликован в «Московском литературном и ученом сборнике».
1847	Выход отдельного издания «Записок об уженье рыбы». Письмо Гоголя с просьбой написать «Записки своей жизни».
1849	Гоголь – гость Абрамцева. Чтение Гоголем первой части «Мертвых душ».
1850	Знакомство с И.С. Тургеневым и начало переписки с ним.
1852	Смерть Гоголя. «Письмо к друзьям Гоголя», Отдельное издание «Записок ружейного охотника Оренбургской губернии».
1854	Начало работы над «Историей моего знакомства с Гоголем».
1855	Работа над «Семейной хроникой» и «Воспоминаниями».
1856	Отдельное издание «Семейной хроники» (первых трех отрывков) и «Воспоминаний». Появление в журналах двух последних отрывков «Семейной хроники». Второе издание «Семейной хроники» в полном составе.

1858	Выход в свет книги «Детские годы Багрова-внука, служащие продолжением Семейной хроники».
1858	Стихотворение «При вести о грядущем освобождении крестьян».
1858	«Очерк зимнего дня», последнее произведение писателя, диктованное, по словам Ивана Аксакова, «на одре мучительной болезни, за четыре месяца до кончины».
1859	В ночь с 29 на 30 апреля С.Т. Аксаков скончался в Москве, в доме на Кисловке.
03.05. 1859	Похороны на кладбище Симонова монастыря.

АДРЕСА МУЗЕЕВ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ФОНДОВ

В БАШКИРИИ

МЕМОРИАЛЬНЫЙ ДОМ-МУЗЕЙ С.Т. АКСАКОВА В УФЕ

Адрес: 450057, г. Уфа, ул. З.Расулева, д. 4, а/я 4871.

Тел./факс: (347) 276-83-52.

E-mail: aksakov-museum@mail.ru

Веб-сайт: www.aksakovufamuseum.ru

Режим работы экспозиции музея: с 11.00 ч. до 18.00 ч.

Выходные дни: воскресенье, понедельник.

Проезд: всеми видами транспорта до остановки «Училище искусств» (по ул. Заки Валиди).

Директор: Чванов Михаил Андреевич.

Сотрудники: Петрова Татьяна Евгеньевна,
Иванова Галина Олеговна,
Кузина Галина Николаевна.

МУЗЕЙ СЕМЬИ АКСАКОВЫХ
В СЕЛЕ НАДЕЖДИНО БЕЛЕБЕЕВСКОГО РАЙОНА РБ

Адрес: 452000, Белебеевский район, с. Надеждино, ул. Аксакова, 26.

Телефон: 8 (34791) 6-02-95.

E-mail: aksakovikc@yandex.ru

Режим работы экспозиции музея: с 11.00ч. до 18.00 ч.

Выходные дни: воскресенье, понедельник.

Проезд: автобусом (Южный автовокзал) «Уфа – Белебей»,
далее автобусом «Белебей – ст.Надеждино»; электричкой и поездом «Уфа – ст.Аксаково».

Директор музея: Гайнуллина Галина Владимировна.

Сотрудник: Заляева Юлия Ивановна.

В ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК ПИСАТЕЛЯ С.Т. АКСАКОВА

Адрес: 461630, Оренбургская область, Бугурусланский р-он,
с. Аксаково.

Телефон: (35352) 5-31-68, **факс:** (35352) 2-43-09.

Режим работы: Ежедневно с 10.00 до 18.00.

Выходной день: понедельник.

Проезд: до Бугуруслана доехать на поезде,
затем на местных автобусах или такси.

Директор: Хиль Сергей Иванович.

Сотрудники: Хиль Тамара Петровна,
Антонова Лариса Аскаровна.

В САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

САМАРСКИЙ ОБЛАСТНОЙ
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ ИМЕНИ П.В. АЛАБИНА

Адрес: 443041, г. Самара, ул. Ленинская, 142.

Телефон: 332-28-89 (приемная), **факс:** 332-21-02.

E-mail: pr@alabin.ru

Проезд: трамваем 1, 3, 16, 18 маршрутов до ост. ул. Бр. Коростылёвых; трамваем 4, 5, 20, 22 маршрутов до ост. ул. Красноармейская; автобусом 2, 23, 31, 34, 41, 46, 47 до ост. ул. Красноармейская.

САМАРСКИЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФОНД СОДЕЙСТВИЯ ТРАЗВИТИЮ КУЛЬТУРЫ И НРАВСТВЕННОСТИ «ВСЕНАРОДНОЕ ДОСТОЯНИЕ»

Адрес: г. Самара**,** проезд 9-го Мая, 10.

Телефон: 8 (846) 269-33-00, 8-927-262-29-30.

E-mail: pakorovin@mail.ru

Веб-сайт: www.vsenarod.ru

Председатель фонда: Коровин Павел Анатольевич.

БОРСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Адрес: 446660 Самарская обл., с. Борское, ул. Ленинградская, 60.

Телефоны: 8 (84667) 2-17-66.

E-mail: museum@borskoe.com

Веб-сайт: www.borskoe.com

Директор: Требунских Любовь Васильевна.

Сотрудник: Богатинова Надежда Степановна.

В УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

УЛЬЯНОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА ИМЕНИ С.Т. АКСАКОВА

Адрес: 432063, Ульяновск, ул. Минаева, 48.

Телефон: (8422) 41-82-45, 41-82-54.

Веб-сайт: uobdu-aksakov.org

Директор: Кичина Татьяна Евгеньевна, (8422) 41-81-93.

Сотрудники: Неверова Наталия Васильевна,

Васильева Наталия Дмитриевна.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

Аксаковские места Башкирии

Уфа 8
Касимово 36
Сергеевка (Старые Киешки) 37
Алмантаево (Камышлы) 41
Зубово 42
Алкино 43
Надеждино 46
Белебей 61
Медведка (Анненково) 65
Сиушка 66
Глумиловка (Подлесное) 67
Илькино 68
Пестровка (Большое Аксаково) 70
Подлесное (Малое Аксаково) 74
Ерлыково 76
Калиновка 82
Ильинское (Рябаш) 83
Богинская (Баженово) 89
Ик-Кармалы (Нижние Карамалы) 90

Аксаковские места Оренбургской области

Оренбург 96
Аксаково (Знаменское) 98
Мордовский Бугуруслан 103
Бугуруслан 104
Нагаткино 105
Коптяжево 107

Веригино 109
Куроедово 111
Державино 112
Александровка (Шишковка) 117
Преображенка 121
Бузулук 123
Бахметьево (Октябрьское) 125
Рычково 127
Богдановка 130
Старая Мертовщина (Каменногорское) 131
Кивацкое 140
Нойкино 141
Коровино 142
Полибино 143

Аксаковские места Самарской области

Неклюдово 147
Нклюдово-Дурасово 151
Байтуган 152
Красное поселение 152
Кротково 153
Абдул-завод 155
Сергиевск и Серноводск 155
Самара 163
Страхово 187
Языково 189
Борское 197

Аксаковские места Ульяновской области

Симбирск 201
Аксаково (Троицкое) 202
Чуфарово 206
Языково 214
Тагай 217
Подлесное 218
Тимофеевка 220
Чириково 221

Большое Нагаткино 221
Красный Яр 222
Никольское-на-Черемшане 223
Вишенки 231
Репьёвка (Космынская) 233
Карамзинка 233
Кротково 238
Алакаево 240
Большая Репьёвка 242
Старое Никулино 244
Репьёвка (Инзенская) 245
Неклюдово 255
Куроедово и Куроедовские выселки 256
Бекетовка 256

Аксаковские места Татарстана

Казань 260
Кощаково 296
Тетюши 298
Шуран 303
Мурзиха 308
Алексеевское 308
Бугульма 309
Кротовка (Александровка) 310
Латы 312
Яковлевка 314

Родственные связи Аксаковых 317
Основные даты жизни и творчества С.Т. Аксакова ... 321
Адреса музеев и общественных фондов по областям 324